



001

michel jouvet

le voleur de songes

мишель жуве

**ПОХИТИТЕЛЬ СНОВ**



## Annotation

Профессор Мишель Жуве — автор и герой романа «Похититель снов» — нейрофизиолог и невролог, один из трех «отцов-основателей» современной сомнологии (науки о сне), член Национальной Академии наук Франции, лауреат многих научных премий. «Я хотел рассказать о том, как можно было бы (или нельзя) изменить личность человека, воздействуя с помощью препаратов на определенные механизмы сновидений», — говорит автор. За интригующим сюжетом, порой драматическим, порой комическим, скрываются глубокие размышления автора о судьбах Европы, о роли науки, его тревога за будущее человечества... Увлекательное чтение и для специалистов, и для широкого круга читателей, не чуждых современной науки.

---

- [Мишель Жуве](#)
  - [Предисловие переводчика](#)
  - [Предисловие автора к русскому изданию](#)
  - [Глава 1. Гостиница «Теодорих»](#)
  - [Глава 2. Сорок первый](#)
  - [Глава 3. Муранелла](#)
  - [Глава 4. Крейсер «Аврора»](#)
  - [Глава 5. Стена с кольцами](#)
  - [Глава 6. Конгресс в Венеции](#)
  - [Глава 7. Консультации в Падуе](#)
  - [Глава 8. Марш Радецкого](#)
  - [Глава 9. Гора Граппа](#)
  - [Глава 10. Абанские глупости](#)
  - [Глава 11. Бьянка и мой близнец](#)
  - [Глава 12. La pilloliera del diavolo\[92\]](#)
  - [Глава 13. La messa dei gatti\[102\]](#)
  - [Глава 14. Венецианское метро](#)
  - [Глава 15. Операция «Alter ego»](#)
  - [Глава 16. Загадка «чертовой пилюльницы»](#)
  - [Глава 17. Владимир Владимирович](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)

- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)



**Мишель Жуве**  
**Похититель снов**

## Предисловие переводчика

Профессор Мишель Жуве, автор и герой романа — один из крупнейших специалистов по физиологии сна, которому современная наука о сне («сомнология», «гипнология» или «онейрология») обязана большей частью своих поразительных открытий. Профессор Жуве — гордость Франции, один из выдающихся ученых, член Национальной Академии наук, лауреат многих национальных и международных научных премий.

Жуве родился в 1925 году недалеко от Диона. Его отец был врачом, но интеллект и уровень знаний этого человека намного превышал «среднемедицинский». Вся семья была на редкость талантлива, так, брат Жуве (к сожалению, безвременно умерший) был в свое время самым блестящим из молодых физиков-теоретиков во Франции.

Во время Второй мировой войны Мишель Жуве, тогда студент-медик, был призван в армию, воевал под Страсбургом. В период оккупации ушел в партизаны-маки, сражался в горах недалеко от Диона. Имеет боевые награды. После войны Жуве закончил учебу во Франции и аспирантуру в США, в лаборатории крупнейшего нейрофизиолога Гораса Мэгуна. Затем вернулся во Францию, в родной Лион, на кафедру экспериментальной медицины Университета им. Клода Бернара, которую вскоре возглавил, и оставался на этом посту более тридцати лет, вплоть до своей отставки в 1995 году.

Жуве одним из первых в конце пятидесятых годов минувшего века наблюдал и регистрировал электрофизиологические проявления парадоксального сна (быстрого сна, сна со сновидениями) у кошки. Справедливости ради следует отметить, что за несколько лет до него эти феномены у человека и кошки описали американские авторы: крупнейший специалист по проблеме сна первой половины XX века Натаниель Клейтман (кстати, выходец из России, родился в Кишиневе) и его аспиранты Юджин Азеринский и Билл Демент. Однако по-настоящему понял, какое открытие было сделано, и создал новую парадигму (как говорят философы) именно Жуве. Согласно Жуве, парадоксальный сон (этот термин также принадлежит ему) — не классический сон и не бодрствование, а особое, третье состояние организма, характеризующееся парадоксальным сочетанием активности мозга и расслабления мышц, как бы активное бодрствование, направленное внутрь.

В 1960-е годы Жуве внес громадный, неоченимый вклад в физиологию

сна. Он превратил кафедру экспериментальной медицины в самый крупный в Европе и один из крупнейших в мире институтов по экспериментальному и клиническому изучению сна. Им и его коллегами была изучена и досконально описана вся феноменология сна, его анатомическая основа, нейрофизиологические, биохимические, онто- и филогенетические аспекты и прочее. В числе экспериментальных открытий Жуве были и совершенно фантастические, достойные Гуго Ласэва<sup>[1]</sup>, — например, кошка, демонстрирующая свои сновидения<sup>[2]</sup>. Нашим ученым Мишель Жуве известен главным образом как автор методики «стресса по Жуве», в ходе которой подопытное животное (мышь, крысу или кошку) помещают на небольшой островок, окруженный водой. Во время парадоксального сна происходит полное мышечное расслабление, и животное сваливается в воду. Пребывание на островке в течение нескольких суток вызывает почти полное подавление парадоксального сна, а также значительное снижение медленного сна и сильный стресс у животного<sup>[3]</sup>.

Мишель Жуве — личность почти легендарная, и его собственная жизнь также достаточно интересна и насыщена событиями, о чем он рассказывает в своей новой книге «Похититель снов». Роман вышел в Париже, в конце 2004 года, в том же издательстве Одиль Жакоб, где ранее были опубликованы его роман «Замок снов» и сборник научных эссе «Сон и сновидение». «Похититель снов» написан в жанре детектива, действие которого происходит в наши дни, но фабула лихо закручена на том же сюжете — проблеме сна и сновидений, которой были посвящены предыдущие книги автора. Герой романа — сам Жуве, инвалид войны, получивший тяжелое ранение в боях с гитлеровцами, приезжает лечиться на грязевой курорт в Северной Италии, где попадает в круговорот захватывающих событий, становясь жертвой собственных открытий... Процесс «деперсонализации» героя книги описан автором с необычайным мастерством. У читателя наверняка возникнет тревожный вопрос: насколько серьезно можно воспринимать все то, что написано в романе? Не является ли он своего рода провокацией, желанием поставить под сомнение незыблемость ряда общепризнанных научных положений? Сам автор в беседах и письмах к переводчикам неоднократно предупреждал, чтобы читатель не расценивал все, что говорит герой книги, как отход от естественно-научной позиции самого автора. «Да, герой этой книги — я сам, но „я“, находящийся в состоянии измененного сознания», — подчеркивает Жуве.

За интригующим сюжетом, порой драматическим, порой комическим,

скрываются глубокие размышления автора о судьбах Европы, о роли науки, его тревога за будущее человечества, неспособного обуздать свою собственную мощь, порожденную научно-техническим прогрессом, и направить ее на благие цели... Несомненно, роман будет интересен и специалистам-сомнологам, и широкому кругу читателей, интересующихся современной наукой. Во всяком случае, во Франции книга пользуется огромным успехом и в настоящее время переводится на ряд иностранных языков. Наш читатель, привыкший в литературе к иронии и полутонам, надеюсь, проявит снисходительность к «джеймсбондовским» пассажирам автора, к которым, мне кажется, он и сам относится не слишком серьезно.

Что касается существа затронутых в книге Жуве научных вопросов, то поспешим успокоить читателя: хотя изложенные в романе сведения о природе сна и сновидений, о работе мозга действительно относятся к багажу знаний современных нейронаук, однако объединенные вместе и вплетенные в загадочные события, происходившие с героем повествования в Венеции, — не более чем полет фантазии автора... В первую очередь сомнителен сам главный постулат автора — что воздействие на механизм сновидений может изменить структуру личности. В то же время в арсенале современной психиатрии имеется немало сильнодействующих средств, способных изменять структуру личности и, как следствие, влиять на характер сновидений. В целом, несмотря на огромный вклад Жуве, его коллег и других сомнологов второй половины XX века в расшифровку механизмов парадоксального сна и соответственно сновидений, вопросы «зачем?», «для чего?» и поныне остаются без ответа. Этот ответ, несомненно, рано или поздно будет дан нейрофизиологами и сомнологами XXI века. Что лежит в основе романа Жуве — так это вера в безграничную мощь познающего разума, способного, в конечном счете, познать и самое себя...

*В. М. Ковальзон, доктор биологических наук, председатель правления  
Российского общества сомнологов*

## Предисловие автора к русскому изданию

Мне всегда нравились города, пересеченные сеткой каналов или расположенные в устье реки. Вот почему я люблю посещать Санкт-Петербург, Амстердам и особенно Венецию. В «Светлейшей республике» (так называли Венецию в XV–XVI веках) изображения дворцов и соборов, отраженные в тихой воде каналов, искажаются легкой рябью от вапоретто [4] и превращаются в онейрические [5] сцены. А в качестве театра, где они происходят, я выбрал Венецию и Санкт-Петербург. Я мог бы просто выдумать героя романа, но ведь история эта была продиктована *моим* бессознательным, то есть снами, явившимися из самых глубин *моей* личности. Вот почему я предпочел написать эту книгу от первого лица и стал мишенью для упреков и иронических замечаний ряда читателей. Я хотел рассказать о том, как можно было бы (или нельзя) изменить личность человека, воздействуя с помощью препаратов на определенные механизмы сновидений. Первые три главы книги основаны на реальных событиях. В 1999 году я действительно в седьмой раз приехал на лечение термальными водами в Монтегротто (близ Венеции) и начал писать длинную научную статью на английском языке с изложением гипотезы касательно функций сновидений (так называемое «последовательное генетическое программирование личности»). Каждый день после полудня я плавал по Венеции на вапоретто номер 41 и на этом кораблике повстречал при любопытных обстоятельствах, которые описаны в книге, одну симпатичную туристку. Постепенно я забросил написание статьи, и с четвертой главы события принимают фантастический оборот. Сон о крейсере «Аврора» в Санкт-Петербурге на самом деле заставляет вернуться к воспоминанию о тех долгих дискуссиях, которые я вел с русскими исследователями во время Всемирного конгресса по физиологии в 1997 году по проблемам сновидений и их возможности влиять на личность. Мало-помалу я с тревогой обнаружил, что превратился в другого человека, не того, каким был прежде. И вот об этой внутренней «мутации» в другого человека я и попытался рассказать. Индивид-интроверт, материалист, каким я был, постепенно превращается в «другого» — экстраверта и спиритуалиста, который верит, что вещи сны посылаются нам бессмертной душой. Этот «другой» показывает фокусы с голубями и организует покаянную мессу в память о подопытных кошках, и все это заканчивается в отделении неотложной психиатрической помощи

венецианской больницы! Могла ли такая история произойти на самом деле? Почему бы и нет? Кто знает... Но можно ли повлиять на политику целых народов, воздействуя на сны их отдельных высокопоставленных представителей? Это, конечно, менее вероятно.

Поэтому, несомненно, вся эта история есть нечто большее, чем просто научная шутка, может, это и басня, и уж, наверняка, фантастика из области наук о нервной системе — нейронаук, которая, надеюсь, развлечет и заинтересует русских читателей.

Я благодарю моих друзей Владимира Ковальзона и Веру Незговорову за перевод и появление этой книги в России.

## Глава 1. Гостиница «Теодорих» Воскресенье, 5 сентября 1999 года

— Профессоре, у вас что, больше нет багажа?

— Нет. Остальное прибудет почтой или по факсу.

Портье взял из такси мой чернйй чемоданчик и сделал вид, что понял.

Я приехал поездом из Лиона в Падую. В три часа пополудни взял такси на вокзале Эвгане Терме. Здесь обычно выходят путешественники, направляющиеся на водо-грязевые термальные лечебницы Абано или Монтегротто к югу от Падуи.

Я мог бы пешком дойти от вокзала минут за пятнадцать, катя свой чемодан на колесиках, но мне не хотелось тащиться через весь парк перед гостиницей «Теодорих» на глазах у кучи немецких, австрийских или швейцарских туристов, расположившихся между магнолиями, пальмами и мраморными колоннами эпохи Нерона или Теодориха. Я рассчитывал, что, ввиду скромности моего багажа и моего одеяния, мой приезд пройдет незамеченным. К несчастью, одновременно появился шестисотый «мерседес», привлекий всеобщее внимание. Из лимузина вышла пара лет шестидесяти, сопровождаемая четырьмя громадными кожаными чемоданами. И лишь после того, как к ним набежала целая орава гостиничных носильщиков, главный портье соизволил заняться мной. Он узнал меня и проводил до номера. Того же, что и в прошлом году, на втором этаже, с видом на парк и Эвганейские холмы.

Это мой пятый приезд в Монтегротто. Грязевые ванны на несколько месяцев снимают у меня боли в спине. Несомненно, важную роль в этом лечении играет близость Венеции, всего в часе езды на поезде. Я предпочитаю приезжать в сентябре, когда, как правило, стоит прекрасная погода. Окружающие холмы становятся пестрыми, причем желтый цвет преобладает над зеленым. В Венеции днем яркое летнее солнце еще жарит вовсю, но ближе к закату дворцы этого северного итальянского города затягивает мгла, и гондолы безмолвно скользят, как призраки в белом тумане...

В этом году я решил тщательно записывать ход моего лечения. В дальнейшем это позволит изучить постепенное включение дневных событий в сюжеты моих сновидений. Нужно также написать большую статью, которую профессор К. заказал мне для лондонского журнала

«Philosophical Transactions of the Royal Society».

Я прошел через знакомые гостиничные коридоры (красные ковры, бархат, старые кресла, старинные лампы из венецианского хрусталя и муранского стекла) и направился в окружающий гостиницу обширный тенистый парк, где росли сосны, пальмы, юкки, магнолии и араукарии. Было уже слишком поздно для купания в одном из двух олимпийского типа бассейнов, в которых вода, стекающая с Доломитовых Альп и слегка подогретая старыми вулканами, спящими под Эвганейскими холмами, еще раз нагревается до 28–32 градусов. Эта гостиница — одна из последних, где на краю парка в бетонированных ямах, окруженных клубами пара, еще хранится собственная «радиоактивная» грязь. Она доставляется длинными вагонетками, остывает и под покровом ночи каким-то таинственным образом попадает в лечебные залы. Из-за наплыва туристов в это время года грязевые ванны, «фанги», работают с трех часов ночи до девяти вечера.

Я выпил стакан теплой минеральной воды «Fonte della Saluta». «Nell'anno 500, Re Teodorico proclamava quest'acqua divino remedia»<sup>[6]</sup>, — прочитал я на бутылке.

Как всегда, на стоянке у гостиницы — сотни машин. В основном с немецкими, изредка — с австрийскими номерами. Лишь тройка машин швейцарских, парочка — бельгийских и итальянских из Милана и Падуи. Французских машин что-то не видно. Я завершил прогулку в безуспешных поисках гостиничной кошки, с которой познакомился в прошлом году.

Прекрасный осенний венецианский вечер — теплый, туманный, красно-оранжевое закатное солнце за холмами... Завтра будет чудесная, теплая погода.

Когда я вернулся в гостиницу, консьерж меня поприветствовал. Он меня тоже узнал.

— Сожалею, профессоре Жуве, слишком много народу, и вы нас слишком поздно предупредили о своем приезде. Я не смог найти для вас другого сеанса фанго, кроме трехчасового ночного. Потом вы сможете поспать до массажа, который будет в девять утра. Не забудьте зайти к доктору!

В три часа ночи! «Ну, это уж слишком», — подумал я, направляясь к доктору Перуккио. Этот мой коллега, блестящий ученый, был смещен с поста ассистента Падуанского университета из-за каких-то местных темных политических дрызг. Вечерние консультации в больших гостиницах Монтегротто и Абано позволяли ему, не тратя слишком много времени, зарабатывать на жизнь и продолжать исследования механизмов действия

минеральных вод и лечебных термальных грязей.

Это мой визит вежливости, поскольку мы уже давно знакомы.

— Ну вот, вы опять здесь, дорогой коллега! Значит, либо прошлогоднее лечение вам здорово помогло, либо, наоборот, не возымело никакого эффекта, и вы рассчитываете, что в этом году результаты будут получше, — сказал он мне с улыбкой. — Располагайтесь на кушетке, я померяю ваше давление. Прего<sup>[7]</sup>, отлично: 130 на 90, как и в прошлом году. Итак, фанги — вначале десять минут, затем двенадцать и в последние дни — пятнадцать. Не переутомляйтесь там в Венеции! Арриведерчи!

Вернувшись в номер, я занялся будущим распорядком дня. Среди ночи, значит, я принимаю грязевую ванну, потом посплю, если получится, потом массаж, потом почитаю газетку «Monde» и схожу в бассейн. Между тремя и шестью часами дня буду заниматься статьей. С девяти вечера до полуночи буду читать книги и статьи, нужные мне для работы. Как всякий человек, страдающий хронической бессонницей, я не могу заснуть часов до двух ночи, и чтение толстых скучных книг является для меня наилучшим снотворным.

В 7.30, спускаясь по лестнице, я увидел, что туристы уже скапливаются в холле возле столовой. Выделялись две группы. Новенькие, приехавшие в воскресенье, всё еще в костюмах с галстуками (мужчины) и в длинных платьях (женщины). Лица у них бледные, и они лихорадочно ищут старых знакомых, с кем уже встречались во время предыдущих поездок. А те, кто приехал неделю-две назад, — загорелые, без галстуков. Они собираются либо по географическому признаку (баварские немцы — отдельно от саксонских и от австрийцев), либо по сходству заболеваний (множественный артроз, болезни позвоночника, суставов и т. д.). Стоя в сторонке, я вдруг увидел одного своего приятеля, с которым мы встречались в прошлом году. Профессор Людвиг Манн из Вены. Мы тепло поздоровались. Высокий, с элегантной лысиной, седыми усами и в очках, он был удивительно похож на Карла Густава Юнга, ученика-раскольника Зигмунда Фрейда. Как и на мне, на нем вместо пиджака с галстуком был пуловер из мягкой шерсти. Людвиг Манн — всемирно известный геронтолог. Я вспомнил его советы, как отдалить старость: каждый день ходить пешком по два часа, а по воскресеньям — часов по шесть. И как можно чаще заниматься любовью. Однако боли в спине дают мне возможность воспользоваться только одним из двух его советов. Людвиг Манн блестяще владеет французским, английским и итальянским. Он рассказывал мне, весьма остроумно, о продолжительности жизни мотыльков, черепах и попугаев, а также политиков, пап и святых. Я читал

его книгу об долгожителях в Африке, где «старость протекает гораздо счастливее, чем в Европе, и тем более в Северной Америке». Мы быстро сошлись. Как и я, Людвиг Манн был в ужасе от гостиничной атмосферы, и мы с ним никогда не участвовали в организованных мероприятиях: танцевальных вечерах с ужином при свечах, разного рода коллективных играх, автобусных экскурсиях на окружающие холмы с перекусами на свежем воздухе, запиваемыми местным вином.

В прошлом году мы с ним сидели за одним столом. И на этот раз я был весьма удивлен и разочарован, когда метрдотель указал мне на столик в отдалении от профессора Манна, так как терпеть не могу один входить в столовую или идти через весь зал, заполненный едоками.

— Это, однако, симптом социофобии! — тут же диагностировал Людвиг Манн, тонкий клиницист. — Кроме того, вы наверняка боитесь телефонов и не ходите в одиночку по магазинам!

Я парировал, что зато, к счастью, вовсе не страшусь публичных выступлений и прочитал больше пяти сотен докладов на конференциях, не считая бесчисленных лекций перед студентами.

— Вот оттого-то у вас и боли в спине, что вы постоянно преодолеваете этот страх!

Нет, никогда врач-психосоматик не сможет договориться с махровым физиологом...

Наконец я оказался в углу огромного столового зала, обрамленного роскошными муранскими люстрами и бархатными шторами.

Слева за столиком сидела та самая мюнхенская пара, прибывшая одновременно со мной. Он был в вечернем костюме с платочком, с золотыми часами, она — в вечернем платье, с четырьмя нитками жемчуга, огромным золотым браслетом и часами «Картье». Я окрестил их «Круппами». Мы обменялись едва заметным приветствием.

Справа было явно больше шансов. Столик занимала приятная зеленоглазая блондинка лет сорока, немного смахивающая на Марлен Дитрих. Белая блузка, черная юбка, скромные украшения.

— Гутен абенд! — произнес я, выдавив из себя в этой экстремальной ситуации парочку немецких слов.

— Добрый вечер, месье! — ответила с улыбкой «Марлен».

Я постарался украдкой рассмотреть номер ее комнаты на кожаном брелоке от ключа: 215. Мой был 217.

— Так мы с вами соседи по комнатам! — сказал я.

Еще одна долгая молчаливая улыбка в ответ. Черт возьми, редко удается встретить таких еще молодых женщин в этой гостинице. Может,

она ждет мужа, страдающего артрозом?

— Вино бянько, дотторе, как в прошлом году? — спросил официант.

Я выбрал монтефьясконе.

— Аква минерале. Какая?

— «Кайзервассер». Прего.

Теперь предстояло выбрать закуску. Вместо итальянских мучных блюд — спагетти, каннелоне, лазаньи и разных сортов пасты, как и моя соседка, я выбрал французское консоме — чашку крепкого бульона.

— Это ваш первый приезд сюда? — спросила она меня.

— Нет, пятый. А ваш?

— Для меня первый. Я приехала сюда неделю назад.

— Вы, наверное, часто ездите в Падую или Венецию, — продолжила она разговор после первого блюда. — Ведь здесь по вечерам совершенно нечем заняться.

— Обычно я езжу в Венецию. Увы, я уже не могу долго ходить из-за болей в спине, да и Падуя я знаю достаточно. Венеция же, несомненно, прекраснейший город в мире, единственный, по которому можно путешествовать в лодке. Есть, правда, еще Амстердам, но я предпочитаю Венецию.

— А завтра вы поедете в Венецию? — спросила она, когда мы принялись за вителло алла романа<sup>[8]</sup>.

— Конечно, если будет хорошая погода. Потом вернусь и поработаю. А вы?

— Нет, я поеду только в Абано и, может, в Падуя. Однако, если вы поедете в Венецию, я бы вам посоветовала сесть на вапоретто номер 41. Так вы сможете объехать вокруг острова, получше рассмотреть Джудекку и доехать до Мурано. Экскурсия занимает около трех с половиной часов. Если день солнечный, то это путешествие незабываемо...

А что, отличная идея! Куда же еще ехать? Уж точно не на Большой канал, вечно оккупированный туристами! Любимые мои пешеходные прогулки — в квартале Гетто, или в сторону Дзаттере, или, наконец, к Пескерии<sup>[9]</sup> — теперь мне противопоказаны. Действительно, почему бы не сорок первый? Кваррантуно.

Кстати, Марлен произносит «р» на французский манер. Интересно, откуда она? Я не решился ее спросить.

Я встал из-за стола, чтобы взять десерт. Здесь было принято сервировать овощи, фрукты и десерты на отдельных длинных столах по обеим сторонам зала. По старой привычке я обошел беспорядочно

образующиеся очереди и снова встретил моего друга Людвига.

— Однако, мой дорогой коллега, метрдотель хорошо вас устроил. Кто эта очаровательная блондинка за соседним столиком?

— Ничего не могу вам сказать, кроме того, что она, в отличие от нас с вами, не представляет интереса для геронтологии.

— Кто знает? — подмигнул он. — В качестве инструмента для лечения — очень даже!

Раз в две недели воскресный ужин сопровождался танцевальным вечером. Людвиг и я никогда не участвовали в подобных сборищах. Кто не танцевал, те играли в карты или кости. Танцующие пары были похожи на скользящих во тьме паралитиков...

— Это прямо как «Пляска смерти» Гольбейна, — сказал мне как-то Людвиг в прошлом году.

До двух часов ночи я читал толстую книгу по сознанию. Какая скука! И ни одного упоминания об «онейрическом сознании», сознании в сновидениях, ни одной попытки сопоставить его с сознанием в бодрствовании...

Я погасил свет и вышел на терраску моего номера, чтобы подышать ночным венецианским воздухом. Однако ни деревья в парке, ни контуры окружающих холмов не были различимы при слабом свете луны в ее последней четверти.

В номере моей соседки еще горел свет, и ставни были распахнуты. При желании я мог бы запросто проникнуть к ней на террасу и в комнату... «Нет, не запросто — из-за моей проклятой ноги», — подумал я, отправляясь спать.

## Глава 2. Сорок первый

### Понедельник, 6 сентября 1999 года

«Фанго, фанго». Телефон разбудил меня в самый разгар сна без сновидений. В три часа ночи в белом халате с капюшоном я спустился к извилистому коридору на первом этаже, где находились грязевые ванны. Здесь из-за темно-синего освещения казалось, что находишься под водой. Шум насосов и бульканье воды прерывались тяжелым грохотом вагонеток, привозящих горячую черную дымящуюся грязь или увозящих еще теплую использованную грязь, завернутую в толстые одеяла. Несколько мужчин лет шестидесяти, облаченные в халаты, сидели, вжавшись в свои кресла.

— Прего, — сказал мне Джулио, показывая правой рукой на предназначенную мне кабину.

Его левая рука уже была выпачкана черной грязью. Я вошел в кабину. Джулио, высокий голубоглазый блондин лет тридцати, заставил меня усесться на скамейку и натер мне спину грязью. Я пытался протестовать, поскольку грязь показалась мне слишком горячей, и спину сильно пекло.

— Троппо фреддо!<sup>[10]</sup> — сказал я ему.

— Но. Троппо кальдо<sup>[11]</sup>, — поправил он меня, ухмыляясь. — Прего!

Я улегся в грязь, и Джулио покрыл меня грязью с ног до головы. Сверху он положил сначала одно, потом второе, потом третье толстые одеяла. Только нос остался на свободе, так что я начал потеть уже через пять минут.

Долго, ох как долго... Пытаюсь чем-то заполнить время. Грязь горячая, но не обжигает. Я представляю себе, как она действует на мои нервные окончания. «Рецепторы боли еще не известны». Сколько раз повторял я эту фразу студентам! Сначала боль проводится по волокнам С. «Волокна С тонкие, с низкой скоростью проведения, немиелинизированные, слышите, без миелина! Болевой импульс вначале поступает в спинной мозг на уровне Роландова серого вещества». Черная грязь и серое вещество! Madre di Dio...

— Va bene?<sup>[12]</sup> — спрашивал меня Джулио каждые пять минут, вытирая мне лицо.

Небось какой-нибудь семидесятилетний гипертоник уже получил здесь сердечный инфаркт или инсульт, то-то он так внимателен ко мне. Но в таком солидном отеле люди не умирают! Умиравших потихоньку вывозят

на скорой помощи в Падую.

Я оставался заключенным в своей грязи. Господи, как же это долго, эти десять или двенадцать минут, я даже сосчитать не могу, и на стене нет часов. Серое вещество. Теория ворот, the Gate Theory. Боль вызывает выброс «вещества П», но, к счастью, мой организм способен вырабатывать эндорфины, блокирующие эффекты «вещества П», пресинаптически или постсинаптически, мне все равно...

— Прего, — сказал Джулио.

Он скинул одеяло и протянул мне спасительную руку, которая, однако, была скользкой от грязи. Я ухватился за нее, попытался сесть и поскользнулся. Майн Готт! Вот этого-то и нельзя было допускать. Бедная моя спина! Я вылез из грязи. Джулио помог мне проковылять на другую сторону кабины. Он направил на меня живительную струю теплой воды — на шею, спину, ягодицы и подмышки.

— Прего, с другой стороны.

Новая струя воды на грудь, живот, мой сморщенный член и руки.

— Прего.

Я перебрался на другую сторону кабины, где булькали большие пузыри озона. Райское блаженство! Пятнадцать минут в теплой ванне при температуре 34 градуса по Цельсию.

— Это что, та самая «амниотическая фетальная ванна», как называет ее мой друг Людвиг Манн?

— Это то, что нас лечит. Возвращение к стадии эмбриона. Ведь у эмбриона не бывает болей в спине!

— Может, из-за секреции эндорфинов? Шестичасовая прогулка — и у вас выработается гораздо больше эндорфинов.

— Но эндорфины вырабатываются, и когда мы целуемся!

— Конечно, но в нашем возрасте приходится выбирать!

— Так и эндорфины-то бывают разные.

— Так или иначе, не знаю, может, это эффект плацебо, но уже больше двух тысяч лет люди сюда приезжают, чтобы избавляться от всяческих болей, со времен Нерона и Теодориха!

— Облегчать, снимать на время, но не избавляться насовсем!

— Да, снимать на время, но они ведь и не жили столько, сколько мы, и умирали здоровыми!

Звонок прервал ванну и мои размышления.

— А домани, а домани<sup>[13]</sup>, грацие, Джулио!

В половине четвертого я уже был в своем номере и погрузился в глубокий сон, продолжая сильно потеть из-за предшествующей грязевой

ванны. Почему же такой непреодолимый сон? Ведь студентов-то я учу, что повышенная температура окружающей среды как раз нарушает сон. Да, но для противодействия жаре включаются гипоталамические системы, расположенные почти на том же уровне, что и системы, ответственные за сон. И эндорфины... хватит, баста!

В восемь часов утра я был разбужен звонком от Луиджи, массажиста. С трудом вспомнил банальный сон: непрерывный беспричинный ночной лай двух моих собак под луной. Луиджи — опытный массажист. Нащупав шрам, он сразу понял, где главная болевая точка в моей спине. Междисковая грыжа, уже? Рецидив? А это можно вылечить? Да, со временем. Браво, Луиджи!

Затем я спустился окунуться в бассейне с водой 26 градусов пока немецкие туристы стояли возле бассейна с водой 32 градуса, ритмично поднимая руки по команде итальянского Тарзана: айн, цвай, драй, айн, цвай, драй.

Солнце уже вышло из тумана, наступившая жара разморила меня, и я снова заснул в кресле у бортика бассейна.

Только в два часа дня я сел на поезд до Венеции. Он пересекает зеленое венецианское плато и приходит на отвратительный вокзал Местре, одно из тех чистилищ, которые обязательно нужно пройти, чтобы оценить все великолепие Венеции (наряду со стоянкой Пьяццале Рома для тех, кто приезжает на машине, и претенциозным аэропортом Марко Поло для тех, кто прилетает самолетом).

Я сел в купе слева, против движения, чтобы не видеть шлюх, туман и этот жуткий вид промышленного предместья, которое тянется от Местре до Венеции. Над серо-синим морем протянулась сине-розовая линия острова Мурано, его маяк и белый силуэт кладбищенской стены.

Большинство пассажиров сорок первого вапоретто выходили как раз у вокзала. Я прошел вперед по солнечному пляжу. Посадка на борт и высадка каждого пассажира сочетались с ритмическим диким взрыванием двигателя. Справа от канала Санта-Кьяра пришвартовался «Legend of the Seas», один из самых больших круизных кораблей в мире. Из его высоченной главной трубы забавной формы вырывались жидкие хлопья дыма и смешивались с дымом из малых труб. Это семи-восьмипалубное чудовище, похожее на американский небоскреб, одно занимало всю водную поверхность вплоть до Стационе Мариттима. Из его утробы вылезли тысячи американских туристов и тут же заполнили весь центр Венеции.

Сорок первый маршрут вел налево по каналу Джудекка, блестящему под солнцем, как осколки зеркала. Со стороны кормы на огромный паром

«Федрос» въезжали греческие трейлеры, идущие морем в Пирей. Прямо по носу — Джудекка, центр Венеции, здания складов, платиновый силуэт Реденторе под бледным, с редкими золотистыми облачками небом Адриатики. Дальше слева под солнцем был виден квартал Дзаттере, где прежде я так любил подолгу бродить, заглядывая в антикварные лавки, на рынки, где торгуют масками, и общаясь с местными кошками.

Наш сорок первый заполнился туристами у Дворца дождей и возле базилики Сан-Дзаккария, затем обогнул остров Венеции<sup>[14]</sup> и направился к Мурано с остановкой у собора Сан-Микеле.

Я вышел на остановке у кладбища, чтобы покинуть, наконец, эту толпу туристов. В прошлом году вода доходила до второй ступени собора Сан-Микеле, и невозможно было посетить кладбище, не замочив ног. Но в этом году, к счастью, море отступило.

Дул легкий ветерок, здесь, в тени кипарисов, было прохладно, и, чтобы согреться, я вышел на освещенные солнцем пролеты собора. Альбатросы восседали на деревянных шестах, одним глазом следя за рыбацкими лодками с римскими парусами, раскрашенными, как анемоны или крылья бабочек.

Появился сорок первый, вернувшийся из Мурано полным пассажиров. Я уселся посередке. Справа три хорошенькие венецианки что-то обсуждали, смеясь. Передо мной стоял высокий парнишка, загораживая других пассажиров. Его светлые пряди спускались до плеч, он был в серых брюках и голубой майке навыпуск. В ухе блестела сережка. Он повернулся направо. И тут-то под майкой проступили очертания двух прелестных грудей. Девушка лет восемнадцати-девятнадцати обернулась. Она была очаровательна, с серыми глазами и овальным, чуть скуластым лицом. Наши взгляды встретились, и я улыбнулся ей. Она отвернулась, как будто не заметив меня. Вапоретто прибыл на остров Венеции и причалил у набережной Фондаменте Нуове. Три хорошенькие венецианки, которых я окрестил «стеклодувицами», поскольку они приехали из Мурано, высадились. Я пересел на их место, чтобы лучше рассмотреть молодую женщину, которая меня чем-то заинтересовала. Туристка она или местная? Скорее всего, туристка, художница, решил я, и назвал ее про себя Муранеллой.

Сорок первый пристал к церкви Мадонна дель'Орто, одной из самых красивых, но и наименее известных венецианских базилик. Муранелла высадилась, и я увидел ее, быстрыми шагами идущую по рию<sup>[15]</sup> в сторону направо от церкви.

Вапоретто продолжал свой маршрут вдоль острова и остановился у причала «Тре Арки». Мое внимание привлек баркас, который мы медленно обгоняли. Он был загружен раскрашенными деревянными статуями, вероятно, XVII–XVIII веков, уложенными друг на друга. По размеру они были немного больше человеческого роста. Все были с закрытыми глазами, некоторые с улыбкой на деревянном лице. Казалось, они лежат бок о бок, спят и видят сны, но их руки не были сомкнуты, как это положено у могильных памятников. Деревянные скульптуры вообще-то редки в Венеции, городе, богатом каменными изваяниями. Откуда они плывут и куда? В какой дворец? Но из-за шума двигателя вапоретто я не мог спросить об этом у гребца на баркасе.

На следующей остановке — «Гетто» — я с удивлением вновь заметил Муранеллу, которая вышла из вапоретто на «Рио дель Гетто» и быстро скрылась в толпе. Быть может, она села на вапоретто на станции «Тре Арки» в то время, как я рассматривал спящие статуи на баркасе? Но зачем же она так быстро сошла, на следующей же остановке? «Да это просто материализовавшийся сон раскрашенных статуй!» — подумал я с некоторым оживлением. Я решил зафиксировать мысль, чтобы попытаться найти объяснение этой сцене в сновидении одной из последующих ночей, так как обычно именно незначительные события формируют онейрический материал. Поэтому безумная идея, что Муранелла — лишь продукт сновидений спящих статуй с баркаса, преследовала меня всю дорогу, пока я ехал на болонском поезде в Монтегротто.

— Какая чудная солнечная погода! Вы были в Венеции? — спросила меня «Марлен», когда мы с ней снова встретились за ужином. — Прекрасное путешествие, не правда ли?

По правую руку от нее на столе лежал блокнот в кожаной обложке и большая ручка. Неужели она писательница?

— Да, я сохраню прекрасные воспоминания: в них баркасы, альбатросы и венецианки. Спасибо за добрый совет! — ответил я.

Когда мы выходили из ресторана, я увидел моего друга Людвиг в темном углу бара. Заметив меня, он заказал два австрийских пива.

— Итак, вы были в Венеции? Как говорится, «солнце палит нещадно»... Вы обгорели.

— А вы где были?

— Я целый день катался на велосипеде по холмам. Когда же мы вместе покатаемся?

— Только не в этом году. Я пока еще остерегаюсь.

После долгого молчания Людвиг Манн, наклонившись, тихонько

спросил меня, глядя поверх очков:

— А как ваши исследования, дорогой коллега? В прошлом году, как мне показалось, вы были весьма увлечены своими последними результатами. Что вы расскажете на этот раз?

— Я все еще пытаюсь разрешить одну проблему, которая представляется мне фундаментальной: почему у настоящих близнецов, которые с самого рождения росли в *разных* условиях окружающей среды, психологические профили оказываются столь схожими? Даже более схожими, чем у близнецов, росших вместе! Как показал Бушар из университета штата Миннесота, существуют генетические факторы, ответственные за наш генетический профиль, индивидуальность и черты личности. Однако мозг, этот орган, состоящий из пластичного, «студенистого» вещества, как его часто называют, сам обладает невероятной способностью к пластичности. В ходе бодрствования он подвергается мощным воздействиям со стороны окружающей среды, особенно тем, которые связаны с обучением. Поэтому следует допустить существование системы генерации сновидений, которая поддерживает процесс индивидуализации. Очевидно, этот процесс должен быть периодическим, чтобы постепенно зафиксировать или, наоборот, стереть определенные следы каждодневных событий. Поскольку эти следы могут, в свою очередь, повлиять на результаты индивидуального программирования.

Людвиг перебил меня.

— Если я правильно понял, ваша система в период сновидений запускает процесс индивидуализации, но днем, в период бодрствования, определенные события могут тормозить этот процесс. Таким образом, оба процесса находятся в состоянии постоянного неустойчивого равновесия.

— Да, в какой-то мере. С другой стороны, программирование психологического профиля данной личности, очевидно, вызывает или усиливает, на уровне головного мозга, активность многочисленных двигательных систем, ответственных за формирование индивидуальных реакций, отличающих каждого из нас от других особей. Вот, например, ваша привычка снимать и надевать очки. Для вашего организма лучше, чтобы эта активация не происходила во время бодрствования. Ибо в этом случае существует риск того, что она превратится в элемент произвольного и неадаптивного поведения. А по ходу сна периодически наступает парадоксальная фаза, которая сопровождается общей блокадой моторного притока на уровне спинного мозга, что создает наилучшие условия для протекания процесса программирования. Вот с этой точки

зрения я принимаю психологическую концепцию бессознательного, проявляющегося в ходе сновидений. И именно благодаря парадоксальному сну «я есмь я». Я сплю, я вижу сны — следовательно, я существую! Более того, «я должен спать и видеть сны, дабы существовать».

— Кажется, я понял. Но разве ваша теория позволяет понять содержательную, субъективную сторону сновидений, у тех же близнецов, к примеру?

— Друг мой, я не особенно интересуюсь субъективной стороной сновидений в этом плане, однако я детально изучаю свои собственные запомнившиеся сновидения, чтобы определить интервал между неким событием, произошедшим в моем бодрствовании, и его включением в контекст сновидения. Моя теория не позволяет определять содержание сновидений. Для этого необходимо было бы выявить серии идентичных сновидений среди тысяч снов одного индивида, а затем сделать то же самое — у пары близнецов, — сказал я с улыбкой.

— Я бы выпил еще пивка, а вы? — спросил Людвиг.

— Я тоже. Австрийского...

В этот час бар «Теодорих» был пуст, бармен дремал за стойкой. Людвиг Манн с любопытством глядел на меня; казалось, он очень заинтересовался моим рассказом, гораздо больше, чем это было в прошлом году.

— Если вам не хочется спать, я попытаюсь объяснить мою гипотезу насчет механизмов этого программирования. Мой рассказ будет о мышцах, а не о людях, так что остановите меня, если станет скучно.

— Ну, тогда я, как кошка — выпустил когти!

— Я, по-моему, уже рассказывал вам в прошлом году, что такое фаза парадоксального сна, или REM-sleep<sup>[16]</sup>.

— Насколько я помню, это сон с быстрыми движениями глаз. Электрическая активность мозга быстрая, как при бодрствовании. Она сильно отличается от активности во время «ортодоксального», обычного сна, в ходе которого в головном мозге регистрируются медленные волны. Парадоксальный сон сопровождается эрекцией. Он длится минут двадцать, и повторяется через каждые девяносто минут, и, к нашему с вами, дорогой коллега, общему сожалению, уменьшается с возрастом.

— У вас блестящая память, вы только забыли упомянуть еще два характерных признака. Парадоксальный сон сопровождается исчезновением мышечного тонуса. Это называется «общая атония». Кроме того, если разбудить спящего во время парадоксального сна, то он обычно

рассказывает о том, что видел сон, и со множеством деталей — часто цветных.

— А удалось найти функцию этой фазы сна?

— Пока нет. Мы провели исследование на мышах в попытках выяснить эту функцию или хотя бы приоткрыть завесу над другими состояниями в цикле сон — бодрствование. Если помните, у мышей парадоксальный сон сопровождается теми же признаками, что и у человека, то есть движениями глаз и быстрой электрической активностью головного мозга порядка тридцати герц. Однако кроме этого у мышей можно легко зарегистрировать еще и другую электрическую активность, возможно, ответственную за программирование. Это тета-активность (восемь герц), возникающая в лимбической системе, расположенной прямо под корой, которая содержит структуру, называемую гиппокампом.

— Похожую на морского конька?

— Да, у анатомов прошлого было богатое воображение. На продольном срезе мозга гиппокамп действительно напоминает по форме морского конька. Эта структура ответственна за тета-ритм, который одинаково легко зарегистрировать и у крысы, и у кошки.

— А у человека?

— Что касается человека, то с электродов, расположенных на поверхности скальпа, тета-ритм записать невозможно, разве что с помощью очень мощных компьютеров. Тем не менее, он, по-видимому, существует, так как его удается зарегистрировать в ходе нейрохирургических операций, проводимых для лечения эпилепсии. В этом случае можно ввести электрод прямо в гиппокамп.

У мыши каждый эпизод парадоксального сна очень короткий, минуту-другую, не больше. В ходе сна эти эпизоды появляются каждые десять минут. Несколько лет назад, проверяя гипотезу генетического программирования во время парадоксального сна, мы проводили опыты с двумя разными генетическими линиями мышей. При этом все мыши линии А были похожи друг на друга, как однояйцевые близнецы, и одинаково отличны от всех мышей линии В, и наоборот. Если поместить мышь линии А в новую клетку, то она не меньше часа будет обследовать свое новое окружение. А исследовательское поведение мышей линии В будет гораздо короче, всего минут пять-десять. Благодаря скрещиванию мышей линий А и В удалось доказать, что различия в исследовательском поведении между этими двумя линиями имеют генетическую природу. Мы решили узнать, влияет ли лишение парадоксального сна, подавляющее гипотетическое генетическое программирование, на исследовательское поведение у мышей

линий А и В. Действительно, после подавления в течение шести-восьми дней парадоксального сна, мы наблюдали, что у мышей линии А (любопытных) исследовательское поведение резко сокращалось (до пятнадцати-двадцати минут). А исследовательское поведение у мышей линии В, наоборот, увеличивалось (до двадцати — двадцати пяти минут). Таким образом, различия между двумя линиями мышей сглаживались, теряя статистическую достоверность.

— Эти результаты говорят в пользу вашей теории программирования.

— Да, но наши результаты уязвимы для критики, и они действительно были раскритикованы. Проблема в том, что на самом деле наш метод подавления парадоксального сна не является вполне избирательным.

— И что же дальше? — спросил Людвиг.

— Не хотите взять пивка — по последней?

— Ну ладно, по последней, а то уже поздно...

— А дальше мы пошли по другому пути. Мы решили найти тот программатор мозга, который запускается во время парадоксального сна. После множества экспериментов мы пришли к выводу, что гиппокамп, этот генератор тета-ритма, из всех структур мозга наиболее активен именно во время парадоксального сна, намного более активен, чем во время бодрствования и медленного, или ортодоксального, обычного сна. Чтобы это доказать, нам пришлось применить методы молекулярной биологии. Но я, наверное, вас уже утомил всеми этими подробностями?

— Deo gratias! — ответил Людвиг. — And so what?<sup>[17]</sup>

— Ну вот мы и решили сформулировать гипотезу (которая только что нашла свое подтверждение) о том, что гиппокампальный тета-ритм и представляет собой эту машину для программирования. Нам даже удалось изменять его частоту и амплитуду в ходе парадоксального сна... с помощью одного метода, о котором я предпочитаю не распространяться. Таким образом нам удалось обнаружить, что, снижая частоту тета-ритма в два раза (с восьми до четырех герц) и увеличивая его амплитуду в два раза во время парадоксального сна, можно добиться избирательного подавления передачи информации о программировании поведения по гиппокампу с помощью тета-ритма, в то время как другие признаки парадоксального сна остаются неизменными. Значит, можно проводить своего рода избирательное «глушение» процесса программирования. К великому нашему изумлению, мы обнаружили, что этим методом мы можем всего за два дня изменить исследовательскую активность мышей на несколько недель! Однако для этого потребовалось в течение шести-восьми дней полностью подавлять парадоксальный сон, как я вам уже говорил. Почему

этот эффект так быстро возникает? Пока мы этого не знаем. Может, этот новый тета-ритм на уровне коры имеет какое-то другое значение? Таков закон мозга. Ведь искажение информации часто оказывает более существенный эффект, чем ее полное подавление.

— Да это же как при электронной войне, — возбужденно перебил меня Людвиг. — Лучше исказить передачу информации противником, чем полностью ее подавить! Ведь декодировать искаженную информацию труднее всего. Но выполнить подобные исследования на человеке, чтобы проверить вашу гипотезу, очень трудно. *Хотя теоретически, кажется, можно изменить личность данного индивида за два-три дня, воздействуя на его тета-ритм с помощью вашего метода.* Вы предполагаете участие в этом какой-то новой молекулы?

— Нет. Пока нет... — соврал я. — Но если мы когда-нибудь найдем ее, мы, я думаю, сможем изменять личность и, возможно, влиять на содержание снов. Если допустить, что существует связь между гиппокампом, тета-ритмом, программированием личности и формированием онейрического сознания.

— Все это выглядит чрезвычайно захватывающе и интригующе. Но, дорогой коллега, уже очень поздно. Завтра, если пожелаете, я вам расскажу истории из области экспериментальной геронтологии. Вы увидите, что эта область науки может непосредственно управлять нашей будущей жизнью.

Был второй час ночи, и мы уже давно были одни в гостиничном баре. Мне поспать-то осталось совсем немного, а вот Людвиг мог отсыпаться аж до восьми утра.

А интересно, каким образом этот чертов геронтолог вдруг оказался в курсе хитростей электронной войны? И с чего это он вдруг заговорил о «новой молекуле»? — спрашивал я себя, возвращаясь в свой номер несколько заинтригованным.

## Глава 3. Муранелла

### Вторник, 7 сентября 1999 года

Телефонный звонок Джулио разбудил меня в три часа ночи, когда я проспал уже не меньше часа. Я успел ухватить конец моего сновидения: это была немая сцена, в которой присутствовало много синей воды и солнца. Сидя в грязевой ванне, я попытался восстановить начало моего онейрического фильма, но, разумеется, это было невозможно. Сон о воде наверняка был «дневным остатком», связанным с моим вчерашним путешествием, поскольку я больше трех часов провел в вапоретто, восхищаясь отражением Венеции в ее каналах. А мог быть и навеян воспоминанием о моем купании в термальных водах бассейна, которые блестели под солнцем лазурной голубизной.

В девять часов звонок от массажиста с трудом пробудил меня из глубокого сна, последовавшего вслед за фанго. Меня посетило странное ощущение, будто я вовсе не спал и очнулся от «сна наяву». Но это было какое-то «пустое» бодрствование. Казалось, оно проистекает из глубины моего мозга (а может, из онейрического бессознательного, или из моего «я»), и не сопровождается ни звуком, ни изображением. Только ощущение неспецифического возбуждения, как будто чистый диск все крутится и крутится безостановочно в моем мозгу...

Не припомню, чтобы раньше, когда я просыпался в конце сновидений с эрекцией, меня посещали подобные ощущения. Вот почему так трудно их описать. Было ли это эффектом фанго? Однако в ходе моих четырех предыдущих приездов я ничего похожего не замечал. Кроме того, я заметил, что на коже виска и затылка почему-то появилось раздражение.

Бандероль с книгами и статьями прибыла в 10 часов одновременно с факсом от моей секретарши. Сегодня нужно будет написать секретарю редакции журнала «Philosophical Transactions of the Royal Society», чтобы уточнить название и дату отправки моей работы. Успею ли я написать статью за пятнадцать дней? Посмотрим! Для начала отправим факс, чтобы вызвать приток крови к сосудам мозга. Я написал по-английски:

Дорогая мисс!

Название моей статьи «Бодрствование и сновидения. Два источника двух потоков сознания». Объем предполагаемой

рукописи — около двадцати пяти машинописных страниц, включая две страницы ссылок и пять-шесть рисунков. Я надеюсь отправить ее вам в конце сентября. Передайте мои наилучшие пожелания профессору К.

Искренне Ваш

Итак, я стал узником конкретной даты. Позже, когда я переключал статьи, другой факс выпал мне под ноги.

Это было приглашение двухмесячной давности поучаствовать в конгрессе по психологии сна, который состоится в Венеции в пятницу 10 сентября.

Бог ты мой, это же через три дня! И что-то я не припомню, чтобы на него отвечал. Только приписка от моей секретарши: «Ответьте по факсу, согласны ли вы с их условиями». Какими условиями? Ясно, что никаких тезисов я им представить, во всяком случае, не обещал. Да уж лучше помереть, чем потерять целый день в бесплодных дискуссиях с психологами-сомнологами, особенно представителями римской школы!

Наконец я перечитал план своей статьи. Почти все главы уже были написаны, но требовали некоторой доработки, и, главное, нужно было придумать изящные переходы между разделами.

## ***I. Введение***

Главное — не пытаться давать нового определения сознания или сознаний. Лучше сослаться на пять-шесть противоречивых дефиниций современных англосаксонских авторов.

## ***II. Краткий исторический обзор***

В тактичной форме посетовать на то, что большинство авторов, когда затрагивает тему сознания, то полностью игнорирует проблему сновидений. Один из моих сотрудников провел поиск в Интернете и обнаружил более семисот ссылок на работы по сознанию, однако только в шести из них упоминалось «онейрическое сознание».

Намекнуть на «переизбыток» ученых, барахтающихся в области сознания. Все эти палеонтологи, зоологи, ветеринары,

лингвисты, структуралисты, философы, психоаналитики, когнитивисты, нейрофизиологи, неврологи, психиатры, психологи-юнгианцы, молекулярные биологи вкупе с математиками, астрофизиками и tutti quanti... [18]

### **III. Несколько примеров различных аспектов сознания**

а) «Рефлексивное» сознание во время бодрствования, с помощью которого читатель воспринимает эту строку.

б) Рефлексивное онейрическое сознание.

Прочитать Хэблока Эллиса: «Хотя сновидения и реальны только в те краткие мгновения, пока они развертываются, но, быть может, они как раз и говорят что-то очень важное о нашей жизни в бодрствовании?» Однако этого недостаточно для доказательства существования рефлексивного сознания. Напротив, рефлексивное сознание часто появляется при полетах во сне: я летаю, это так легко, но я хорошо знаю, что летаю наяву, а не во сне. Я, например, могу посчитать в уме, чтобы убедиться, что не сплю. Привести один-два примера из моей личной онейротехники. Это онейрическое рефлексивное сознание встречается во время парадоксального сна, поскольку я всегда отмечал эрекцию по окончании таких сновидений.

с) Привычное онейрическое сознание.

Пример: «Мне снится, что я собираюсь на симпозиум, но забыл взять с собой слайды». Во время такого сновидения вопрос о том, в каком состоянии я нахожусь, не возникает, хотя, когда я просыпаюсь, я понимаю, что это был сон. Большинство сновидений с участием подобного сознания происходит во время парадоксального сна, хотя некоторые могут быть зарегистрированы и во время второй стадии медленного (или ортодоксального, обычного) сна.

д) Рефлексивное сознание во время люцидного (осознанного) сновидения.

Мне снится сон, *но я знаю, что это сон*, и не могу изменить ход моих онейрических картин. Очень редкие электроэнцефалографические регистрации во время люцидных снов всегда происходили в период REM-sleep, или парадоксального сна.

е) Рефлексивное сознание во время управляемого люцидного (осознанного) сновидения.

Процитировать Эрве де Сен-Дени. Я знаю, что вижу сон, но могу произвольно изменить его ход. В качестве примера привести одного моего пациента с нарколепсией (это такая болезнь, которая сопровождается значительным увеличением парадоксального сна). По ходу многочисленных схожих сновидений во время сиесты он мог «покидать свое тело», которое оставалось лежать на животе на кровати. Летая, он мог посещать своих любовниц, проникая к ним через окна. Электроэнцефалографические записи, сделанные мною во время этих сновидений, указывали на некоторую «смесь» из парадоксального сна и так называемого «расслабленного бодрствования». Это была смесь гамма (40 герц) и альфа (9 герц) активности.

#### ***IV. Некоторые взаимодействия между бодрствующим и онейрическим сознанием***

В направлении бодрствование — сновидение: обсуждаемая частота дневных остатков и детских воспоминаний. Ссылки на Фрейда и проч.

В направлении сновидение — бодрствование: «остатки снов», действующие на последующее бодрствование. Этот абзац открывает главу о функциях сновидения — и продолжится в последней главе.

#### ***V. Механизмы***

Дать обзор данных, взятых из нейрофизиологической литературы, касательно бодрствования, внимания и рефлексивного «сознания».

Указать, что нейробиологический субстрат сновидений представлен парадоксальным сном, и привести опыты, показывающие, что активация кортикальной электрической активности в ходе парадоксального сна зависит от структур и нейротрансмиттеров, отличных от тех, что участвуют в ходе

бодрствования. Следовательно, онейрическое сознание зависит от других систем, нежели сознание в бодрствовании.

## VI. Функции

Перейти к доказательствам онейрической активности. Привести многочисленные аргументы *против* гипотезы, согласно которой сновидение необходимо для имлицитной или эксплицитной памяти или даже для забывания. С максимально возможной четкостью сформулировать гипотезу, что сновидение ответственно за итеративное (повторяющееся) генетическое программирование личности.

## Заключение

Эту главу необходимо написать полностью заново. Можно сослаться на возможные опасности, проистекающие от манипулирования механизмами программирования и возможности нарушать или быстро изменять личность. Но не уподобляться Хаксли («О, дивный новый мир!») или Оруэллу. Это журнал не того типа.

*Специально постараться сделать статью скучноватой* (такой, как большинство статей, которые публикуются в этом престижном журнале).

Мало-помалу я стал ловить себя на том, что покрываю поля моей рукописи рисунками вапоретт, альбатросов и стеклодувщиц. Муранелла «с грудью русалки» пролетает над баркасом, который заполнен спящими фигурами. Они видят сны, у них эрекция!

Солнце развеяло утренний туман. Будет прекрасная погода, обидно и глупо оставаться работать здесь после полудня, особенно если с завтрашнего дня начнутся дожди, как предсказала «Марлен».

К счастью, поезд опоздал, и мне удалось сесть в первый вагон, чтобы как можно быстрее выйти на вокзале Санта-Лючия в Венеции. Я подсел в служебное купе начальника поезда. Его занимала хорошенькая ragazza<sup>[19]</sup>. Я сразу сделал ей комплимент насчет оливково-зеленого цвета, кошмарного в своей неподражаемости, который обезобразивал ее униформу служащей

государственных железных дорог.

— А в чем заключается ваша работа?

— Я отмечаю время прибытия и отправления на каждой станции в большом журнале.

— Perché?

— Per niente<sup>[20]</sup>.

Я сел в сорок первый вапoretто без билета. На этот раз я хотел добраться до Мурано, чтобы прикупить несколько фантастических стеклянных зверюшек, и сохранял легкую надежду, что снова встречу моих «стеклодувиц», а может, и Муранеллу. Цвета Венеции изменились со вчерашнего дня, так как сгустившийся туман затемнял коричневые, охряные и синие цвета Дворца дождей, здания Таможни и церкви Санта-Мария делла Салюте.

У причала Сан-Дзаккария, со стороны Сан-Марко, наш вапoretто был захвачен бурлящей толпой туристов, в основном японских и американских. Мне пришлось вначале защищать, затем потесниться и наконец уступить свое место под солнцем, поскольку я не смог выдержать натиска горлающих американских детей в масках Микки Мауса. Пришлось спуститься внутрь вапoretто, где кто-то хлопнул меня по плечу.

— Профессор Жуве! It is so nice to meet you here!<sup>[21]</sup>

Это был профессор Джим Мак М., один из «отцов» физиологии гиппокампа. Ему было лет шестьдесят, у него были крашенные черные волосы, он был очень загорелый, в рубашке с короткими рукавами и джинсах. Мак М. работал в университете Мак Гилла в Монреале. Он представил мне Дороти, хорошенькую русую девушку лет двадцати пяти — тридцати, застиранные джинсовые шорты которой позволяли вдоволь любоваться внутренней стороной ее округлых бедер. Аспирантка, разумеется? Будущая вторая жена? А ведь я не раз встречал на всяких конгрессах пышнотелую первую мадам Мак М...да еще и с кучей детишек.

— Что вы делаете в Венеции, Джим?

— Я возвращаюсь с семинара по проблеме памяти в Неаполе, но решил заехать в Венецию, перед тем как отправиться на конгресс по гиппокампу в Дрезден. А вы туда поедете, профессор?

— Нет, Джим, я остаюсь в Венеции.

Неизвестно, когда я в следующий раз увижу Джима, и увижу ли я его когда-либо вообще. А ведь он был единственным человеком, который мог ответить на вопрос, мучивший меня уже несколько месяцев.

Мы прошли вперед, в более прохладный уголок вапoretто, пока

Дороти крутилась во все стороны со своей видеокамерой.

— May I ask you a professional question, Jim?<sup>[22]</sup> — спросил я его.

— Of course. I will be glad to answer it... If I can<sup>[23]</sup>.

— Вы единственный, кто может внести в это дело ясность, поскольку вы — «отец» науки о гиппокампе. Так вот, вы показали, что гиппокамп может управлять и обмениваться информацией с корой мозга, а также, что он играет роль в процессах памяти. Если я правильно понял вашу статью — замечательную, эта роль осуществляется тета-ритмом, который так же выражен во время бодрствования, как и во время REM-sleep.

— It is quite correct<sup>[24]</sup>. Но еще не раскрыты тайны механизма этой передачи.

— Ладно. А как вы думаете, если удастся увеличить амплитуду тета-ритма, скажем, раза в два и снизить его частоту с девяти до пяти герц, сохранится ли нормальная передача между гиппокампом и корой?

— It is a difficult problem. How would you do it?<sup>[25]</sup>

— Путем электрической стимуляции участка мозга, который проецируется в гиппокамп.

— I see. Have you done it?<sup>[26]</sup>

— Только однажды. Случайно. (Конечно, это была ложь, но мне не хотелось раскрывать ему моего секрета.)

— Я допускаю, что произошли бы значительные изменения в передаче информации, так как существует очень большая селективность частоты и амплитуды тета-ритма. Может, произошло бы усиление памяти по типу гипермнезии, а может, наоборот. Я не знаю, видят ли крысы сны, но, может, произошло бы изменение их сновидений... It is your problem, professor<sup>[27]</sup>.

Джим задумался. После долгого молчания он добавил:

— С недавних пор я особенно интересуюсь синаптической организацией гиппокампа, *in vitro*, of course.

— Ну конечно. (Этот чертов Джим работает теперь только на срезах мозга — мода, видите ли, да и проще это.)

— Это структура fascinating<sup>[28]</sup>. Мы открыли новые ГАМК-рецепторы — ни А, ни В, до сих пор неизвестные.

— Это фантастика. Примите мои поздравления, Джим!

— Если хотите, я пришлю вам нашу последнюю статью на эту тему.

Мы опубликовали short note<sup>[29]</sup> на нашем web-сайте: [www.hippocampus.mac.rn.com](http://www.hippocampus.mac.rn.com). А большая статья только что вышла в «Proceedings of the National Academy of Sciences», вы ее еще не читали?

— Еще нет. («И не собираюсь», — подумал я.)

Этот проклятый Джим всегда старался мне показать, как бы походя, что он является частью элиты нейробиологов. Опубликоваться в PNAS нелегко. Для этого обязательно выполнить выдающуюся работу, нужно просто занять хороших знакомых в редколлегии. Надо будет все же прочитать эту его статейку, может, там удастся найти подтверждение тому, что этот тета-ритм управляется ГАМК-ергическими механизмами.

— Are you still working on this problem?<sup>[30]</sup> — прервал мои размышления Джим.

— Нет, я уже наполовину на пенсии. Но еще читаю лекции студентам. Эта тема их очень интересует. Я им расскажу о вашей статье. By the way, — добавил я, чтобы сменить тему разговора, — куда это вы едете с Дороти? She is very charming, very lovely!<sup>[31]</sup>

— Thank you. Мы едем в Мурано. Дороти хочет там купить одну вещицу, такую, ну, типа подсвечника. How do you call it?<sup>[32]</sup>

— Люстра.

— Да, люстру для дома.

Ага, для дома, значит! Бедный Джим! Тут-то тебя и возьмут на бордаж... Все, что тебя ожидает в будущем — это развод и дом престарелых в забытом уголке Канады. И всю свою оставшуюся жизнь ты будешь вынужден все писать и писать, книгу за книгой. Ведь научные монографии по гиппокампу не особо продаются, даже в Северной Америке. На этом не заработаешь. Так что тебе останется только сочинять популярные брошюры про память...

Вапоретто сделал остановку возле венецианской больницы, перед тем как пересечь канал по пути к кладбищу и к Мурано. Джим, обнимая Дороти за талию, сошел в Фаро, на первой остановке на острове.

«А эта Дороти и вправду ничего», — подумал я, разглядывая ее вихляющую задницу и бедра. Я оставался в почти пустом вапоретто до конечной остановки, что находится посередине Мурано. Прошелся по узким улочкам, заполненным лавками по продаже изделий из стекла, но не нашел того, что так мне понравилось в прошлый раз — сюрреалистских зверюшек и *piccoli uomini*<sup>[33]</sup> знаменитого художника Чезаре Тоффоло.

На обратном пути три стеклодувицы в сопровождении красавца-итальянца с двухнедельной бородой вновь подвели возле Фаро. И вот я увидел Муранеллу, которая села без билета, смешавшись с группой туристов. Я стал потихоньку перемещаться в сторону этой группы, чтобы стать как можно ближе к Муранелле. Наконец я приблизился настолько, что ощутил запах ее духов и оценил очень сложный макияж. На вид ей было

года двадцать два — двадцать четыре, а вовсе не восемнадцать, как мне показалось вчера. Синий карандаш вокруг глаз подчеркивал странную яркость ее серо-голубых глаз, которые быстро скользнули по мне, хотя она меня и не узнала. На этот раз на ней была синяя блузка, а из правого заднего кармана ее джинсов выпирал мобильный телефон.

Стеклодувицы вышли у Фондаменте Нуове, тогда как Муранелла, как и в прошлый раз, сошла возле церкви Мадонна дель'Орто. Сорок первый после этого поворачивал налево, проходя внутрь острова Венеции через малый канал Каннареджио. Там он остановился возле моста Тре Арки.

К моему величайшему изумлению, Муранелла ожидала нас у причала! Она села в сорок первый, сделав вид, что меня не заметила. Длительность прохода вапоретто от остановки «Мадонна дель'Орто», где она сошла, до моста, где она снова села, не превышала четырех-пяти минут. Взглянув на план Венеции, я прикинул, что потребовалось бы минут пятнадцать-двадцать быстрого бега вдоль [гiі](#)<sup>[34]</sup> и каналов от церкви до моста. Как же ей это удалось?

Была ли это та же самая Муранелла, которую я видел выходящей из вапоретто несколько минут назад? То же лицо, та же сережка в правом ухе, та же полуулыбка. Когда сорок первый прибыл на остановку у канала Каннареджио, Муранелла вышла и быстро пошла по улице Гетто Веккьо, чтобы затеряться в толпе... как вчера.

Возвращаясь в Монтегротто, в поезде, я безуспешно пытался разгадать эту тайну двойного появления Муранеллы. Я был так захвачен этим, что едва не проехал свою станцию «Эвгане Терме».

Болтаясь в холле нашей гостиницы в ожидании открытия ресторана, я решил купить несколько открыток и неожиданно услышал громкий голос, доносившийся из-за стеклянной двери телефонной кабины, находившейся возле стойки регистрации. Женский голос говорил на каком-то иностранном языке, мне незнакомом. Это не был ни итальянский, ни испанский, ни английский, ни немецкий. Очевидно, это был русский, так как я расслышал слова: «да», «нет», «до свидания» и «спасибо». Тогда я уселся в большом кожаном кресле напротив. И минут через пять увидел, как «Марлен» вышла из кабины. Она прошла в ресторан, не заметив меня. Она что, русская?

— Снова были в Венеции? — спросила она, когда я занял свое место за столиком. — Опять такое солнце! Наслаждайтесь, скоро начнутся дожди...

В конце ужина, когда я вернулся за столик с тарелкой десерта в руке,

«Марлен», которая не ходила за десертом, оставаясь за своим столиком, внезапно наклонилась ко мне.

— У вас не было минералки. Тут подходил метрдотель, и я заказала у него еще бутылочку «Kaiserwasser» и позволила себе наполнить ваш бокал. «Ваше здоровье!» — произнесла она, поднимая свой бокал с минералкой.

— Да уж лучше чокаться вином, — ответил я, поднимая свой бокал с водой.

— Да, но вина у вас больше не было, а я не осмелилась заказать еще одну бутылку у метрдотеля.

Откуда это вдруг такое внимание со стороны «Марлен» к моей персоне?

По окончании ужина я обнаружил профессора Манна в нашем любимом углу. Он уже сидел с пивом и, увидев меня, сразу заказал еще кружечку.

— Я долго думал о том, что вы мне вчера рассказывали. Ведь такие опыты могут привести к опасным результатам, правда? Можно изменить личность, а человек даже ничего не заметит! Вы публиковали эти результаты?

— Еще нет; не те, которые связаны с тета-ритмом.

— Но зачем же держать их в секрете? Дело в вас или в вашей группе? Бойтесь, что вас опередят?

— Ну, разумеется. Очень многие ведь занимаются тета-ритмом, гиппокампом и памятью.

— А можно ли найти молекулу, способную влиять на тета-ритм?

— Можно. Нужно только выделить рецепторы к всевозможным нейротрансмиттерам гиппокампа. Это очень сложная работа, требующая массу времени и денег. Она выходит далеко за пределы возможностей моей лаборатории. А в вашей науке, дорогой коллега, как вы сказали вчера, тоже происходит революция...

— Ладно, еще одно пиво. Вы, конечно, знаете продолжительность жизни мыши, поскольку вы изучали ее сон.

— Да года три.

— А у летучей мыши того же веса?

— Намного больше. Лет десять?

— Нет, в десять раз больше, чем у мыши. Тридцать лет. Основатели нашей науки работали лишь на дрозофиле и одном червяке, название которого вы все равно не запомните — *Coenorabditis elegans*. Молекулярные биологи уже выделили белки, называемые «исполнительными», которые сокращают жизнь, и называемые

«протективными», которые ее удлиняют. Один из них называется «Мафусаил». Считается, что эти данные можно перенести и на человека. Максимальная продолжительность жизни для женщин — сто двадцать лет, а для мужчин — сто лет. Если удастся понять различие между мышью и летучей мышью, то продолжительность жизни мужчины теоретически может достичь тысячи лет! Видите, достижения геронтологии могут быть еще более фантастическими, чем онейрологии!

— Геронтократическое общество, управляемое особями в возрасте шестисот-семисот лет. Можете в это поверить?

— А почему бы и нет?

— К тому времени наша бедная старушка Земля станет настолько разогретой, что жизнь на ней прекратится. Так или иначе, мы приходим к эпохе, когда ответственность ученых становится все более и более значительной. К счастью, в Европе есть комитеты по этике...

— Это зависит от того, где вы проводите границы Европы, дорогой друг. — Людвиг внимательно посмотрел на меня, как бы желая сказать что-то очень важное. Но вместо этого зябко поежился и замолк. Казалось, его клонит в сон...

— Gute Nacht, Herr Professor, — сказал я, поднимаясь. — Вам повезло. Ваши фанги только в восемь часов, если не ошибаюсь.

— Да, доброй и короткой ночи, дорогой друг. Вы завтра опять в Венецию?

— Нет, завтра я работаю. Тем более что, говорят, день будет дождливым.

— Не уверен. Мои боли мне об этом ничего не говорят.

— Chi lo sa?<sup>[35]</sup>

Я поднялся в свой номер. Мне предстояло целиком написать две главы для моей статьи. Однако мои мысли были целиком захвачены двойным появлением Муранеллы.

Завтра мне совершенно необходимо остаться в номере, иначе я этой статьи никогда не закончу.

## Глава 4. Крейсер «Аврора»

### Среда, 8 сентября 1999 года

В эту ночь я почти непрерывно сочинял что-то насчет механизмов онейрического сознания и к половине третьего исписал дюжину страниц. Затем, в три часа, не дожидаясь звонка Джулио, я спустился на фанги. Оказавшись в грязевой ванне, я погрузился в состояние какого-то психического автоматизма, своего рода гипермнезии. Мой мозг оказался постоянно и автоматически занят «прокручиванием» встреч с моим другом Людвигом в предшествующие вечера.

Это случилось в Лионе, почти полтора года назад: я безуспешно пытался найти такую лабораторию во Франции или во всей Европе, которая могла бы взяться за выделение различных рецепторов из гиппокампа для того, чтобы разработать молекулу, которая на них воздействует. И всюду натыкался на вежливый отказ. «Зачем нужно такое вещество? Возможно ли его скорое коммерческое использование? Нет, такого рода исследования нами не планируются. Если ваша молекула не имеет отношения ко сну, то у нее не будет и достаточного рынка сбыта. Сейчас у нас уже есть почти идеальные „гипногенные“ молекулы. Их разработка уже обошлась нам в дюжину миллионов долларов, зачем же разрабатывать что-то еще?» и т. д. и т. п.

Однажды — я увидел эту сцену с закрытыми глазами, как будто сон наяву — я встретился с профессором Жаном С., блестящим молодым фармакологом, только что основавшим свою собственную фирму. После посещения моей лаборатории он пригласил меня пообедать, чтобы подробно объяснить причины своего визита: он интересуется ГАМК-ергической передачей, поскольку тормозный нейротрансмиттер ГАМК играет важную роль в регуляции эпилепсии, а также, очень вероятно, и сна. Вследствие некоторых событий, которые он сам назвал загадочными, профессору С. удалось выделить оригинальную молекулу из яда одной рыбы из китайских морей. Эта молекула оказалась способной действовать *in vitro* на какие-то еще неизвестные рецепторы, чувствительные к ГАМК, но отличные от рецепторов А и В. Он не показал мне пространственной структуры этой молекулы, которую назвал «GB169», поскольку знал о моем полном невежестве в области структурной биохимии. Вещество GB169 не было токсичным и воздействовало на ГАМК-ергическую передачу в

ничтожной дозе как при внутримозговом, так и системном (внутримышечном или подкожном) и даже оральном введении.

— Не могли бы вы изучить действие GB169 на сон крыс или мышей? — предложил он и передал мне небольшой флакон из желтого стекла, в котором находилось несколько граммов белого порошка — GB169.

— Проверьте на паре-тройке животных и дайте мне знать. Если будет интересный эффект, то мы разработаем детальный проект и подпишем контракт. Вы руководите единственной европейской лабораторией, где еще регистрируют сон крыс, и особенно мышей.

Так я стал тестировать это самое GB169 в период июльских отпусков, когда по вечерам оставался в лаборатории один.

В восемь вечера я вводил ничтожную дозу этого вещества двум мышам с электродами в коре и гиппокампе. Заодно испытывал и новый весьма совершенный исландский компьютер, позволяющий одновременно регистрировать электрическую активность мозга и анализировать частоту и амплитуду ритмов в коре и гиппокампе.

До полуночи гиппокампальный тета-ритм сохранял стабильную частоту восемь герц в ходе каждого периода парадоксального сна. Затем постепенно между тремя и семью часами утра амплитуда тета-ритма увеличилась почти на восемьдесят процентов, тогда как частота снизилась от восьми до четырех герц. Другие же параметры парадоксального сна (быстрая электрическая активность в коре, мышечная атония) не претерпевали значительных изменений. Исключительно большая латентность — шесть-семь часов — и длительность действия (более четырех часов) указывали на сложность взаимодействия GB169 с ГАМК-ергическим рецептором.

Это была большая удача, так как, похоже, что GB169 и была той самой молекулой, которая могла подавлять гиппокампальные механизмы генетического программирования в ходе парадоксального сна.

Оставалось только проверить действие GB169 на исследовательское поведение мышей линий А и В с одновременной регистрацией электрической активности мозга. Поскольку я хотел сохранить эти опыты в тайне, я вырывал и забирал с собой страницы из журнала с протоколами опытов, записями электроэнцефалограмм и диаграммы спектров мощности, распечатанные на бумаге, забыв, что все это сохраняется в памяти компьютера на жестком диске. Не думал я, что всего несколько месяцев спустя он будет украден!

— Prego, — сказал Джулио, — è finito il fango!

— Prego, Giulio, oggi, venti minuti!

— Va bene, Professore<sup>[36]</sup>.

Оставшись в приятном тепле лечебной грязи, я вернулся в свой сон наяву, весьма удивленный яркостью собственных воспоминаний.

Я продолжал эти ночные опыты в Дионе в тиши лаборатории, освещенной только мерцанием красных и зеленых лампочек компьютера.

Я подтвердил на двух мышках каждой линии, что инъекция GB169 вызывает ожидаемую модификацию исследовательского поведения при условии, что она проведена в начале сна, то есть около двадцати часов<sup>[37]</sup>. Эффект становился еще более четким, если я вводил препарат последовательно в течение трех дней.

Наоборот, если другой группе животных инъекции делали утром в момент их пробуждения, то эффекта не было. После серии из последовательных четырех инъекций общая длительность воздействия на поведение достигала почти месяца. Столь долгое воздействие казалось просто невероятным! Несомненно, вещество GB169 необратимо связывалось с какими-то еще неизвестными рецепторами на уровне гиппокампа. Можно было предположить, что с помощью еще большего количества инъекций удастся добиться эффекта, который будет сохраняться на протяжении месяцев и лет, то есть (а почему бы и нет?) — на всю оставшуюся мышиную жизнь!

Однажды ночью, ближе к полуночи, когда я на полчаса покинул регистрационную установку и компьютер, в мой кабинет зашел наш университетский охранник, совершавший обычный ночной обход.

— Господин профессор, вы один?

— Естественно.

Я был в этом уверен, так как предпочитал работать тайно и каждый вечер, прежде чем начинать введение мышам GB169, обходил свою лабораторию.

— Странно, — сказал он. — Пять минут назад я видел, как кто-то вышел из вашей лаборатории с черного хода. Он прошел мимо главного подъезда, который я не закрывал, чтобы вы могли пройти к машине. По моему, это был мужчина. Я его окликнул, но он не остановился...

Кто же мог тайно проникнуть в мою лабораторию? Не иначе как кто-то из своих, так как дверь закрывается на кодовый замок, причем код меняется через день. Кто-то из тридцати научных сотрудников и технического персонала? Но у каждого свой план работы, зачастую весьма отличный от

моего. Стажеры-иностранцы? На тот момент у меня их был целый десяток: три японца, два американца, два итальянца, русский, швед и чилиец. Кто же из них мог быть в курсе моих исследований? Обратит внимание на то, что у новых мышей электроды вживлены не только в кору, но еще и в гиппокамп? Что кто-то часто переставляет новый исландский компьютер с места на место?

С каждым из них мне доводилось общаться в неформальной обстановке, особенно на банкетах по случаю защиты диссертаций. Под воздействием белого вина или шампанского я не раз подтрунивал над собственной теорией генетического программирования. И некоторые сотрудники подхватывали этот тон и в шуточной форме критиковали основы моей теории. Может, мы и говорили о гиппокампальном тетра-ритме. Но уж о существовании GB169 я точно никогда не упоминал! Если бы даже кто-то, будь он француз или иностранец, и захотел узнать о цели моих опытов, то как он мог это сделать? Флакон с веществом GB169 я всегда держу при себе, а записи электроэнцефалограмм, компьютерные спектрограммы и журнал с протоколами забираю и уношу после каждого опыта.

— Prego, Professore, finisca il fango, subito!<sup>[38]</sup>

Джулио оторвал меня от размышлений в три тридцать. Погруженный в грязевую ванну, блуждая в лабиринте собственных воспоминаний, я полностью забыл про Муранеллу.

— Может, она явится мне в следующем сне? — подумал я, наконец-то засыпая, около четырех часов утра...

...Белая, молочно-белая июльская ночь в Санкт-Петербурге. На набережной Пирогова, облокотившись о парапет, я разглядываю русских военных моряков, несущих службу на крейсере «Аврора». Моряки стреляют из орудия...

Кто-то все сильнее и сильнее стучится в мою дверь, и я наконец просыпаюсь. Девять часов. Это массажист. Узник собственного сновидения, я не ответил на его телефонный звонок, и ему пришлось подняться в мой номер и разбудить меня, оторвав от такого сладкого сна! По его тревожному виду, сразу сменившемуся выражением облегчения, я догадался, что некоторые отдыхающие после фанго засыпают навсегда...

Вернувшись в номер после массажа, я попытался понять значение этого сновидения и его возможную связь с недавними событиями. Стук в дверь, очевидно, превратился в пушечные выстрелы крейсера «Аврора». Все это похоже на «сон о гильотине» Альфреда Мори. Этот человек, бывший в конце XIX века профессором «Коллеж де Франс», посвятил всю

свою жизнь изучению сна и сновидений. Однажды ночью балдахин, висевший над кроватью, сорвался и упал ему на голову. Этот удар трансформировался в известный сон о гильотине. Пока он просыпался, ему казалось, что он видит очень длинный сон: как будто дело происходит во время Великой французской революции, его судят и приговаривают к смерти, перевозят на повозке к месту казни, поднимают на гильотину и привязывают, подставив его голову под нож...

Таким образом, весьма короткое событие вызвало целый онейрический спектакль субъективной длительностью в несколько часов. Этот сон (описанный в 1860 году, спустя более десятка лет после того, как он имел место) очень известен. Он показывает, как определенные стимулы из внешнего мира, вызвавшие в данном случае слуховые и болевые ощущения, могут включаться в контекст сновидения. Он, очевидно, демонстрирует, что в сновидении время «течет по-другому». На такой тип сновидений часто ссылаются сторонники представлений о «снах наяву». Согласно им, некоторые нейротрансмиттеры, например, дофамин, во время пробуждения мимолетно воздействуют на лобную кору, «производя» таким образом сновидения.

Итак, отметив, что стук в дверь превратился в оружейные выстрелы, я не мог понять, почему он открыл в моей памяти хранилище именно русских снов? На какие «дневные остатки» это указывало? Может, на этот разговор на русском «Марлен» в телефонной будке, который так поразил меня вчера вечером? Или на другое событие, случившееся через несколько часов в грязевой ванне, когда я вдруг вспомнил о существовании русского стажера среди прочих иностранцев в моей лаборатории... Как, кстати, его звали? Сергей... Фамилия, которую я забыл, оканчивалась на «ов». Это был специалист по обработке биологических сигналов, проходивший двухлетнюю стажировку в моей лаборатории благодаря стипендии американского миллиардера венгерского происхождения Джорджа Сороса, выделившего средства для поддержки ученых бывшего советского блока.

Таким образом, я обнаружил уже два элемента, которые могли быть включены в сновидение как дневные остатки. Но почему такой странный цвет был у этой ночи? Почему крейсер «Аврора»?

Молочно-белый, полупрозрачный цвет той ночи, одной из летних ночей Санкт-Петербурга, окрасивший мой сон, не мог быть вызван вчерашним венецианским солнцем. Необходимо было освежить в памяти мою двухлетнюю давности поездку в Санкт-Петербург. Сопоставить дневные остатки с русским содержанием — с другими воспоминаниями о поездке в Россию пару лет назад...

Я тогда жил в гостинице «Аврора» на набережной Пирогова, и корабль находился как раз под окнами моего номера. Крейсер «Аврора» предстал предо мной каждую ночь, когда разводили мосты, и я смотрел из окна, как суда спускаются вниз по Неве. Пушечный выстрел производился ежедневно в 7 и 17 часов, отдавая честь знамени.

Я прокручивал в голове, испытывая то же ощущение гипермнезии, обостренной памяти, которое посетило меня в грязевой ванне, события, связанные с моей тогдашней поездкой в Россию. Я приехал в Санкт-Петербург в июле 1997 года для участия в 33-м Международном конгрессе по физиологии. Организация его была несколько сумбурной. Заседания проходили в знаменитом Институте имени Павлова, а также в одном из корпусов Военно-медицинской академии. Здание это находилось не в лучшем виде, некоторые половицы были выбиты, штукатурка на стенах местами осыпалась, оставив белые пятна, а со двора доносились крики новобранцев, занимавшихся строевой подготовкой.

Я выбрал гостиницу «Аврора», поскольку она расположена неподалеку от Павловского института<sup>[39]</sup>, и не нужно каждый день вызывать такси, что непременно потребовалось бы, если б я поселился в какой-нибудь роскошной гостинице в центре города. «Интуристский» сервис и отсутствие кондиционера в номере в то очень жаркое лето искупалось изумительным видом на крейсер «Аврора», мосты и Петропавловскую крепость.

Научный комитет конгресса предложил мне вместе с моим русским коллегой из Москвы профессором М. организовать круглый стол по проблемам сна. Он проходил в одном из залов Павловского института. Диапроектор все время ломался, микрофон издавал ужасные звуки. Но в целом сообщения и обсуждение были достаточно интересными, зачастую весьма оригинальными; научный уровень был не ниже, если не выше того, что я наблюдал на шикарном конгрессах, проводившихся в таких элитарных святилищах западной науки, как Санта-Моника<sup>[40]</sup>, Пуэрто Рико, Багамы, Мауи или Копакабана<sup>[41]</sup>.

По завершении круглого стола и привычных поздравлений, ко мне прорвался Сергей Комаров (наконец-то я вспомнил его фамилию!), москвич, проработавший два года в моей лаборатории. Он представил мне Ганса Л., высокого немца из города Галле, что неподалеку от Лейпцига, выступившего на нашем круглом столе с исключительно оригинальным сообщением. Его результаты, похоже, показывали, что во время обычного сна (с медленными волнами) мозг более не воспринимает зрительные или

слуховые сигналы, но лишь те, которые исходят от внутренних органов<sup>[42]</sup>. В опытах на животных он зарегистрировал активацию нейронов зрительной зоны коры мозга в ответ на раздражение желудка или кишечника. Для проведения этого революционного эксперимента Ганс Л. разработал и наладил виртуозную методику. Ансамбль его электродов для передачи сигналов от коры мозга был размером с полтаблетки аспирина (так называемый «чип»). Данные, хранившиеся в чипе, можно было передавать на компьютер для обработки сигналов, построения спектра мощности, проведения спектрального анализа и проч.

Мы пошли выпить пива в столовую Военно-медицинской академии вместе с другими участниками и русскими слушателями. Кто-то из них, русский или грузин, не помню точно, напомнил мне о лекции, которую я прочитал еще в 1974 году в том же институте<sup>[43]</sup>. На фоне громадного портрета Ленина я излагал основы моей теории генетического программирования поведения. Естественно, она вызвала скандал. Сама идея о том, что генетика может влиять на условия жизни и социальную среду, воспринималась как еретическая с точки зрения догматического марксизма, который еще царил в ту эпоху. Посему на следующий же день в «Литературной газете» появилась статья, в которой меня клеймили за мелкобуржуазный субъективизм и обзывали злобным сторожевым псом американского империализма!<sup>[44]</sup>

Мало-помалу наш разговор перекинулся на генетическое программирование. Сергей Комаров, не упоминая о моей теории, утверждал, что «генератор» парадоксального сна периодически включается каждые девяносто минут жизни человека, независимо от того, спит он или бодрствует. Это была гипотеза моего ныне покойного коллеги и друга, американского исследователя Натаниэля Клейтмана, одного из первооткрывателей так называемого «REM-сна».

— Если моя гипотеза верна, — продолжал Сергей, — то вы должны согласиться с тем, что система генетического программирования должна функционировать также во время бодрствования, пусть во сне она и гораздо более эффективна.

— Может и так, — заметил я, — но нет ни одного доказательства того, что «генератор» парадоксального сна функционирует в скрытом виде в период бодрствования. Гипотеза Клейтмана об «основном цикле покоя-активности» (basic rest-activity cycle, или BRAC) проверялась во множестве лабораторий Европы и США, и результаты почти неизменно были отрицательными. (Я-то хорошо знал, что вещество GB169 было неактивно

во время бодрствования. Может, Сергей нарочно хитрил, чтобы выпытать у меня правду?)

Ганс Л. прервал мои рассуждения, обратившись к Сергею.

— Вы говорите о генетическом программировании! Но как оно может происходить? За счет какой мозговой активности?

Я парировал тем, что это может происходить с помощью тета-ритма, который возникает в лимбической системе, и особенно выражен в гиппокампе.

— Если бы удалось изменить этот ритм с помощью электростимуляции или введения каких-то веществ, то эту гипотезу можно было бы проверить. *Вашу* гипотезу, Herr Professor, — добавил он с дружеской улыбкой, повернувшись ко мне.

А этот Ганс умен, черт его побери! И откуда он только знает о важности тета-ритма?

— Дорогой мой Ганс, — сказал я, — проверить-то это можно только на крысе! А как зарегистрировать тета-ритм у человека без вживления внутримозговых электродов — заколдовать его, что ли? Ведь это невозможно в первую очередь по этическим причинам, верно?

— Hans is a very clever scientist<sup>[45]</sup>, — заметил Сергей.

Ганс достал из папки листы с записями. Это были спектры тета-ритма, записанного у человека. Очень четко были видны пики тета-ритма, соответствующие каждому периоду парадоксального сна в течение всей ночи.

— Как вам удалось записать эти спектры? — спросил я. — Наверное, регистрация сделана у больного, скорее всего, эпилептика, которому с лечебными целями вживили глубинные электроды в гиппокамп.

— Nein. Я их зарегистрировал у здорового испытуемого, студента-добровольца. Просто с помощью этих маленьких *чипов*.

И он показал мне пару электродов, по диаметру и толщине не превышающих полтаблетки аспирина. Оказывается, достаточно закрепить эту пару на скальпе в нужном месте и использовать хорошую программу для выделения сигналов из шума...

— И где же эти места, куда вы помещаете эти *чипы*? — спросил я.

— А вот это секрет. Top secret! — ответил он, вновь улыбнувшись.

Оказалось, что эти чипы были недавно изготовлены на Украине. Там некоторые заводы, ранее изготавливавшие микросхемы для управления ракетами, были по конверсии переориентированы на работы в области нанотехнологий, и их продукция зачастую превосходила таковую самых знаменитых японских и американских фирм.

— Результаты просто поразительные! Почему вы не представили их на конгрессе? — спросил я.

— Мои опыты пока что classified, засекречены, — ответил он. — Кроме того, проведена только одна регистрация, которую я и привез сюда специально, чтобы вам продемонстрировать, Herr Professor!

Надо бы и мне срочно раздобыть парочку таких чипов, но как?

— А вы не хотите поработать в моей лаборатории в Лионе? — спросил я у Ганса. — Вы могли бы приехать, как Сергей, на Соросовскую стипендию.

— Никаких «соросов» мне больше не положено, — усмехнулся он. — Я теперь гражданин объединенной Германии.

— Но я бы мог раздобыть для вас какую-нибудь другую стипендию...

Ганс не ответил.

Мне показалось, что он немного пьян. Он повернулся к Сергею, и они заговорили о политике. Взгляды Сергея были мне хорошо известны. Это был типичный националист, сожалеющий о распаде Советской империи. Он с тоской вспоминал эпоху, когда СССР был сверхдержавой, хотя и не забывал об ужасах коммунистического режима, от которых пострадала его семья.

— Представь, — сказал Ганс Сергею, — что когда-нибудь будет открыто такое вещество, которое действует на процесс генетического программирования. Тогда можно будет незаметно вводить его разным ответственными людям, на которых нужно повлиять, и изменять их личность! Делать их, скажем, более чувствительными к определенным внешним воздействиям, более сговорчивыми... Можно, например, подмешать такое вещество к напиткам на приеме в Кремле, где присутствуют руководители СМИ или какой-либо мафии. Можно его подмешать и самому Ельцину! Тогда можно будет поставить премьер-министром кого захочешь!

— Ладно, выпьем за здоровье Владимира Владимировича! — сказал Сергей, поднимая бокал с пивом.

— За Владимира Владимировича! — поддержал Ганс, опустошая бокал.

— А кто такой этот Владимир Владимирович! — спросил я.

— Увидите. Через несколько лет он станет Государем Всея Руси!

Сергей Комаров и Ганс Л. начинали меня беспокоить. Эта парочка явно слишком много знала. А что они могли выведать о моих секретных опытах? Что тета-ритм — это нечто очень важное? Для этого Ганс и наладил систему регистрации у человека? Единственное, в чем я был

абсолютно уверен, так это в том, что он не подозревал о существовании GB169. Почти невероятно, чтобы аналогичное вещество было синтезировано и в России. Да даже если бы так и случилось, как бы они могли связать молекулу, влияющую на тета-ритм, с генетическим программированием?

Наступила долгая пауза, во время которой было «пропущено» еще несколько бокалов пива.

— Я не верю, что такая загадочная молекула существует, — сказал я. — Даже если бы она существовала — ведь нужно еще, чтобы и моя теория оказалась справедливой!

В столовой становилось шумно, от соседних столиков доносилось пение слушателей Академии...

Я поразился яркости моих воспоминаний. Здесь, в Монтегротто, в постели, закрыв глаза, я ясно видел за столиком справа от себя — Сергея, напротив — Ганса Л., а слева — одного австралийского коллегу, который только что подсел к нам с гигантской кружкой пива. Будучи полупьян, он ничего не понимал из нашего разговора и только бормотал, икая: «Владимир Вла... ди... ми... ро... вич, Вла... ди... мир... Влади... ми... ро... вич...» Я также ясно видел официанток, которые разносили пиво. Все как на подбор — крупные элегантные блондинки в одинаковых брючных костюмах.

— Они финки, — сказал Сергей. — Конгресс организован финнами, вот почему не все идет гладко...

Но я-то хорошо знал, что он заблуждается и что часть средств, выделенных Международным комитетом, отмывается именно русской мафией<sup>[46]</sup>.

Я поднялся из-за стола, дав Сергею и Гансу возможность продолжить беседу уже на русском языке; завтра нам предстояло снова встретиться. Полюбовался Петропавловской крепостью на фоне закатного солнца и долго бродил по берегам Невы. Потом присел на скамью и глазел на прохожих. Молодые петербурженки были высокими и по большей части хорошенькими. Их очень короткие юбки выставляли напоказ ножки — на удивление стройные и крепкие — думаю, оттого, что им приходится часами ходить в «дубовой» обуви на высоких каблуках, так как автобусы здесь ходят редко.

«Наверное, такие же ножки и у Муранеллы; эх, только бы она сняла эти проклятые джинсы!» — размышлял я, постепенно выходя из своих русских воспоминаний и возвращаясь к загадке вапоретто. Загадке, которую мне предстояло разгадать уже сегодня!

Прежде всего, есть ли смысл прямо сейчас отправляться в Венецию? Солнце уже поднялось и жарит там сильнее, чем здесь, где еще стоит туман. Зачем ехать в Венецию? Есть ли шанс снова встретить Муранеллу? Если она, скажем, работает дизайнером на стекольной фабрике в Мурано, разрабатывая новые модели люстр, то она должна уходить каждый рабочий день в одно и то же время. Между шестнадцатью и семнадцатью часами есть два рейса вапоретто. Шанс, что я ее встречу, составляет пятьдесят процентов. Ну, уж если я встречу Муранеллу на этот раз, то попытаюсь с ней заговорить или передам ей записку, чтобы наконец получить объяснение ее двух загадочных появлений. Ну что же, значит, надо ехать в Венецию.

Это уже третья моя поездка на сорок первом. Я пытаюсь предугадать нашу встречу. На месте «Федроса» теперь стоял греческий паром «Афродита». «Явно хорошая примета», — подумал я. На остановке «Сант-Эуфемия», возле Джудекки, я обратил внимание на то, что аптека, расположенная за причалом, по-прежнему закрыта, а два ее круглых окна смотрят на меня, будто два открытых глаза. Мне показалось, что за окнами промелькнуло лицо Муранеллы. Но может, это были просто блики от воды в канале, которую утюжили своими брюхами морские буксиры, похожие на толстых черных китов?

Наш сорок первый пристал возле больницы; ее уродливое здание нагоняло тоску. Появилась пара могильщиков в черных фуражках; они вынесли на плечах тяжеленный гроб и с большим трудом установили его в вертикальном положении в черной гондоле. Вдруг гроб соскользнул и упал бы прямо в сине-зеленую воду канала, если бы его не удержал канат, которым он был закреплен. Стоящая рядом со мной женщина перекрестилась. «Вот тебе и плохое предзнаменование!» — подумал я. К счастью, не такое, как в новелле Томаса Манна и фильме Висконти; тогда, во время эпидемии холеры, трупы валялись на каждом углу...

Когда мы пересекли канал, я заметил, что альбатросы сидели на всех камнях, кроме тех двух, которые находились напротив больницы. «Видно, их спугнул падающий гроб», — предположил я.

Я решил, что это хорошая примета.

После короткой стоянки в Мурано я хотел вернуться на том же вапоретто, а не дожидаться следующего. У меня был один шанс из двух повстречаться с Муранеллой. Я обратил внимание, что один турист, которого я заприметил на сорок первом еще вчера, тоже сел вслед за мной. Я видел, как он снимал на видеокамеру этот инцидент с гробом. Теперь он разговаривал по сотовому телефону. Через несколько минут, на остановке у

Фаро, Муранелла села на корабль. Вапоретто уже начал отходить от причала, и ей пришлось прыгнуть. А три «стеклодувщицы» опоздали и остались. Я им помахал, и самая высокая из них махнула мне в ответ. Я приблизился к Муранелле сзади и прошептал ей на ухо по-английски:

— Откуда вы? Вы остановились в Венеции? Я бы хотел снова с вами встретиться.

Казалось, она меня не услышала, только ресницы вздрогнули. Однако на подходе к Венеции вапоретто качнуло так, что нас прижало друг к другу. На несколько секунд Муранелла оказалась в моих объятиях, упираясь спиной мне в живот.

На остановке «Мадонна дель'Орто» она вышла, не удостоив меня даже взглядом, а через несколько минут я увидел ее на причале «Понт». Мне показалось, что она (или ее двойник) знала, что я ее жду, поскольку загадочная полуулыбка на лице девушки стала чуть пошире. Я приблизился к ней настолько, что разглядел, на сей раз, маленькую татуировку на тыльной стороне ее правой ладони... как будто кошка оцарапала. До того, как она вышла из вапоретто, я этой татуировки не заметил!

На подходе к пристани у Гетто я незаметно сунул ей в карман куртки клочок бумаги, на котором было написано по-английски: «Пожалуйста, позвоните мне в Монтегротто по номеру 04-989-11-616. Я профессор Мишель Жуве. Мне нужно с вами поговорить. Это очень важно».

— Arrivederci, arrivederci, domani, domani<sup>[47]</sup>, — сказал я ей, когда она поднималась на пристань, опять-таки даже на меня не взглянув.

Я, видимо, слишком громко это произнес, поскольку другие пассажиры обернулись.

Возвращаясь в гостиницу, в поезде я стал задавать себе вопрос, почему жесты и поведение Муранеллы я вдруг стал воспринимать близко к сердцу, а ее безразличие стало меня чуть ли не расстраивать? Вот с этого-то момента мало-помалу во мне стало нарастать ощущение дежа вю, «уже виденного». За десятые доли секунды до того, как в окнах моего вагона появлялся какой-либо вокзал по дороге из Венеции в Падую, я уже знал его название, заранее узнавал мосты и разбегавшиеся автострады... Это явление вызывало у меня пренеприятнейшее, тревожное чувство, что-то вроде морской болезни на суше...

Недавно я прочел в одной из этих книг «по сознанию», что феномен дежа вю может быть связан с изменением гиппокампального тета-ритма у больных с височной эпилепсией. Как пишут ученые-нейропсихологи, затылочная кора, получив зрительную информацию, сначала отправляет ее в гиппокамп для оперативного, временного, хранения, предшествующего ее

окончательному запоминанию. И лишь затем подвергает обработке с участием сознания. В некоторых случаях нарушения в системе генерации тета-ритма приводят к тому, что эти мнестические проявления начинают проникать в сознание прямо из гиппокампа, до того как кора успеет эту информацию переработать! Так возникает феномен дежа вю.

Я однажды уже испытывал это ощущение, и такое не забывается! Это было в Каулуне, в Гонконге, лет тридцать-сорок назад. Вечером я вышел прогуляться и был сразу же оглушен разрывами петард в этом городе вечного праздника; запахи кантонской кухни щекотали ноздри. На возвышении торговец китайскими целебными травами превозносил достоинства какой-то загадочной жидкости. «For your health, for your sexual stamina!»<sup>[48]</sup> — выкрикивал он.

Я взял да и выпил пару бокалов жуткой зеленой бурды. Может, конечно, это был эффект плацебо, но моя сексуальная активность и вправду здорово возросла! А на следующий день, проснувшись, я в течение четырех-пяти часов испытывал ощущение дежа вю. Оно сопровождалось столь сильной тревогой, что я даже не осмелился выйти из гостиницы, чтобы сесть на корабль, хотя мне нужно было отправляться в Макао...

Когда я рассказал об этом приключении портье моего отеля, он упрекнул меня в том, что я выпил сразу два бокала загадочной жидкости. «Что вы, только один бокал, не более! Кто же знает, что там было намешано? Может, настои каких-то трав, может, экстракты из желчи одной рыбыны, которая водится у нас в китайских морях?» Ах, так значит, рыба — вот оно что!

Я с нетерпением ожидал избавления от неприятных эмоций и появления эйфории, которая, по моим понятиям, должна была следовать за этим спонтанным приступом тревоги, чему я тогда не находил объяснения. Я возвратился в свой номер, и мало-помалу самоконтроль над мыслями и чувствами восстановился...

Встретив после обеда Людвиг Манна, я сказал, что хотел бы с ним посоветоваться по поводу некоторых странных венецианских совпадений. Мы сели за наш любимый столик в баре, заказали по кружке австрийского пива, и я рассказал о появлении Муранеллы и чувстве дежа вю, которое я испытал, не упомянув о том, что вложил записку в карман Муранеллы (или одной из Муранелл).

— А сколько времени продолжались сегодня утром ваши фанги? — спросил он.

— Двадцать минут. Необычно долго.

— Это слишком много! А каково ваше артериальное давление?

— 130 на 90. Нормальное.

— Вполне нормальное, конечно, но знаете, дорогой коллега, у вас из-за этой грязи разовьется артериальная гипотензия. Этот сеанс был явно слишком длинным! По-видимому, это и послужило причиной ваших ощущений, — твердо добавил он, сняв очки и пристально глядя мне прямо в глаза. — Вы приближаетесь к такому важному этапу, как выход на пенсию, когда рухнет весь устоявшийся мир. Ведь прекращение творческой работы для ученого, для которого это дело всей жизни, — не очень-то радостное событие; внезапно он обнаруживает, что его творчество больше ему не принадлежит! Те немногие вещи, которые он действительно открыл, стали общеизвестными, и кажется, будто они были известны всегда. А все прочее потонуло в погрешностях. Вы переживаете то чувство необязательности, случайности вашего бытия, которое Хайдеггер называл тревогой, а ваш соотечественник Сартр — тошнотой. Это ощущение — будто почва уходит из-под ног... так-то вот, друг мой.

— Но при чем здесь появления Муранеллы?

— А вы уверены, что эта венецианка Муранелла так же привлекла бы ваше внимание, будь она кособокой старухой или монашенкой в черной одежде? Помчались бы вы снова в Венецию за *такой* Муранеллой?

— Разумеется, нет. Но ведь это загадка, не так ли? А дело ученого — их решать.

— Это загадка для вас, а не для меня. Вы ищете любой предлог, чтобы не работать. При этом, заметьте, я вас понимаю! Ведь писание статей такого рода — дело невыносимо скучное. С другой стороны, там, за церковью Мадонна дель'Орто, есть целая колония молодых симпатичных блондинок, шведок или датчанок, и вы их путаете. Принимаете одну за другую. Вы, увы, слишком привыкли к шестидесятилетним дамам нашего отеля. Тем более что вы садитесь на один и тот же вапоретто в один и тот же час — естественно, что вы каждый раз встречаете одних и тех же людей! Ведь это же не туристы. Эти молодые женщины, должно быть, работают на Мурано, и каждый день в одно и то же время возвращаются в Венецию. Займитесь-ка вы лучше делом, дорогой коллега. А то пойдете вместе погуляем по холмам. Если вы и там повстречаете свою Муранеллу, тогда я точно поверю в чудеса!

Да, на месте Людвиг и я сказал бы то же самое. Он почувствовал мою тревогу и для начала попытался успокоить. Он ощутил свое превосходство, поскольку это я попросил у него совета, почти что консультации! Я не стал ему дальше рассказывать об этой странной гипермнезии, которая посетила

меня с утра. Однако я понимал, что то объяснение, которое Людвиг дал моему дежавю, не выдерживает критики. Он справедливо отметил, что слишком долгая и горячая грязевая процедура сопровождается или вызывает гипотензию на несколько минут, но этим невозможно объяснить эпизод дежавю, произошедший через пятнадцать часов!

Вернувшись в номер, я обратил внимание на листы, исписанные мною минувшей ночью. Как это я сумел столько написать по онейрическому сознанию? Неужели это я изложил всю аргументацию, которая теперь казалась мне столь зыбкой и спорной? Я не испытывал ни малейшего желания продолжать работу. «Все это бред, тавтология, триссотеновский педантизм!» — написал я на последнем листе. Пора уж было мне отдаться сну. Если он меня возьмет.

## Глава 5. Стена с кольцами

### Четверг, 9 сентября 1999 года

На этот раз я проспал без перерыва не меньше трех часов и внезапно проснулся около половины третьего по завершении «банального» сновидения. Мне приснилось, что оба моих пса громко лают и дерутся в парке перед домом. Сон был не только зрительным, но и звуковым, так как я различал оттенки лая: более глухой у леонбергера Ятроса, более звонкий у сенбернара Онироса. Этот сон, должно быть, связан с какими-то событиями, имевшими место за две-три недели до приезда в Монтегротто. Трудно датировать точнее, так как в конце августа по ночам, когда вокруг участка бродят косули и кабаны, мои собаки часто бывают возбуждены. Удивительно, что это был уже второй сон с собачьей тематикой с момента моего приезда сюда!

Найдя Джулио, я попросил его сократить время фанго.

— Giulio, oggi, soltanto dodici minuti<sup>[49]</sup>, prego.

Этого малого — ничем не удивишь...

— Va bene, Professore.

После грязевой ванны мой сон прерывался короткими пробуждениями. То были пробуждения или сновидения? Одни раз мне показалось, что я вижу «Марлен», склонившуюся над моей кроватью; ее распахнутая пижама оставляла неприкрытой пару чудесных белых грудей. Я хорошо запомнил последнее сновидение, сочетавшееся с эрекцией, и, проснувшись, немедленно записал.

«Я стою на набережной какого-то водоема с сине-зеленой водой и вижу высокую мрачную стену с овальными нишами, расположенными через правильные интервалы. В каждой нише в вертикальном положении стоит гроб без крышки. В каждом гробу — скелет. В каждой черепной глазнице — по сверкающему брильянту, хотя солнца не видно. Продолжая идти по набережной, я попадаю на большую прямоугольную площадку, окруженную стенами. На стене передо мной — два огромных каменных кольца, закрепленных одно под другим, как на баскетбольном щите. Я знаю, что сейчас буду играть в мяч на руинах Чичен-Ица в Юкатане. Кто-то (не знаю кто) дает мне большой, ужасно тяжелый и жесткий мяч из резины или каучука. Я должен бросить его так, чтобы он прошел через оба кольца на стене. Я знаю, что это мне не под силу, но если я этого не сделаю, мне

отрубят голову или вырвут сердце. Я бегу со всех ног... и просыпаюсь с учащенным сердцебиением».

Отдыхая после массажа в кровати, я размышлял о значении этого сна. Черная вода и гробы — это все, очевидно, связано с той сценой, которая так поразила меня вчера, когда я увидел, как могильщики вертикально опускали гроб в гондолу. Еще один осадок дня или «дневной остаток», каковые я нахожу, по крайней мере, в двадцати пяти процентах моих сновидений. Общий смысл моего сновидения может быть, очевидно, истолкован как скрытая тревога, сопровождаемая угрозой обезглавливания и бегством. Но почему воспоминания именно о Юкатане, где я последний раз был три-четыре года назад? Что символизирует эта игра в мяч или кольца на стене? *Mur* (мур, стена) — *anneaux* (анно, кольца), мур-анно... Мурано! Какой замечательный сон!

Это, разумеется, не вещий сон, скорее некий странный ребус. Неужели мое подсознание, мое «я», выражаясь в юнговских терминах, использует эту причудливую форму ребуса, чтобы предупредить меня о том, что моя поездка в Мурано таит в себе какую-то опасность? Есть ли здесь связь со сновидением о крейсере «Аврора»? А эти собаки, зачем они лаяли в моем сне? Может, они тоже предупреждали меня об опасности, но какой? Тут мне пришло на ум, что ведь есть же и другие способы для предсказания некоей опасности, которую мне сулит мое ближайшее будущее, например, гороскоп!

Я немедленно спустился к стойке регистрации, чтобы купить иллюстрированный еженедельник, из тех, которые я никогда в жизни не листал, даже в парикмахерской, и с пристальным вниманием и удивлением прочел свой гороскоп на сегодня:

«Скорпион. *Личная жизнь*: Марс стал понемногу удаляться от вашего знака, но все еще продолжает определять ваше настроение. Сохраняйте контроль над собой до выходных, когда наступит полнолуние, и все встанет на свои места... *Работа*: вы подозреваете всех окружающих в том, что они замышляют козни против вас. („А ведь это правда! — подумал я. — Я ведь уже начал подозревать „Марлен“, Муранеллу и даже Людвига!“) *Здоровье*: У вас небольшое временное снижение жизненного тонуса, но не относитесь к этому легкомысленно!»

Я поразился точности предсказаний этого гороскопа. Он даже предсказал мой эпизод дежа вю! Временное снижение тонуса... Нужно, однако, иметь это в виду.

Просмотрев рукопись, ожидавшую меня на столе в номере, я мог только пожать плечами. Как только мне в голову могла прийти подобная

дурацкая гипотеза? Я ведь должен был ограничиться лишь изложением фактов. Что же делать? Придется отправить факс и предупредить секретаря журнала «Philosophical Transactions», что до конца месяца я не успею подготовить статью. На какую бы уважительную причину мне сослаться? Не на скелеты же и кольца на стене, появившиеся в моем сновидении, или мой гороскоп! Ведь это несерьезно... Впрочем, торопиться некуда. Прежде нужно разрешить одну загадку: одна там или несколько этих Муранелл?

11 часов. Я решил провести лишний час в постели, чтобы избавиться от чувства нетерпеливого ожидания звонка и заодно еще раз перечитать «Империю сновидений» Пьера Шеймоля. Это настоящий «спутник онейролога», так он богат ссылками на всякие забытые первоисточники. Если Муранелла мне позвонит, она, разумеется, сделает это именно утром, по дороге в Мурано.

12 часов. По-прежнему никакого звонка! Я направляюсь в бассейн и предупреждаю портье, что жду звонка исключительной важности. Необходимо, чтобы меня позвали к телефону, даже если я буду в бассейне. Я уселся в шезлонг на краю бассейна с водой 26 градусов по Цельсию под полуденным солнцем и моментально впал в полусон, компенсируя хроническую нехватку сна ночного.

Я был резко разбужен лаем двух собак, которые гоняли гостиничную кошку. Опять этот собачий лай!

И тут, внезапно, меня озарило, и я вспомнил!

Это произошло почти два года назад в моем доме, одиноко стоящем на краю домбских лесов. Должно быть, был декабрь. Я проснулся часа в два ночи от лая собак. Находясь в состоянии полусна, я, однако, отметил, что сновидение было полностью звуковым и не сопровождалось ни зрительными образами, ни эрекцией. «Очень интересное и редкое сновидение», — записал я в дневнике снов светящейся ручкой, собираясь снова заснуть. Однако несколько мгновений спустя снова раздался яростный лай, который смог пробудить меня только наполовину. Звуки эти почему-то доносились не из прихожей на первом этаже, где собаки обычно спали у порога, а из парка; но я не обратил на это внимания и снова заснул.

В этот день мне нужно было встать очень рано, в четыре утра, чтобы успеть на самолет. Зайдя в кабинет, я обнаружил, что мой пустой бумажник валяется на столе. Из него исчезло 3000 франков. Из соседней гостиной пропала очень красивая бронзовая статуэтка и старинные фамильные часы начала XIX века. Впервые в этом доме я был ограблен.

Полицейские легко восстановили сценарий происшедшего: двое

грабителей (согласно следам) без труда открыли входную дверь отмычкой. Тут из коридора с лаем выскочили собаки, и грабители врезали им дверью по носам, а когда воры побежали обратно со своей добычей, собаки кинулись за ними и тут же получили жестокие удары по головам бутылками из-под шампанского.

— Вы правильно сделали, что не спустились, — сказал мне жандарм. — Они бы вам тоже по башке стукнули! А больше ничего не украли?

Я быстренько проверил свой стол. Кажется, часть протоколов опытов с GB169 передвинута. Пузырек с веществом находился как всегда в кармане пиджака. Но, конечно, нельзя исключить, что часть вещества отсыпали и заменили каким-то другим белым порошком.

Жандармы заявили, что, по их мнению, кража совершена классными специалистами и «по наводке». Наверняка они уже переправили в Италию для продажи и статуэтку, и часы. «Я надеюсь, что это ограбление послужит вам уроком!» — заявил один из полицейских...

Лежа в кресле на берегу бассейна и анализируя ход событий, я спрашивал себя, не были эти сновидения с собаками своего рода предупреждением. И не было ли это предупреждение связано с возможной пропажей некоторого количества вещества GB169. Кто же его заказал, замаскировав похищение под банальную домовую кражу статуэтки и часов?

Сергей Комаров? Вполне возможно; ведь он вместе с другими моими сотрудниками неоднократно бывал у меня в гостях, каждый раз принося с собой бутылку отличной водки. Сергей вполне мог обратить внимание и на часы, и на статуэтку, запомнить расположение предметов в моем кабинете и заказать это ограбление.

Такая гипотеза добавила еще один фрагмент в ту мозаику, которую я вчера складывал.

Шпион в моей лаборатории, кража жесткого диска, случайный разговор о тета-ритме между Сергеем и Гансом Д. в Санкт-Петербурге, восстановление в памяти истории с этим злосчастным веществом... Но какова может быть роль Муранеллы в этой истории? А «Марлен»? И кто стоит за Сергеем? Да если бы кто-то из русских и решился на применение GB169, я бы им только успеха пожелал! Человек — не крыса, и я уже больше не верю в собственную теорию генетического программирования.

На самом деле до сего дня я извлек лишь один урок из этого ограбления: я превратил собственный дом в неприступную крепость,

установив там новейшую аппаратуру против краж, которая теперь каждую ночь меня будила, включаясь по ошибке в ответ на ночные проказы моих кошек. Я уже более или менее серьезно начинал задумываться о том, что онейрология спасла мне жизнь. Ведь я не встал с постели, поскольку воспринял громкий собачий лай как исключительно звуковой сон, без эрекции, достаточно интересный, чтобы быть охваченным моей теорией онейрического сознания. «Так вот в чем витальная функция сновидений, я же ее почти уже открыл, — размышлял я, посмеиваясь, — *ложный сон, оказывается, может спасти жизнь!*»

Приближалось время завтрака. Муранелла так и не позвонила. Что же делать?

Мне не хотелось больше оставаться в гостинице и завершать статью, так как появилось ощущение, уже почти переходящее в убеждение, что не я, а кто-то другой написал это обширное резюме. Почему я так уверился вдруг в этих гипотезах? Неужели возможно в нейробиологических терминах объяснить такое эфемерное и неуловимое явление, как сновидение? Это просто безумие — связывать его с электрической активностью определенных структур мозга, таких, как гиппокамп! Ведь убеждал же меня на одном из недавних конгрессов знаменитый кибернетик и специалист по сну, что тета-ритм — это всего лишь артефакт, а я ему не поверил! Может, он был прав? Нужно ли еще защищать мою теорию генетического программирования?

Внезапно я осознал правоту всей той многочисленной критики, которую до сих пор старательно отвергал, вытеснял и забывал; некоторые из моих лучших друзей, например, Дидьё Жан Винмилль, даже посчитали меня «расистом»! Конечно, с моей стороны было по меньшей мере дерзко, смешно и наивно — еще раз взяться за взаимоотношения между врожденным и приобретенным. Эта проблема не нова и давно уже никого не интересует.

Генетическое программирование! Известная история! Учите-ка лучше молекулярную генетику, друг мой! Почему вы не рассматриваете другие подходы? Как насчет «ассимиляции» по Пьяже? Все это старо как мир. Помните «порядок вместо хаоса» Пригожина? Никто не знает, что это такое, но сама идея шикарная! А почему вы отвергаете, не хотите принимать на веру гипотезу о том, что сновидения нужны для запоминания или забывания? Видит бог, эта гипотеза была удостоена престижнейшей Нобелевской премии! Значит, она всеми воспринимается как правдоподобная. И вообще, зачем искать функцию сновидений, или парадоксального сна? Как говорят некоторые, это наивно, телеологично и

эсхатологично. Ведь достаточно — просто описывать явления. Не выходите, дорогой мой, за пределы феноменологии! В крайнем случае, описывайте *механизмы*, но не выходите за их пределы! Спрашивайте «как», никогда не спрашивайте «почему»! А со временем молекулярные биологи найдут ген сна и сновидений у дрозофилы, и все закончится. Это дело пары ближайших лет, не более!

Что же делать — отложить рукопись и полностью ее переработать или вообще отказаться? Я вновь отложил на завтра отправку факса.

Войдя в ресторан, я сразу увидел Людвига. Он с любопытством на меня уставился. Может, потому, что я уже два дня не брился? Или он заметил красную шишку у меня над ухом?

— Вы сократили продолжительность фанго сегодня утром, друг мой?

— Да, конечно. Всё в норме. Я, может, поеду сегодня в Венецию, но не на Мурано.

Я не осмелился рассказать ему о своем гороскопе.

Наконец я принял решение. Раз Муранелла мне не позвонила, то бесполезно ее преследовать или снова садиться в сорок первый вапоретто. У нее будет полное право дать мне пощечину на глазах у всех пассажиров и пожаловаться полиции на сексуальное домогательство. Однако я легко могу дождаться ее на площади Гетто Нуово, которую она (или ее двойник) должна была бы пересекать, как и в течение трех последних дней. Тогда я смогу проследить, куда она направляется или где живет. Может, мне удастся наконец-то поговорить с ней один на один и попросить объяснить мне тайну ее появлений.

Я решил отправиться пешком прямо от вокзала Санта-Лючия до площади Гетто Нуово. По пути достаточно кафе и маленьких трапезных, где можно остановиться и дать отдых больной ноге.

К шестнадцати часам я уже был на площади Гетто Нуово и присел на скамейку на мосту, который переходит в улицу Рио Мизерикордиа. Это мой любимый мост в Венеции, поскольку Висконти в своем фильме «*Senso*»<sup>[50]</sup> снял на нем любимую актрису моей молодости, Алиду Валли<sup>[51]</sup>. Это по нему она спускается, облаченная в длинное черное манто, чтобы встретиться со своим любовником, австрийским офицером, в период оккупации Венеции в 1850 году.

Низкое солнце отбрасывало тени до середины канала. На окнах сушилось белье, и вода, словно кривое зеркало, одаривала меня искаженным изображением. С этой точки мне было видно все, что происходит на площади, окруженной старинными домами в четыре-пять

этажей, самыми высокими в Венеции: посетителей, толпившихся возле входа в музей и небольшую синагогу. Но, насколько хватало взгляда, я не видел Муранеллу среди множества прохожих на Рио дель Гетто Нуово. Я прождал до восемнадцати часов. Муранелла не появилась!

«А вдруг, — подумал я, — она позвонила в гостиницу после моего отъезда, скажем, по дороге с работы, или зайдя в церковь Мадонна дель'Орто? Может, она решила вновь встретиться со мной на вапоретто? И была разочарована? А если их двое, этих Муранелл, то рассказала ли она об этом своему двойнику или близнецу?»

Вот тут-то я впервые пожалел о том, что не обзавелся мобильным телефоном — а ведь до сегодняшнего дня эта идея не вызывала у меня ничего, кроме ужаса!

Я стал озираться в напрасных поисках телефонной кабины. Оказалось, что и из кафе здесь звонить тоже нельзя, так что мне пришлось медленно, волоча ногу, брести обратно до самого вокзала. Там я приобрел телефонную карту и наконец позвонил в отель «Теодорих».

— Si, si, Professore, одна donna звонила вам около шести вечера. Она просила, чтобы вы ей позвонили в Венецию. Это очень срочно, запишите ее номер.

Это был номер мобильного телефона. Милая Муранелла! Как же ее настоящее имя? Портье мне его не назвал. Неужели мы будем вместе уже через десять минут? И я найду, наконец, ключ к тайне, которая меня так захватила?

— Pronto, pronto, Professor Juvet calling. I am so glad to talk to you... <sup>[52]</sup>

— Профессор Жуве, я беспокоюсь, потому что ничего от вас не получила, — ответил мне женский голос с итальянским акцентом.

«Бог ты мой, — подумал я, — оказывается, я мог с ней разговаривать и писать ей записки на французском!»

— Где вы? — спросил я. — Мы можем встретиться? Вы еще на сорок первом вапоретто?

— Il quarrantuno? Каком сорок первом? Я на конгрессе, недалеко от Дзаттере.

— На каком конгрессе?

— По психологии сна, профессор Жуве, вы меня помните?

— Ха, так это не вас я встретил на сорок первом вапоретто? Вас или вашу сестру?

— Нет у меня никакой сестры! Я доктор Бьянка Ф. из Турина. Я была в вашей лаборатории в Лионе в прошлом году. По поводу моей диссертации о Санте де Санктисе. Вы что, меня не помните, профессор?

Я произнес про себя все самые страшные проклятия на всех знакомых мне языках.

— Вы меня слышите, профессор?

— Да, я вас помню. Как вы меня нашли?

— Через вашу секретаршу. Мы с вами обменялись сообщениями по факсу два месяца назад, и вы мне написали, что приедете на конгресс. Поскольку вы сейчас неподалеку от Венеции, ваша секретарша дала нам название вашего отеля. А где вы?

— На вокзале Санта-Лючия. Я возвращаюсь в Монтегротто.

— Профессор, как мы вам писали по факсу, для всех участников будет большой честью, если вы сможете завтра приехать и сделать небольшой доклад на ту же тему, что и на Капри в прошлом году. Вы нам обещали, помните?

— Господи боже ж ты мой! Капри!

Я на самом деле был туда приглашен на заседание Итальянского общества по изучению сна. О чем же я там говорил? Естественно, о генетическом программировании во время парадоксального сна, или сновидений. Мой доклад, помню, вызвал резкую словесную перепалку между психологами, особенно усердствовали представители римской группы...

— Как же, Капри, помню, но дело в том, что у меня нет с собой слайдов.

— Это не имеет значения, профессор, вся римская команда уже здесь. Все вас ждут, это будет потрясающе.

— А в котором часу?

Сначала я попытался найти повод, чтобы не ехать. Но потом подумал, что эта поездка может изменить мое настроение. С Муранеллой-то ведь покончено...

— Профессор, мы встретим вас завтра у поезда, который приходит на вокзал Санта-Лючия в 10.10. Ваш доклад в полдень, тридцать минут, ОК? Вы свободны после полудня?

— Еще не знаю. Domani, в 10.10. Arrivederci.

Чертова Бьянка! Едучи в поезде, я ее вспомнил. Она была у меня в Лионе в одно время с Сергеем. Хорошенькая зеленоглазая брюнетка, с гибким станом, всегда элегантная и немного скованная. Она написала диссертацию по психологии о Санте де Санктисе, итальянском пионере в изучении снов, который удостоился быть процитированным самим Зигмундом Фрейдом в его знаменитой книге «Die Traumdeutung»<sup>[53]</sup>. Санте де Санктис был одним из первых, кто изучал частоту дневных осадков (или

остатков) в запомнившихся снах. Он определил это соотношение в 20 процентов, что близко к моей собственной статистике (почти 25 процентов), но, очевидно, намного ниже, чем у Фрейда, для которого остаток дня существовал *во всех случаях*. Я предложил Бьянке свои записи сновидений, и она подвергла их превосходной статистической обработке.

Во время пребывания в моей лаборатории Бьянка обучила меня некоторым основам своей специальности — так называемому «микropsихоанализу». Мне показалось, что эта дисциплина полностью лишена каких бы то ни было научных основ. Я попытался ее переключить на объективное изучение сна и сновидений, возможное благодаря существованию полиграфии сна. Впоследствии ей удалось организовать лабораторию сна в Турине. Пару месяцев она посещала клинику и быстро набрала необходимые навыки для расшифровки секретов ночного сна. Кем же она стала после своего отъезда из Лиона?

Бог ты мой, что же мне завтра говорить на этом конгрессе психологов, особенно если там полно микropsихоаналитиков?

Я вернулся в отель с опозданием. Когда я сел за столик, «Марлен» бросила на меня подозрительный взгляд.

— Будьте осторожны с венецианками, профессор!

— *Vino bianco*, как вчера? — спросил меня официант-сомелье.

— Как вчера, как всегда... нет уж, хватит! Самое лучшее красное вино, *prego*. — Я посмотрел в карту вин. — Самое дорогое. Кьянти классико «Сант-Дам», по тридцать тысяч лир за бутылку<sup>[54]</sup>. Хорошо выдержанное, *prego*.

Прибытие кьянти сопровождалось одобрительными взглядами «Круппов» с левого столика. Я поднял бокал за их здоровье и за здоровье «Марлен». *Prosit — Sante — Salud — Kampai*.

Она улыбнулась.

— Вы плавали вокруг острова на вапоретто, профессор?

Откуда она узнала, что я профессор? От метрдотеля?

— Нет, я больше не плавал. Я завтра еду в Венецию на конгресс.

«Какая дурацкая идея согласиться опять представлять мою теорию, в которую я сам уже больше не верю, да еще перед римскими психологами», — подумал я, попивая кьянти, которое оказалось настолько восхитительным, что я незаметно прикончил всю бутылку.

Чтобы после обеда не встречаться с Людвигом, я прошел через парк. Я не испытывал ни малейшего желания рассказывать ему о своих безуспешных поисках Муранеллы. Оказавшись в номере, я быстро разложил все книги и документы, относящиеся к моей статье. Я взял

большой чистый лист и написал следующее:

1) Дион: теория сновидений. Сергей Комаров (кража жесткого диска? гиппокамповая тета-активность? налет на мой дом? вероятное похищение GB169?).

2) Санкт-Петербург: Сергей — Ганс Л. (из Галле, до 1990 года территория Восточной Германии, говорит по-русски) — чипы — возможность регистрировать тета-ритм у человека. Гипотеза о новом веществе — Кремль? Владимир Владимирович? Кто это?

3) Монтегротто: одна или две Муранеллы? Фанго — синдром дежавю? Гипермнезия? «Марлен»? Людвиг? Завтрашний конгресс по сну. Бьянка.

Выявилось три группы явлений. Одни тяготеют к Диону, другие к России, третьи к Монтегротто и Венеции, но я не нахожу связи между Дионом, Россией и Италией. Тем не менее, нужно бы проверить некоторых персонажей.

*Людвиг?* Я знаю его уже год. Действительно ли он геронтолог? Эти его рассказы о тысячелетних сроках жизни отдают научной фантастикой. Но ведь он в самом деле врач, психиатр, и действительно приехал сюда лечить артроз тазобедренного сустава. Нет, в этом созвездии ярких персонажей от Сергея до Муранеллы ему места явно нет.

*«Марлен»?* Говорит по-русски. Она русская? Мне пока не удалось с ней поговорить по-настоящему, поскольку, как мне кажется, она меня избегает. Что она делала весь этот день? Она, очевидно, либо писательница, либо журналистка, поскольку пишет что-то за столом своей большой ручкой. Она приехала на «фиате», взятом напрокат в Падуе. Минувшей ночью мне почудилось, будто я вижу ее в своей комнате, но, разумеется, то был лишь сон, ведь «нельзя подозревать всех», как было написано в моем гороскопе.

*Муранелла?* Вот это и есть узел всей истории. Была ли она лишь порождением моего воображения, как утверждал Людвиг? Но ведь я трижды определенно видел и опознал ее почти одновременно в довольно отдаленных местах!

Не знаю почему, но сегодняшняя неудачная попытка встретиться с Муранеллой казалась мне каким-то образом связанной с полным провалом моей теории генетического программирования. Нерешенная загадка Муранеллы или Муранелл, исчезла, унеся с собой и мои гипотезы о сновидениях.

У меня было еще довольно времени поразмышлять о том, что мне предстоит завтра рассказывать на этом проклятом конгрессе перед этими

проклятыми психологами и трижды проклятыми микропсихоаналитиками. Кстати, почему бы не создать и микронейрологию? Нет, этим вечером, находясь под воздействием кьянти, я был не в состоянии здраво рассуждать.

Да, под воздействием этих чертовых фанги я стал каким-то другим, — размышлял я, рассматривая свое отражение в зеркале и отмечая, что малюсенькое пятнышко пониже виска, эритема, превратилось в небольшое выпячивание, папулу, и сильно покраснело.

Из-за этого я уже два дня не бреюсь. У меня появилось желание отрастить двухнедельную бороду, а голову выбрить. Мне вдруг захотелось измениться до неузнаваемости, стать другим человеком! Но для этого нужно было как бы выйти из себя, чтобы самого себя оценить со стороны. Где же происходило расщепление моего «я» на я-объект, отличный от я-субъекта, моего alter ego, который обсуждает и судит о я-объекте? И кто же из нас изменился? Господи милостивый, как только я начал заглядывать вглубь, я уже больше не знаю, кто я есть. Как же узнать, кто из нас изменился? Тот, кто судит другого? Но то, что есть я, по сути дела то, что мне снится. Неужели эти дурацкие фанги так повлияли на мои сны? Но ведь я и раньше всегда видел сны...

## Глава 6. Конгресс в Венеции

### Пятница, 10 сентября 1999 года

Я начинаю опасаться этих пробуждений около трех часов ночи, поскольку теперь они извлекают меня из глубокого сна без сновидений. Грязевые ванны, фанги, пока не уняли моих болей. «Это нормально, — заявил мне консьерж, великий утешитель всех страдальцев. — Поначалу боли даже усиливаются! Должно пройти от одного до двух месяцев». Знаю я эту песню...

Я проснулся самостоятельно около половины восьмого, перед массажем, и был приятно удивлен тем, что мне снился эротический сон, сопровождаемый эрекцией, как у молодого! Я лежал рядом с прекрасной молодой женщиной. Ее тело было обнаженным и таким белоснежным, как будто покрыто белилами или гипсом. Губы также были бледны, но она была живой. К великому моему изумлению, лаская ее лобок, я вдруг увидел, как по ее телу маршируют какие-то толстые жучки, похожие на маленьких скарабеев. Они шли гуськом на задних лапках. Присмотревшись, я увидел, что это гомункулусы, все с бородками, похожие на крошечного Зигмунда Фрейда. Они исходили из волос подмышки этой красотки. Потом гомункулусы перестроились. Одна группа поднялась на живот, а другая спустилась в ложбинку между грудей. Затем обе группы вновь соединились, промаршировали по часовой стрелке вокруг пупка, переместились к другому боку кровати и исчезли. Этот фантастический сон почему-то доставил мне невыразимое наслаждение.

Позже, после массажа, спустившись вниз и намереваясь идти к поезду, я бросил взгляд на мой сегодняшний гороскоп. И еще раз убедился в необычайных способностях к предвидению у астрологии, этого учения или науки, доселе мне неизвестной.

«Скорпион. Вас не покидает неприятное чувство, будто кто-то вас использует. Каре из Солнца в Деве и Плутона в Стрельце придаст вам силы и откроет глаза на взаимоотношения с одним из ваших старых друзей. („Хе-хе, неужто это Бьянка?“ — подумал я.) Вы очень напряжены. Желательно немного расслабиться. (Хорошо сказано! Отправлюсь-ка я во второй половине дня по музеям и пообедаю в хорошем ресторане.) Вы доведены до предела. Вам абсолютно необходимо усилить самоконтроль и направить переживаемый вами стресс в нужное русло».

Совершенно верно. Вот завтра и схожу на консультацию к доктору Перуккио в Падуе.

Я покинул Монтегротто около девяти часов. «Я не вернусь ни к обеду, ни к ужину», — заявил я служащим у стойки регистрации. У меня было сильное искушение сказать им, что я не вернусь никогда!

«Зачем Бьянка позвала меня на этот конгресс по психологии сна?» — спрашивал я сам себя, сидя в поезде. Это что, та самая ловушка, на которую намекал мой гороскоп? Однако в прошлом году, на конгрессе на Капри, насколько я помню, именно Бьянка защищала меня от наскоков психологов, и я не верю, что она способна на такое предательство. Скорее всего, она просто подумала, что нужен еще и нейрофизиолог, чтобы противостоять триумфу римской школы, а может, и микропсихоанализу.

В Лионе Бьянка объяснила мне все основные методики этой науки: тщательный анализ почерка пациента, семейные фотографии, включая родителей, дедушек и бабушек, домиков, садилов и т. д. Сеансы анализа должны продолжаться по пять шесть часов каждый день!

В конце концов, я буду очень рад увидеть ее снова в Венеции! В Лионе она всегда бывала весьма элегантно, впрочем, как и большинство итальянок, посещавших мою лабораторию. Часто на ней был большой белый шелковый шарф. «Бьянка, которая вся в белом» — так, несколько ревниво, называли ее некоторые мои сотрудницы... «В белом», значит.

Внезапно я понял, что образ белой как снег женщины, явившийся мне во сне, должно быть, связан с нею! Сон-желание, столь дорогой для Фрейда! А все эти маленькие «фрейдики», которые пробежали по ее телу, а потом исчезли! Конечно же, это микропсихоанализ! Я желал Бьянку, ту, которая ушла из микропсихоанализа или от которой он сам ушел... «Но куда, в какую сторону?» — снова подумал я, осознав, что никогда не осмелюсь пересказать ей свой сон...

Это уже третий сон-ребус после моего приезда в Монтегротто. А ведь раньше мне редко снились подобные сны! Похоже, что-то случилось с моей «онейрической машиной», раз во время парадоксального сна, когда я каждый раз просыпался с эрекцией, меня стали посещать такие сны. Сегодня послание было ясным. Я уже желал или начинал желать эту Бьянку.

Прибыв в Венецию, я отметил, что за всю дорогу ни разу не вспомнил о Муранелле и ее загадке. Ее место заняла Бьянка. Это, безусловно, был «онейрический остаток», направлявший мои мысли.

Бьянка встречала меня на вокзале Санта-Лючия. Улыбающаяся, в красном платье с белым воротником. Она представила мне двух

психологов, бородатых и молчаливых, учеников профессора С. из Рима. Мы сели в мотоскафо<sup>[55]</sup>, чтобы добраться до конгресса, который проводился со стороны Кампо Авогариа, позади от Дзаттере. «Прощай, мой сорок первый», — подумал я.

Во главе конгресса был мой «коллега и друг», профессор Аугусто Н. из Неаполя. Он, как говорится, «носил две шляпы сразу» — был в одном лице и нейрофизиологом, и психоаналитиком. Это позволяло ему быть специалистом в области и объективного, и субъективного изучения сновидений. Как настоящий фокусник, он обладал умением и талантом делать так, что открытия современной нейробиологии в области сновидений бесследно исчезали в огромной, бездонной шляпе фрейдистского психоанализа!

Мой друг Аугусто Н. сердечно меня приветствовал.

— Спасибо, что приехали, дорогой мой коллега и друг. Нам пришлось оторвать вас от эвганейских наслаждений и грязевых ванн, чтобы спуститься в подземелье мозга, также полное грязи. Грязи бессознательного, первым исследователем которого был Зигмунд Фрейд... Ну, и так далее, и так далее, и тому подобное...

Зал был полон. Там, вероятно, было около сотни слушателей, а установка для аудио-визуальных демонстраций явно устарела. Но какое это имело значение? Ведь диапозитивы я все равно не собирался показывать.

Я уселся рядом с Бьянкой, когда профессор С. из Рима начал свою речь на английском, показав таким образом, что он будет официальным языком конференции, так что я смогу понять малейшие нюансы происходящего.

Сначала он поблагодарил меня за то, что я покинул Монтегротто, «Моне Эгроторум», «гору больных», чтобы приехать в Венецию. Город, принадлежащий в равной мере и морю, и суше, и фантазиям, и науке. После такого вступления (камешек в мой огород, подумал я) он объявил тему конференции: «Предположение, что REM-sleep (или парадоксальный сон) — эквивалент сновидений, не имеет под собой объективных оснований. Сновидение есть нечто субъективное».

Хорошенькое начало! Но, любопытно, что *на этот раз* я не мог сосредоточиться на проблеме, в отличие от того, что было год назад на конгрессе на Капри.

Тут глава римской онейрологической школы напал на всех нейрофизиологов сразу, главенствующих сейчас в научном мире из-за своего авторитета, спеси, престижа своей дисциплины и своей ложной доктрины. Писать, как они это делают, что REM-sleep — это эквивалент сновидений, все равно что ставить барьеры на пути всех дальнейших

исследований. Эта такая же чушь, как и предположение, что животные, те же кошки, видят сны! Таким вот образом одна из самых на сегодняшний день интересных проблем психологии оказалась принесенной в жертву устаревшей, упрощенной, отброшенной и ложной модели.

Он заявил, что сделает обзор всех тех данных, которые противоречат гипотезе об изоморфизме между так называемым REM-сном и сновидениями. Он привел статистические данные из старых работ 60–70-х годов; согласно этим данным спящие, которых пробуждают из non-REM-сна (то есть сна обычного, ортодоксального, с медленными волнами в электрической активности коры головного мозга), в тридцати процентах случаев также рассказывают о переживании сновидений. А в настоящее время, уточнил он, этот процент достиг уже пятидесяти четырех! (В его лаборатории.)

Я быстренько подсчитал, что к 2020 году эта цифра достигнет ста процентов. А все почему? Да потому, разумеется, что нет четкого и общепринятого определения того, что считать сновидением.

Далее этому римскому онейрологу не составляло труда раскритиковать так называемую «гипотезу сканирования», согласно которой быстрые движения глазных яблок в ходе сна представляют собой не что иное, как рассматривание онейрической картины. Кстати, работы моей собственной лаборатории, начиная еще с 1965 года, также шли в разрез с этой гипотезой. Затем он упомянул недавние работы (которых я не знал), показавшие, что нет никакой связи между длительностью периода REM-сна и субъективной длительностью сновидения (оцениваемой, оказывается, по количеству слов, произносимых спящим после его пробуждения!).

Наконец профессор С. открыл царские ворота модной науки — когнитивизма. Одна и та же когнитивная система вовлекается в действие в ходе всего сна, независимо от того, какая электрическая активность протекает в мозгу: быстрая, во время парадоксального сна, или медленная — во время обычного. Эта же когнитивная система может действовать и во время бодрствования, например, во время зрительных галлюцинаций или бреда. В заключение римский психолог сказал, что «настоящие» нейробиологи, изучающие сновидения, должны отказаться от всех своих последних гипотез. К сожалению, он не мог ничего предложить взамен, кроме существования этой перманентной когнитивной машины. Завершая свое выступление, он упомянул одну гипотезу, которую я был готов принять. Она повторяется в книгах по психологии вот уже сотню лет: что сновидения, которые мы вспоминаем при пробуждении, возникают в момент самого процесса пробуждения!

Выступление профессора С. было встречено громом аплодисментов.

— Что я здесь делаю, дорогая моя Бьянка? — спросил я ее. — Мне было так хорошо в шезлонге возле бассейна в Монтегротто!

— Защищайтесь, профессор! Вы же видите, что никакой другой модели у него нет. Даже если ваша теория в чем-то неверна, все равно она открывает путь новым исследованиям...

Президент конгресса добавил, что общая дискуссия состоится после моего выступления. О чем же мне говорить? Обычно, если у меня нет диапозитивов для того, чтобы как-то организовать и проиллюстрировать свой доклад, я делаю его *in extremis*, по обстоятельствам, таким, как цвет небес, общая атмосфера в зале, количество слушателей и, в особенности, содержание и тон речи предыдущего оратора. На этот раз у меня было ощущение, что мое сознание ничем не замутнено, и я говорил, будто ведомый каким-то внутренним «демоном».

— *Sunt geminae somni portae*<sup>[56]</sup>, — начал я цитатой из Лукреция.

Вот дверь, украшенная рогом, а вот — отделанная слоновой костью. Быть может, эта, отделанная слоновой костью, была открыта нейробиологами слишком рано и захлопнулась за ними, оставив последних в узилище? Дверь из рога, напротив, открыла лучезарный путь когнитивизма. Начав свое выступление на латыни, я рассчитывал смягчить скрытую враждебность итальянских психологов по отношению к французским нейробиологам, представителем которых я являлся. Я, таким образом, отдавал дань греко-римской цивилизации, праматери всех европейских цивилизаций. Как же можно было, в самом деле, начинать такое выступление — и на галльском? С другой стороны, в последние два дня я чувствовал, как все гипотезы о функциях сновидений, одна за другой, в буквальном смысле похищаются из моего мозга, так что я безо всякого внутреннего сопротивления, почти автоматически стал принимать идеи своих оппонентов.

— Конечно, мы, нейробиологи, попали в ловушку, так как слишком доверяем нашим методам, и я благодарен профессору С. за то, что он мне об этом напомнил, — продолжал я. — Мы думали, что электрофизиология откроет нам двери в мозг, и долгое время мои коллеги и я сам поддерживали гипотезу об изоморфизме между электрической активностью головного мозга (электроэнцефалограммой) и состояниями сознания. Нет сознания без быстрой кортикальной электрической активности, без гамма-активности (тридцать-сорок герц). Эта концепция мало-помалу превратилась в догму. Различные виды сознания в бодрствовании, с одной стороны, и онейрическое сознание, с другой,

сочетаются с одной и той же гамма-активностью и опираются на один и тот же нейробиологический субстрат. Увы, вы доказали, что ничего этого нет, поскольку смогли получить отчеты о сновидениях и во время сна с медленными волнами, дельта-волнами, две-четыре в секунду, чем подтвердили результаты других лабораторий. (Это было небольшое свинство с моей стороны.) Таким образом, я готов отказаться от концепции изоморфизма между электрической активностью головного мозга и состояниями сознания. Как и вы, я полагаю, что душа не может быть ни описана, ни познана, ни методами электрофизиологии, ни нейрохимии. Это такая эмерджентная мера функционирования мозга, которая не может быть проанализирована ни одним из существующих методов нейробиологии. Только психология, с ее точным описанием различных субъективных состояний сознания, может нам помочь. Это то, что вы называете когнитивизмом.

«Бог ты мой! Неужели это я все это несу?» С каким-то почти садистским сладострастием я растаптывал все методологические, то бишь философские, основы, на которых покоился почти полвека.

— Признавать свои ошибки — в науке это означает двигаться вперед, — продолжал я. — Позвольте же мне идти далее. До сих пор никто не может объяснить природу вещей снов. Или хотя бы доказать их существование. Мы знаем о них, даже если не подозреваем того, что мы носим в себе это знание.

Я заметил, что мой друг профессор Аугусто Н. из Неаполя, президент конгресса, просто остолбенел, слушая меня.

— Посмотрим же правде в глаза, — продолжил я. — Если вещие сны существуют, то это означает не что иное, как обратимость стрелы времени, и более того, мозга и духа (как эмерджентной системы), и надо, по крайней мере по отношению в человеку, допустить присутствие в равной степени и такой нематериальной субстанции, которая способна существовать за пределами времени. То есть души. Такая субстанция, разумеется, не может быть зарегистрирована на электроэнцефалограмме.

Я собирался завершить это вызывание духов, которое совершенно поразило аудиторию, кратким экскурсом в область астрологии и слегка намекнуть на мой гороскоп. Но кто-то в глубине аудитории поднял руку и громко спросил с немецким акцентом:

— Зачем вы нам рассказываете все эти байки о душе? Расскажите нам лучше о функциях REM сна!

По залу прокатились смешки. Я взглянул на Бьянку. Вид у нее был растерянный и встревоженный.

— У вас есть еще несколько минут, чтобы ответить на этот вопрос, — добавил президент, стиснув голову руками, как будто от моего ответа зависело что-то очень важное.

— Хорошо, — согласился я. — Функции сновидений, а почему не функции сна? Здесь все иллюзии утрачены. Разрешите мне остаться в рамках феноменологии и поделиться с вами одним личным воспоминанием. В прошлом году мне посчастливилось посетить некоторые наши научные объекты, расположенные на французских территориях в Южном полушарии: островах Крозет, Кергелен и Амстердам. Поведение в бодрствовании и сне у королевских, или больших пингвинов, более метра ростом, было особенно тщательно изучено группой блестящих исследователей на острове Крозет, где находятся колонии пингвинов общей численностью в полмиллиона.

Как только самка пингвина откладывает яйцо, она отдает его на высиживание самцу, который остается на одном и том же месте, пока она плавает в море. Территория, или жизненное пространство самца внутри колонии — не больше одного квадратного метра, и он должен ее охранять дено и ночью с помощью клюва и крыльев. Непрерывные наблюдения, проводимые круглосуточно с помощью инфракрасных видеосистем, позволили выяснить, что поведенческий сон пингвина занимает не более одной десятой процента времени суток в течение всего периода высиживания яиц, то есть около двух месяцев! Как только птенец выходит из яйца и самка возвращается, пингвин-самец бросается в море, где, после двух месяцев почти полной инсомнии, он способен проплыть сотни километров в поисках рыбы, коей питается. Целый месяц он кормится. Таким образом, в течение *трех месяцев* королевский пингвин оказывается лишенным сна и, если позволите, сновидений. Отсюда можно заключить, что ни обычный, ни парадоксальный сон (который в норме занимает 40 процентов суточного ритма у пингвина) не выполняет никакой жизненно важной функции в этих условиях. *Их отсутствие не мешает нормальной социальной жизни птиц ни на суше, ни в воде.*

— Я согласен насчет птиц, но не так уж важно нам знать про этих пингвинов в Антарктике. Расскажите-ка нам лучше, придерживаетесь ли вы все еще своей теории генетического программирования, — снова обратился ко мне незнакомец с немецким акцентом.

— Мне трудно коротко ответить на этот вопрос, — ответил я. — Теории зарождаются, живут и умирают. Я сознаю, что моя теория умерла. Не знаю только, где это произошло. Может, и в Антарктике...

Эта фраза была встречена смехом аудитории.

— Честно говоря, это меня не трогает, — продолжил я. — Ведь это всего лишь теория. Она умерла так же, как и гипотеза об изоморфизме между электрической активностью мозга и состояниями сознания.

Нужно было решиться окончательно. Бьянка смотрела на меня. Вид у нее был совершенно потрясенный. Знаками она показывала мне, чтобы я остановился. «В конце концов, — подумал я, — если мой нейробиологический корабль и тонет, то, по крайней мере, он идет ко дну с высоко поднятым флагом!»

Я внимательно посмотрел на профессора С., сидящего в первом ряду.

— Мы, нейробиологи, признаём, что находимся в тупике перед тайной сновидений. Игра за вами, господа психологи, дверь, украшенная рогом, ведущая из бодрствования в сон, открыта для вас...

Я остановился. Наступила долгая пауза — все ждали, что я еще скажу. Профессор С. подошел ко мне и пожал мне руку. Раздались жидкие аплодисменты. В честь моего выступления или нашего рукопожатия?

— Прошу прощения, — сказал президент, вставая, — но у нас больше нет времени на вопросы после такого выступления, на котором все мы стали свидетелями исторического примирения между двумя «топиками»<sup>[57]</sup> — нейрофизиологией и психологией... Или метапсихологией, — добавил он, делая хорошую мину. — Те из вас, кто желает задать вопросы, могут сделать это во время ланча.

Разгневанная Бьянка потащила меня подальше от буфета, где давали панетти<sup>[58]</sup> и разные сэндвичи. Мы пошли в сторону Дзаттере, стараясь поскорее сбежать от всех слушателей, тщетно пытавшихся понять причину моего «обращения». Нам даже удалось оторваться от профессора С. и моего друга Аугусто, президента, и мы устремились в лабиринты рию и каналов, чтобы, в конце концов, укрыться в маленькой траттории, откуда можно было смотреть на воды канала Джудекка, сверкавшие в лучах солнца.

— Вам заказать прошутто или моденское дзампоне?<sup>[59]</sup> — спросила Бьянка.

— Дзампоне с пивом, пожалуй.

— Профессор, что с вами, вы больны? Отчего вы вдруг забыли все то, о чем говорили на Капри и о чем писали во множестве статей? Это опасно. Многие участники записывали ваше выступление на диктофоны. Нам сейчас так мало денег достается на исследования сна, которые мы проводим в «Centro Nazionale di Recherche»<sup>[60]</sup>; почти все средства идут этим психоаналитикам, психологам и даже пульмонологам для изучения

храпа! Что с вами происходит?

— Уверяю вас, Бьянка, я себя отлично чувствую. Просто я осознал свои ошибки. Величие ученого, если я еще смею так себя называть, заключается в том, чтобы признавать свои ошибки, чтобы другие не сбивались на тех же тропинках или дорогах исследования.

— Но у вас ведь нет больше теории, ничего нет, остается делать только эти дурацкие подсчеты запомнившихся снов. Сосчитать количество слов. А почему не слогов? А ваше замечательное определение рефлексивного сознания во время сновидений? Вместо записи бормотания каких-то слов, выхваченных случайным образом во время сна. И наконец, если позволите, ваше выступление было каким-то бессвязным. Почему вы вдруг заговорили о каких-то пингвинах?

— Бьянка, невозможно отделить сознание от мозга!

— Но все нейрофизиологические исследования о функционировании коры, пять зрительных зон в коре, вы что, в это больше не верите?

— Это лишь ощущение, Бьянка. Это еще не восприятие. Никто не знает, как функционирует мой мозг, когда я вас узнаю и нахожу очаровательной!

— А как вам вкус дзампоне?

— То же самое.

— Но, в конце концов, вы же читали эту статью насчет обучения иностранному языку. С помощью магниторезонансной или позитронной томографии удалось наблюдать при этом увеличение активности определенных корковых полей!

— Все это вздор, моя дорогая Бьянка, с помощью статистической обработки исходных данных можно получить все что угодно. И потом, это не ново! Еще Бруссе в 1831 году с помощью весьма совершенного краниометра измерил свой череп до и четыре года спустя своего избрания в Академию нравственных и политических наук. Все это время он занимался интенсивной умственной деятельностью. И вот он заключил, что его «метафизический бугор» (по френологии Галля) вырос на целых три миллиметра!

— Вы стали идеалистом. Эмерджентное сознание и душа! Это же возврат на пятьдесят лет назад!

— Пятьдесят лет! Это как раз то время, которое я потерял на поиски центра сновидений, моя дорогая Бьянка. Я получил только один результат. Нет никакого «центра сновидений». Нет такого топика, таков печальный топик! — добавил я, вспомнив заключительное слово президента Аугусто.

Бьянка не поняла игры слов.

— Ладно, нет центра, но ведь есть нервная сеть, — сказала она.

— Концепция сети — это концепция трусов или лифчика, чтобы скрыть идею центра, которая так же непристойна, как голый пупок.

Мне ужасно захотелось рассказать ей о марше «микрофрейдиков» вокруг ее пупка, пупка онейрического, но я не посмел.

— Итак, вы отказались от своей концепции программирования. Вам не осталось ничего!

— Это она от меня отказалась! Теперь я в Венеции и хочу жить, как венецианец, с прекрасной туринкой, как вы! Я лучше пойду картины смотреть, чем далее заниматься этой болтовней с римскими психологами. Не хотите ли вы, моя дорогая Бьянка, пойти со мной прямо сейчас на художественную выставку в Палаццо Грасси?

— Лучше вечером. Я должна вернуться на конгресс. Там будет очень важный доклад одного знаменитого микропсихоаналитика из Турина. Я обещала ему прийти послушать. Уверена, что он будет крайне польщен, если вы тоже придете.

— А о чем он будет говорить?

— О сисмическом сне<sup>[61]</sup>. Эта концепция вошла в моду в микропсихоанализе.

— Ладно, пойду послушаю, но потом мы вместе пойдем на выставку. Решено. Не будем больше говорить ни о науке, ни о псевдонауке, только об искусстве. Договорились? Кстати, чтобы покончить с этим, кто этот тип, который задавал вопросы насчет моей теории? Бьюсь об заклад, что он не итальянец. Мне показалось, что у него немецкий акцент. Я не смог его разглядеть.

— Не знаю. У него не было бэджика, и он не регистрировался. Он не из римской команды. Никто его не знает. Мне показалось, что я видела его вместе с каким-то человеком, похожим на Юнга. Они говорили по-немецки...

Бьянка потащила меня обратно на конгресс. Я уселся как можно тише и незаметнее в последнем ряду. Мне, однако, было весьма любопытно узнать, что же случилось с сисмическим сном, открытым почти сорок лет назад в моей лаборатории, после того, как он был поглощен, разжеван и переварен мозгом микропсихоаналитиков.

Сон с подергиваниями у новорожденных, открытый первой женой М. Жуве, ныне покойной Д. Жуве-Мунье, а также парижской исследовательницей Ш. Дрейфус-Бризак в начале 1960-х. Считается, что этот сон является предшественником парадоксального сна у взрослых (примеч. В. К.).

На лекции, озаглавленной «Микропсихоанализ и сон», аудитория заметно поредела. Психологи римской школы почти все ушли, так же, как и мой друг президент. Видимо, психоаналитики-фрейдисты и микропсихоаналитики конфликтовали друг с другом. Докладчик, знаменитый микропсихоаналитик из Турина, профессор Пьетро П., был двухметровым бородатым великаном; его длинные космы были собраны в пучок на затылке и стянуты золотой заколкой. Он был в темно-сером костюме с черным галстуком. Его доклад был на итальянском, но многочисленные диапозитивы, которые он показывал, были с английскими подписями. Таким образом, мне было более или менее понятно то, о чем он говорил. Это была смесь довольно странных концепций.

Вначале он напомнил о «трех китах», на которых зиждется микропсихоанализ. *Primo*: пустота — биологический вакуум, который нас заполняет, является составной частью мирового вакуума. Вакуум — источник жизни. Неважно, образованный анализируемый пациент, или нет, но пока он не прожил собственной пустоты, он не понимает того, о чем он вам говорит, — убежденно талдычил великан, злобно поглядывая на аудиторию. *Secundo*: существует организованная энергетика вакуума: это нейтральная динамика пустоты (которую я для себя обозначил сокращенно как НДП). Эта самая НДП содержится в энергетических гранулах. *Tertio*: эти гранулы оживают под воздействием баблинга (вспенивания).

Я решил, что он имеет в виду пузыри, и стал выдувать пузырьки из слюны на губах, как младенец, к ужасу Бьянки, которая тщетно пыталась меня остановить.

— ...Так возникает, — продолжал профессор — энергетическая организация вакуума, называемая «Ид»<sup>[62]</sup>. Все это, — отчеканил он, стукнув кулаком по кафедре, да так, что все, кто уже успел заснуть, аж подпрыгнули, — отражено в основной формуле микропсихоанализа. *Я существую благодаря вакууму и НДП и самоутверждаюсь благодаря «Ид».*

Великан извинился за то, что ему приходится рассказывать о таких простых и всем известных вещах, прежде чем перейти к проблеме сисмического сна. Он дал ему правильное биологическое описание: он появляется уже у плода и характеризуется генерализованными мышечными сокращениями. Его переход в парадоксальный сон в ходе онтогенеза (то есть индивидуального развития) вызывает ряд вопросов, которые в настоящее время продолжают обсуждаться. Профессор Пьетро П. подчеркнул курьезный факт, что *sogno sismico*<sup>[63]</sup> был открыт и в Лионе, и в Париже исследовательницами-женщинами. И это неудивительно, ибо,

согласно микропсихоаналитическим исследованиям, женщина обладает психобиологическим сродством с вакуумом. При этом он сослался на одно классическое микропсихоаналитическое исследование о взаимосвязи между женским оргазмом и вакуумом!

Бьянка пнула меня несколько раз ногой под столом, когда я начал издавать звуки, как будто открываю бутылку шампанского.

Наконец наш знаменитый профессор коснулся микропсихоаналитического толкования *sogno sismico*. Это, оказывается, эмбриональная онейральная активность, поскольку она не зависит ни от одного известного нервного центра (что, несомненно, правильно) и которая предсуществует в организации нервной системы (что невозможно доказать, подумал я). Получается, что это клеточная нейтральная и случайная активность, лишенная какой-либо функции.

— Можно сказать, — заключил наш знаменитый микропсихоаналитик, что это клеточное эхо автономного динамизма. *Sogno sismico* отражает длину линейной соматики субъекта в энергетике его бессознательного, смоделированную системой неосознаваемых побуждений.

Здесь волосатый и бородатый великан прервался, чтобы испить стакан воды.

— Вот стакан и пуст — да здравствует пустота! — сказал я Бьянке. — Бьянка, я ухожу, я тоже хочу пить.

— Я вас умоляю, профессор! Нужно остаться до конца. Все уже почти закончилось.

Утолив жажду, гигант продолжил:

— Я могу сказать, и даже утверждаю, что сисмический сон существует уже на уровне сперматозоида и яйцеклетки. Он сохраняется в яйце для всех прочих клеток и на всю жизнь. Он существует не только во сне, но и в бодрствовании.

Бородач перешел к заключению. Он чеканил каждое слово, ритмически сжимая и разжимая кулаки.

— Сисмический сон — это культурный бульон из желаний субъекта и его сновидений. И так как все клетки нашего организма участвуют в сисмическом сне, то можно заключить, что мы видим сны всем нашим телом!

Профессор Пьетро П. завершил свою речь, обратившись к аудитории:

— *Vi ringrazio per la vostra attenzione*<sup>[64]</sup>.

Раздались вежливые аплодисменты, поднялось множество рук. Началось обсуждение проблемы пустоты. Самое время было нам с Бьянкой сматываться, пока не спросили о моем мнении! Кроме того, я начал

ощущать первые симптомы приближающегося приступа дежа вю...

— Бьянка, — сказал я ей, когда позднее мы пересекали мост Академии, — только не говорите мне, что, хотя выступление профессора Пьетро П. и представляло собой нагромождение очень странных идей, оно все же было интересным.

— Профессор, если вы будете говорить и дальше в том же духе, как сегодня утром, то и с вами произойдет то же самое! Извините меня, но вы же видите, куда приводит отсутствие нейробиологической позиции.

Лучше было мне заткнуться, и я хранил молчание до самого Палаццо Грасси. Выставка была посвящена венецианскому Возрождению, временам Тициана и влиянию северных художников, фламандцев и немцев, таких, как Дюрер и Кранах. Они привнесли в венецианскую живопись новый свет, применив неизвестную здесь доселе технику.

— Бьянка, из-за моей ноги нам удастся увидеть лишь несколько полотен. Это то, что называется «стоячая живопись». Как раз ее-то я и предпочитаю, но она более утомительна, чем «сидячая живопись».

— Профессор, ну что вы опять несете? Вы на самом деле в нормальном состоянии?

— «Стоячая живопись», Бьянка, требует приближения к картине, чтобы знаток мог понять и оценить все ее детали, все нюансы, какие-то секреты, скрытые художником, которые не видны, если стоять поодаль. Наоборот, «сидячую живопись» можно оценивать с расстояния, спокойно сидя на месте. Так можно смотреть импрессионистов, фовистов и почти всю современную живопись, включая Мондриана, а также «action painting», «живопись действия» Поллока. Посмотрите на эту будто живую молодую женщину, обнаженную, с маленькими распахнутыми грудями и рыжими волосами.

Ее тело, белое и стройное, резко контрастировало с гранатово-красным фоном и черной землей Сиены. Это «Магия любви» неизвестного художника рейнской школы XV века, если верить каталогу. Была ли то обнаженная женщина из моего сна? Я подошел вплотную к картине, но никаких следов насекомых на ее животе не обнаружил. Мне оставалось только пожать плечами: вещий сон предупредил меня о картине XV века и «микрофрейдиках»! Это невозможно! Но ведь у бессознательного нет логики!

— Что это вы там рассматриваете? — спросила Бьянка.

Я не осмелился рассказать ей об этом совпадении. Мечта о женщине, такой прекрасной и белоснежной, как эта, вряд ли было ее онейрической картиной.

— Посмотрите на изумительные переливы складок на покрывале, которое ниспадает ей на бедра, — ответил я. — Только живопись маслом способна передать такие оттенки цвета и такую точность в деталях. Посмотрите также в глубь картины: на фоне открытой двери выделяется силуэт мужчины, на которого падает слабый свет из окна. На нем забавная черная одежда, вроде трико. Не кажется ли вам весьма эротичным контраст между этой прекрасной белоснежной обнаженной молодой женщиной и одетым в черное мужчиной?

— Но если бы они оба были обнажены — разве это не было бы столь же эротично?

— Не знаю, это уже вопрос религиозный. Был ли пупок у Адама и Евы.

Мало-помалу тревожное предчувствие наступления приступа дежа вю, которое возникло у меня в конце доклада микросихоаналитика, начало потихоньку рассеиваться при виде громадных обнаженных тел кисти Кранаха, рисунков Дюрера и изумительной Флоры в тициановской рубашке. Мой гороскоп был прав: нужно было полностью отключиться от всего. Теперь наступило время идти в лучший ресторан Венеции.

— Бьянка, вы свободны? Мы идем ужинать в «Киприани». Нужно сесть на мотоскафо у площади Сан-Марко. Я уверен, что вы сумеете договориться, и у них найдется столик на двоих.

Она немного поколебалась, но потом пошла звонить.

— Всегда найдется местечко для великого ученого, забывшего по рассеянности его заказать, — сказала она.

Огромные двери ресторана «Киприани» на Джудекке выходили на юг и были распахнуты настежь, так что мы наслаждались видом солнца, садящегося в лагуну. Всегда лучше следовать советам метрдотеля. Их звездным блюдом, было, оказывается, карпаччо под соусом «киприани». Название это, несомненно, восходило к художнику Карпаччо из-за особого цвета мяса, нарезанного тончайшими ломтиками. Затем, продолжал метрдотель, почему бы не попробовать запеченные баклажаны под козьим сыром. *Va bene*. И оросить все это, по совету сомелье, вином «Брунелло де монталано». Последние лучи заходящего солнца, отражающиеся в водах лагуны, пламя свечей, и, в особенности, вино, сделали свое дело: мы понемногу успокоились, и Бьянка опять стала улыбаться.

— А что вы сейчас делаете в Турине? Я не успел спросить вас об этом на Капри, — поинтересовался я.

Бьянка надула губки и стала объяснять мне ситуацию: вернувшись из Лиона, она вынуждена была забросить микросихоанализ, так как почти

все ее время было теперь занято анализом данных, мною предоставленных, который она не успела завершить в Лионе. И она устроилась на полставки в лабораторию сна.

— А теперь, после вашего утреннего доклада, я буду пытаться записывать душу, — сказала она мне, грустно улыбаясь.

Я почувствовал себя виноватым. Ведь это я увлек ее «объективным» изучением сна.

— Знаете, Бьянка, после приезда в Монтегротто я изменился. То есть за последние три-четыре дня. Может, это действие фанго, но я чувствую себя гораздо лучше. У меня такое чувство, что я наконец нашел истину.

Я украдкой заплатил по счету, который был явно завышен. Мотоскафо скользил к вокзалу Санта-Лючия по каналу цвета инкрустированной перламутром слоновой кости. Бьянка до среды уезжала в Рим. Значит, у нас будет возможность еще раз увидеться. У меня был номер ее мобильного телефона (который я вначале принял за номер Муранеллы).

— Бьянка, — обратился я к ней, прощаясь, — я сохраню самые ужасные воспоминания о нынешнем утре, но самые чудесные — о нынешнем вечере. Арриведерчи.

Я не решился поцеловать ее на прощание. Но мне показалось, что в глазах у нее стояли слезы.

## Глава 7. Консультации в Падуе

### Суббота, 11 сентября 1999 года

Девять часов: никаких фанги по субботам и воскресеньям. Так что к двум часам ночи мне удалось дочитать «Желтого пса» Сименона. Настроение улучшилось, дурные мысли о конгрессе в Венеции рассеялись. Противно было вспоминать эти торжествующие улыбки и сочувственные взгляды, которыми провожали меня вчера психологи римской школы, включая самого президента, примерявшего шляпу психоаналитика... У меня также оставалось ощущение, что Бьянку я предал. Ведь это я заставил ее забросить микропсихоанализ ради того, чтобы в Турине погрузиться в нейробиологические исследования сна. А ведь она нуждалась в моей поддержке, недаром же вчера вечером в ресторане «Киприани» настойчиво намекала на то, что все время сталкивалась и продолжает сталкиваться с одними и теми же трудностями. На нее нападают с двух сторон: микропсихоаналитики смотрят на нее как на ренегатку, а неврологи считают, что она как микропсихоаналитик вторглась на чужую территорию. Полиграфические регистрации сна пока оставались заповедной зоной для неврологов. Однако уже через несколько месяцев после описываемых событий к ним присоединятся пульмонологи, специалисты по легочным заболеваниям, в связи с проблемой апноэ во сне...

Мой сон в последнее время стал слишком тревожным. Но в эту ночь я спал без снов, за исключением одного очень короткого сновидения, в котором мне привиделась «Марлен» в пижаме, выходящая из моей комнаты через окно!

Может, подобные микросновидения предвещают какую-то опасность? Пожалуй, пришла пора поближе познакомиться с этой «Марлен»!

Но что на самом деле было важным в это утро, так это то, что мое ощущение «морской болезни на суше» вернулось, предшествуя состоянию дежа вю. Придется мне все же ехать в Падую к доктору Перуккио, консультанту отеля, поскольку уж у него-то огромный опыт касательно всех побочных последствий применения грязевых ванн.

Вернувшись в номер после легкого завтрака, я решил вначале разобраться со своей статьей. Я задерживаю ее редактирование или я ее совсем снимаю? Если я ее всего лишь задерживаю, то рано или поздно мне придется написать, что я отрицаю все то, что говорил до сих пор. В этой

статье я должен буду оправдывать веру в существование вещей снов, отвергать гипотезу об изоморфизме — соответствии между электрической активностью мозга и состояниями сознания. Наконец, я должен буду прийти к идее, что, кроме мозга и сознания, должна быть еще и душа. Такая гипотеза порадовала бы дух одного знаменитого нейрофизиолога, которого я хорошо знал на протяжении доброй дюжины лет, сэра Джона Эклса.

Перечитывая резюме, написанное во вторник, всего четыре дня назад, я подумал о том, что мне придется полностью изъять три последних главы и, главное, гипотезу генетического программирования во время парадоксального сна. Я должен остаться на уровне феноменологии. Только описание. Никакого обсуждения, никаких механизмов, поскольку нет изоморфизма — взаимно однозначного соответствия между электрической активностью мозга и состояниями сознания, и, соответственно, никаких «почему»! *Hypothesis non jingo*<sup>[65]</sup>. Как Ньютон!

Я, однако, предвижу реакцию редакторов журнала «Philosophical Transactions». Одни будут в восторге, зато другие завалят меня критическими письмами, тонко намекая на то, что *такого* они от меня никак не ожидали. И это будет длиться бесконечно. Кроме того, исчезновение Муранеллы отбило у меня всякую охоту вновь погрузиться в мой манускрипт. Отложим-ка лучше все это до греческих календ... Я понимаю, что нельзя просто так отказаться от такой высокой чести — написать статью в «Philosophical Transactions». Так что чем короче, тем лучше.

Дорогая мисс...

С тех пор, как я нахожусь здесь, мое здоровье значительно ухудшилось. Мне придется лечь в неврологическую клинику, быть может, даже оперироваться. Поэтому я не смогу написать обзор для «Philosophical Transactions» до конца ноября. Как только я смогу приступить к работе, я отправлю вам факс. Приношу свои глубочайшие извинения.

Искренне Ваш

Итак, жребий брошен. Мой английский просто ужасен! Секретарша решит, что я окончательно спятил в этом Монтегротто и меня кладут в психиатрическую лечебницу. Однако как только я отдал этот факс на отправку, сразу ощутил огромное облегчение. Нет больше домашнего задания! Вечером это нужно обмыть! Покидая гостиничный холл, я бросил

взгляд на сегодняшний гороскоп.

«Скорпион. *Личная жизнь*: противоречивость вашего поведения стала очевидной для вашего партнера. (Это про кого — Бьянку? Разумеется, она считает меня крайне непоследовательным.) *Работа*: вы начинаете воспринимать свою работу под новым углом зрения. Вот что преподносит вам Юпитер в Тельце. (Вот уж поистине невероятное предсказание! Надо бы мне принести жертву Юпитеру.) *Настроение*: немедленно расслабьтесь, иначе ваши психические переживания неизбежно отразятся в соматических нарушениях — кожных повреждениях, желудочных болях. Все средства хороши для снятия возбуждения».

Боже ж ты мой, эта астрология предсказала даже красную шишку у меня над ухом! Я погрузился в размышления о проницательности моего гороскопа. Вот уже в третий раз он в точности предсказывает все мои проблемы — и психические, и соматические. Совершенно невозможно объяснить это простым совпадением. Почему я так долго игнорировал астрологию? И столько лет потратил на дурацкие регистрации электрической активности мозга у крыс и мышей!

Я позвонил доктору Перуккио в Падую. Да, он у себя. Нет, я ему не помешал. Да, он сможет меня принять в половине третьего. Arrivederci. Grazie. У меня есть три часа, чтобы поплавать в бассейне. Туман еще не рассеялся. Солнце уже посылало свои лучи в Венецию, но с Венецией покончено!

Доктор Перуккио обитал в Падуе в старом обветшалом доме на Римской улице, недалеко от Дворца Бо, где находится университет.

— Ну что, дорогой коллега? — спросил он меня, когда я явился. — Что у вас там за неприятности с этим лечением? У вас тошнота, одышка, боли в области сердца, чувство тревоги во время фанги или отек лодыжки? Насколько я помню, давление у вас нормальное.

— 130 на 90, — ответил я.

Я быстренько объяснил суть проблемы: ощущение дежа вю, периодически возникающее чувство какой-то приятной рассеянности, и, наконец, стыдно сказать, «шишечки» на виске и затылке. Я не вижу другой причины, кроме фанго, для объяснения этих курьезных симптомов.

— Дорогой коллега, эти ванны — фанги — могут быть причиной лишь того, что происходит *во время процедуры*, ну, может, еще часок-другой спустя, — ответил он мне уверенным тоном. — Иногда они могут вызывать сосудистые нарушения, инфаркты, инсульты. Это бывает очень редко. Примерно раз в двадцать лет. Во время приема ванн часто возникает чувство тревоги, и еще чаще — отек лодыжки. Но ваши симптомы, которые

появляются только к вечеру, не имеют никакой связи с грязевыми ваннами. Ваши проблемы связаны, скорее, с вашим нынешним одиночеством, бездельем, скукой. Беда в вас, а не в фанго. Я могу лишь порекомендовать вам в дальнейшем ограничить время грязевой процедуры десятью минутами.

Разумеется, он был прав, но для меня оставалось необъяснимым, как такое типично «невротическое» расстройство могло быть спровоцировано грязевой ванной.

— Чтобы вас успокоить, я еще раз измерю ваше давление. Опять 130 на 90. С вами все в порядке, — сказал он, похлопав меня по спине. — Покажите-ка мне ваши шишечки. Нет, это не то. Они находятся там, куда лечебная грязь не попадает. Смажьте их йодом. Что касается всего остального, то примите вечером какое-нибудь успокоительное. Лучшее из них — это алкоголь, только немного. У вас не было никакого приключения в Венеции? Вы ведь уже немолоды...

Я с восхищением осматривал огромную библиотеку, которая занимала три стены его кабинета. Там была, наверное, добрая тысяча книг. Уж в этом-то я разбираюсь.

— У вас сотни замечательных книг. А может, и вся тысяча, — предположил я.

— Точнее говоря, здесь 965. У вас хороший глазомер. И еще в другой комнате. Всего около 3000 книг по грязи и водолечению. Ну, раз вы такой любитель старых книг, я покажу вам вот это.

И он снял старую книгу форматом в четверть листа в коричневом пергаментном переплете.

— Это один из ваших соотечественников, Шарль Патэн. «Трактат о горючих торфах», 1663 год, раритет. Патэн был приговорен к пожизненным работам на галерах в 1668 году за то, что приобрел запрещенные книги для библиотеки своего отца. Естественно, он бежал из страны. Факультет в Падуе присвоил ему звание профессора хирургии. В ту эпоху он еще заботился о привлечении оригинальных умов! Не то что ныне, увы... Если у вас есть время, я могу вам показать мои грязи.

Перуккио с гордостью продемонстрировал свою коллекцию, находившуюся на верхних этажах его дома. Ему пришлось перепланировать аж четыре комнаты, чтобы разместить свои лечебные грязи. Каждая из них находилась в сосуде, на котором было указано место и год сбора. Абано 1967, Экс-Ле-Бен 1970, Хаконе (Япония), Ноборибецу (Хоккайдо), Роторуа (Новая Зеландия), Йеллоустон, Исландия и т. д.

— Меня интересуют растительные грязи и минеральные воды,

которые выходят на поверхность при температуре от восьмидесяти до ста градусов, так как подогреваются поверхностной или глубинной вулканической активностью.

— А можете ли вы дать, хотя бы для Монтегротто, более или менее удовлетворительное объяснение благотворному воздействию на боли при артрозе?

— Думаю, что да.

— Это из-за воды?

— Ну, это нечто, что находится в воде, но развивается в грязи.

— Радиоактивность?

— Вы шутите! Минеральные воды обладают очень слабой радиоактивностью. Тут просто не о чем говорить.

— Тепло?

— Нет, чистая вода с температурой сорок градусов никакого влияния на боли не оказывает.

— Химический состав минеральных вод? Раз они стекают с Доломитовых Альп, то, значит, воды и грязи богаты кальцием, который обменивается на азот при соприкосновении с кожей.

— Тоже нет! Эта гипотеза все еще в моде, но проведены опыты с искусственной минерализованной водой, подогретой до сорока градусов. Результаты отрицательные.

— Значит, ни тепло, ни радиоактивность, ни химический состав. Но больше ничего не остается... Неужели в этих ваших водах и грязях есть еще что-то живое? При восьмидесяти?

— Да, даже при девяноста. Мы выделили архебактерию. Ту самую, которая обитает в экстремальных условиях, вокруг действующих глубоководных вулканов — «черных курильщиков» и в гейзерах Йеллоустона.

— Чем же питаются эта ваша архебактерия?

— Еще неизвестно. Может, серой, хотя ее там маловато.

— Но ведь в морской среде архебактерий сосуществуют с гигантскими червями!

— И здесь тоже. Пойдемте, глянем.

Перуккио увлек меня в последний зал. Здесь находилось нечто в стеклянных цилиндрах.

— Взгляните-ка на этот сосуд — узнаете?

— Это дождевой червь.

— Вы, конечно, знаете, какую роль играют дождевые черви в образовании грязи, по крайней мере, некоторых грязей?

— Да, я читал книгу Дарвина.

— Изредка удается найти в сорокоградусной грязи, которая окружает более горячую, с температурой восемьдесят градусов грязь, громадных белых червей, таких, как этот.

И он мне показал действительно огромного белого червя длиной тридцать сантиметров и диаметром два сантиметра.

— Это что, новые виды?

— Да, архебактерия *Archaeobacteriae desulfurococcus eugenee* и червь *Lombricus gigantus eugenee* — главные открытия. Мои открытия!

— А где вы все это опубликовали?

— Мое письмо в *Academia dei Lincei*<sup>[66]</sup> было отвергнуто. Мои коллеги слишком завистливы. Я, видите ли, не определил последовательности генома моей архебактерии.

— А как же червь?

— Я еще должен, оказывается, доказать, что он может выжить в грязи с температурой 40 градусов. Но я все равно опубликовал свои результаты в местном научном журнале в Падуе.

— Так вы считаете, что от этих архебактерий зависит лечебный эффект грязей?

— Именно. Ведь помимо архебактерий и большого червя в растительной грязи находится бесконечное множество живых организмов. Это микроскопические животные или растения, живущие в травяной грязи, образуют разные вещества (так называемые «факторы»), которые проникают через кожу. Особенно при 35–40 градусах, температуре грязевых ванн, фанги, когда подкожные сосуды расширены.

— Какие факторы?

— Не знаю. Я ведь работаю в одиночку, и я не биохимик. А заинтересовать этим университетских коллег совершенно невозможно. Им это кажется чем-то несерьезным. Вы ведь знаете, что я больше в университете не работаю...

Я вызвал Перуккио на откровенность. Какие же такие факторы, содержащиеся в лечебной грязи, могли повлиять на мой мозг? Еще какой-нибудь из этих эндорфинов, которые вызывают у меня ощущение дежа вю? А почему бы и нет? Это, пожалуй, наиболее вероятная гипотеза. Но почему только в этот раз, а не во время предыдущих лечений?

И почему только я один этим страдаю среди множества всех этих курортников? Я оставался в раздумьях.

Мы спустились. Я не осмеливался спросить Перуккио о его гонораре.

Внезапно у меня возникла мысль предложить ему камчатские грязи.

Ведь их у него не было. Конечно, можно было бы попросить этого чертового Сергея — в качестве частичного возмещения за скорее всего украденные им диск компьютера и, возможно, вещество GB169. А если Сергей не сможет, то мой московский друг М., который часто бывает на Камчатке, с удовольствием окажет мне эту услугу.

— А знаете, дорогой коллега, — сказал Перуккио, провожая меня до двери, — эта ваша рассеянность, психический автоматизм... ведь все это может быть связано с нарушением сновидений. Хотя вы и великий специалист по снам, но ведь известно, что врач сам себя не лечит. Вам стоит сходить на консультацию к доктору Глории Земински. Она сексоонейролог, или онейросексолог, уж не знаю. Я слышал ее доклад на одной конференции два-три месяца назад. Она производит впечатление серьезного исследователя. Сходите-ка к ней на консультацию.

— Почему бы и нет?

— Она живет недалеко отсюда, на виа Санта-Лючия. Я ей сейчас позвоню и узнаю, сможет ли она вас сегодня принять. Ваше имя ей наверняка известно.

«Онейрологи всех стран, соединяйтесь!» — посмеялся я про себя.

Он скоро вернулся.

— Вам везет. Она сможет вас принять через два часа. Можете пройти пешком. По дороге выпейте капучино в кафе Педрокки.

Мне было любопытно встретиться с онейросексологом. После микропсихоанализа, с теорией которого я уже успел ознакомиться на лекции бородатого гиганта, эта была новая ветвь в изучении сновидений, развивающаяся в Италии. Кабинет доктора Земинской находился в роскошном особняке, на двери которого была прикреплена маленькая золоченая табличка с ее именем. Мне открыла молодая женщина в очень короткой юбке, сильно накрашенная и сексуальная.

— Il dottore vi riceverà subito<sup>[67]</sup>.

Как должна выглядеть эта dottore Земински? Мне представлялась строгая пятидесятилетняя дама, увешанная драгоценностями, как некоторые мои знакомые «психоаналитички». Прихожая была отделана шикарно и со знанием дела: фаллос нескромно украшал сюрреалистическую картину. Стояло несколько псевдонаучных изданий по сновидениям и по сексу.

— Buona sera, Professore. Il grande professore del sogno dei gatti!<sup>[68]</sup> —

сказала она, входя.

Это была симпатичная брюнетка лет сорока, хорошо сложенная, в фиолетовом платье с вырезом, обнажавшим пышную грудь. Ее губы были ярко накрашены, а черные глаза подведены карандашом.

Мы прошли в кабинет. Вместо обычной кушетки здесь в самом центре комнаты стояла настоящая кровать. На стенах было множество телевизионных экранов. Зачем? Чтобы показывать импотентам порновидео?

— Ну, рассказывайте вашу историю, — сказала она, надев очки и усевшись за письменный стол.

Я попытался как можно проще объяснить ей свои проблемы, мой «невроз», спровоцированный, несомненно, грязевыми ваннами. Слушая мой рассказ, она явно скучала. Какой же из нее врач! Пора было переходить к главному — сновидениям и сексу.

— Видите ли вы сны и помните ли их содержание?

— Конечно. Более того, я их записываю, чтобы не забыть.

— Когда просыпаетесь после сновидения, бывает ли у вас эрекция?

— Да, почти всегда.

— Ясно. Не могли бы вы привести мне один-два недавних сна, в которых фигурируют четыре стихии?

— Это что, вода, огонь, земля и воздух? — спросил я.

— Разумеется, — ответила она, пожав плечами.

Я рассказал ей свой сон о путешествии в Венецию, в котором фигурировала синяя вода — очевидный дневной остаток!

— А почему вы уверены, что это Венеция, а не, скажем, вода в бассейне?

— А что, это важно?

— Принципиально важно. Если приснилась морская вода, то это банально. А если приснилась термальная вода, то эта мягкая серная вода толкуется как единение воды и огня.

— Должно быть, это все же был бассейн.

— Я уверена, что это был бассейн, — подтвердила она. — А еще какой-нибудь сон про воду вам снился?

— Нет. Не помню.

После долгого молчания я ей рассказал про сон с мрачной черной водой и скелетами.

— Ну, все ясно, это сон о смерти, — сказала она. — Вам снится смешение воды и огня. Это сексуализация женского начала. Вода с огнем, явный признак мужского начала. Это прочный союз — теплая влага

зачатия. Зачатия, имеющего двойной смысл, — это не только вы, но еще и ваша работа.

— А как же смерть? — спросил я.

— Это смерть вашего творения. Вы должны усомниться в своих идеях. Эта смерть означает провал, разумеется, подсознательный. Это и объясняет ваш невроз. Вы ведь мне сказали, что у вас трудности с написанием статьи, не так ли?

— До такой степени, что я не смог ее дописать.

— Ну вот, видите! Это же типичный случай вытеснения. Сначала снится вода и огонь, а через два-три дня смерть.

Наступило долгое молчание.

— Но я могу вас вылечить, Professore, — сказала она, улыбнувшись.

И она пригласила меня в соседнюю комнату, которая оказалась роскошно оборудованной ванной-джакузи.

— Раздевайтесь и полежите минут пять в ванной, чтобы расслабиться. Затем наденьте юката, этот легкий японский халат, и возвращайтесь в мой кабинет.

Черт возьми, эта ванна была нагрета лишь до тридцати четырех градусов. Нейтральная температура! Где тут кран? Как вызвать служанку?

Когда я вернулся в кабинет, доктор Земински уложила меня на кровать. Она склонилась надо мной. Я был практически наг, так как полы юката распахнулись и сползли по бокам кровати...

— Вы должны снова рассказать мне ваш сон, но на этот раз нужно, чтобы одновременно возникла эрекция. Как это и было во время сновидения. Это такое очевидное условие, но ни один психоаналитик до этого не додумался. Какие они все-таки невежды! Я вам помогу, — сказала она, кокетливо улыбаясь и лаская меня между бедрами. Закройте глаза.

Я начал пересказывать мой первый сон. Она стала меня тихонько мастурбировать, отчего эрекция стала полной.

— А теперь второй сон.

Я запнулся и открыл глаза: она с азартом меня мастурбировала, ее груди вывалились из платья. Наши взгляды встретились, и я тут же кончил. С необычайной ловкостью она собрала мою сперму в стеклянную пробирку.

— Вы молоды не по возрасту, — сказала она мне. — Ну, посмотрим...

Она привела в порядок свое платье и взяла четыре стеклянных сосуда, содержащих какие-то жидкости черного, серого, красного и синего цветов. Затем стала набирать шприцем мою сперму и добавлять поочередно в каждую из этих жидкостей.

В черной, синей и серой жидкости моя сперма плавала, а в красной опустилась на дно.

— Вот вам и причина вашего невроза. Вы знаете, что, согласно моей сперматической теории, именно сперма ответственна за сновидения. В вашем первом сне сперма вызвала приятную онейрическую картину, этот брачный союз огня и воды. Во втором случае сперма вызвала очень неприятный сон о смерти. Из-за этого противоречия ваша сперма не всплыла в красной жидкости... Видите, все проблемы в вашей сперме! Как только вы мне рассказали свои сны, все стало на свои места. Вы излечены!

— Но в чем же различие между этими четырьмя жидкостями?

— Эти сосуды содержат четыре элемента Фабрициуса. Черная жидкость означает землю, серая — воду, синяя — воздух, а красная, самая летучая, означает огонь. Вы можете одеваться, Professore...

Разумеется, я чувствовал себя лучше...

Кем была эта женщина? Психологом или проституткой высшей пробы? Верит ли она сама в то, что говорит? Очевидно, в той же мере, что и большинство психоаналитиков. Зато лечение быстрое и приятное. Так что многие пациенты еще вернутся...

Со времен Артемидора Эфесского мир снов всегда был пристанищем всякого рода предсказателей, истинных и ложных. «А ты? — спросил я себя. — Ты сам-то разве не злоупотреблял легкостью своих коллег и широкого круга читателей? Разве ты сам — знаешь, как связаны сновидения и нейроны гиппокампа, как работает тета-ритм? Разве твоя „научная“ теория менее безумна, чем онейросексологическая?»

— Вы излечены, Professore, однако заходите еще. Я всегда рада оказать услугу коллеге-ученому. Хоть он и мучает мышек и кошек, — произнесла она, подняв палец.

Она посмотрела на часы. Ясно, что о нюансах онейросексологии мы уже не сможем поговорить...

— Можете расплатиться французскими франками, с вас 1800, — сказала она... [\[69\]](#)

Когда я явился в ресторан отеля «Теодорих», чтобы поужинать, я увидел, что на всех столах горят свечи, отбрасывая мерцающие отблески на потухшие люстры. Это была всегдашняя вечеринка по случаю завтрашней экскурсии на Эвганейские холмы, которая устраивалась дважды в месяц по воскресеньям. «Марлен» казалась особенно соблазнительной в колье из светлого янтаря на черном платье. Слева от меня «мадам Крупп» блистала всеми своими бриллиантами. Настоящими или поддельными? Только я вошел, как ко мне устремился метрдотель.

— Professore, вы завтра едете на экскурсию?

Еду ли я? Но с кем? Людвиг Манн наверняка не захочет ехать.

Я повернулся к «Марлен».

— Вы едете на эту экскурсию?

— Я поеду, если поедете вы, — ответила она с улыбкой.

— Тогда запишите нас двоих, — сказал я метрдотелю.

По завершении ужина я пригласил «Марлен» в бар.

Мы выбрали местечко как можно дальше от пианино и на некотором расстоянии от танцевальной площадки, заполненной кругом артрозных танцоров, навевавших тоску.

— Возьмите грушевый ликер «Вильямин» или малиновый — они оба превосходны, — предложил я.

— «Вильямин», пожалуй.

«Марлен» хранила молчание. Что это означало — скромность, робость или стремление защитить себя? Скорее всего, скрытность.

— Вы не посещаете ни фанги, ни бассейна? — спросил я.

— Да нет, я не на лечении, но с удовольствием плаваю в бассейне после полудня, когда вы уезжаете в Венецию, — ответила она мне с улыбкой. — Я выбрала этот отель центром моей деятельности. До сих пор нам с вами не доводилось общаться. Разрешите мне представиться. Меня зовут Наташа Бурешова. Я родилась в Петровске<sup>[70]</sup>, под Санкт-Петербургом, но стала чешкой после замужества. Это давняя история. От метрдотеля я узнала, кто вы, профессор Жуве. Я журналистка. Внештатная, freelance, как здесь говорят. Пишу книги о туризме, иногда заметки для гидов и туристических журналов. Сейчас я готовлю большой материал про Венецию. Не только саму Венецию, но и про ее пригороды, которые никогда никем не посещаются. Ведь обычный турист не знает ничего, кроме Венеции, а я стараюсь раскрыть перед ним сокровища Падуи, Виченцы, Равенны, палладинских дворцов. На этот раз я должна собрать материал и высказать свое мнение обо всех этих гостиницах-санаториях с лечебными грязями и минеральными водами... Так вот, по-моему, этот отель — лучший из всех от Абано до Монтегротто.

— Но разве чехи здесь отдыхают?

— Чехи, в основном, ездят лечиться в Карловы Вары (бывший Карлсбад), но в дешевых отелях Венеции их полным-полно. Сейчас даже есть прямой поезд от Праги до Венеции.

— А русские? Вы же можете говорить и писать по-русски. Отчего же вы не сотрудничаете с их туристическими агентствами?

— В данный момент Венеция в России не продается. Русских больше

привлекают солнце и казино. Они обычно отдыхают на итальянской и французской Ривьере.

— Ну что ж, это приятное занятие. Вы надолго здесь задержитесь?

— Нет, в конце следующей недели возвращаюсь в Прагу. Я очень рада, что благодаря вам смогу посетить Эвганейские холмы... А ваш друг, австрийский профессор, поедет с нами?

— Профессор Манн? Думаю, нет. Он терпеть не может массовые мероприятия. Терпеть не может компании австрийцев или немцев своего возраста.

Наступило долгое молчание. «Марлен»-Наташа смущала меня. Я никак не мог осмелиться рассказать ей о том, что видел во сне, как она устремляется ко мне с обнаженной грудью... В глубине зала несколько пар танцевали под звуки пианино. На этот раз сама Наташа нарушила молчание.

— Мне сказали, что вы специалист по сну.

— Да. Я приехал сюда, чтобы написать важную статью о механизмах сновидений, но, не знаю почему, я уже три дня не могу работать. Меня это больше не интересует.

— Вам перестали сниться сны?

— Да. Во всяком случае, меньше. Сны ведь бывают разные. Бывают сны-загадки, это всегда интересно. Меня сейчас интересуют венецианские музеи, и мне хотелось бы вернуться в Равенну. Я увлекся музыкой и живописью. Я захватил с собой кое-какие научные книги, чтобы их здесь читать или перечитывать, но обнаружил, что не в силах этого делать. Все эти заумные теории представляются мне теперь чудовищно наукообразными, каким-то фарсом... Я не могу больше читать своих собственных сочинений! Думаю, все это надо выбросить и сжечь... Хотелось бы завершить свой отпуск в каком-нибудь шикарном отеле в Венеции. Таким, как «Киприани» на Джудекке, где я вчера вечером ужинал. Я бы сидел там под солнцем и смотрел на вапоретти, корабли и лодки...

— Но ведь «Киприани» — один из самых дорогих отелей Венеции. Там места нужно бронировать за несколько месяцев!

— Догадываюсь! Да и одеваться в этих роскошных венецианских отелях нужно совсем по-другому. Мы с моим другом Людвигом Манном как интеллигенты привыкли ходить в чем попало. Ни галстуков, ни пиджаков, ни вельветовых брюк. Скоро вообще будем ходить в джинсах и кроссовках! А мне и вправду хочется прикупить несколько красивых итальянских костюмов. Только где — в Венеции или Абано? Что вы мне посоветуете?

— Конечно, в Абано, ведь там множество первоклассных магазинчиков, торгующих одеждой, обувью и бижутерией, собрано на одной улице, тогда как в Венеции все ноги оттопчешь.

— Точно, на следующей неделе еду в Абано. Мне хочется ходить по магазинам, прицениваться, щупать ткани. Хочется купить шикарный костюм, рубашки, туфли, может, кашемировый макинтош и обязательно трость. Как вы думаете, там в Абано есть магазин, торгующий тростями?

— Ну конечно! Ведь здесь процент богатых людей, пользующихся тростью, один из самых высоких в мире! А какую трость вы хотите купить?

— Трость с секретом. Очень толстую, с флаконом внутри. Тогда на научных конференциях, если станет невыносимо скучно, я смогу потихоньку выпивать... Наконец, я хочу купить красивые золотые часы «ролекс», как у моей соседки слева. У меня бывали разные красивые часы, но мои дети их все растащили.

Наташа улыбнулась и посмотрела на свои часы.

— Пожалуй, поздновато. Я поднимусь в номер. Спасибо за «Вильямин».

— Подождите минутку. Еще не так поздно. Когда в час ночи я выхожу на балкон, в вашем номере всегда горит свет.

— Да, поздно работаю, когда в гостинице тихо.

Следовало бы порасспрашивать Наташу о России, ведь она всегда заставляла меня говорить первым.

— Вы часто бываете в России? Вы возвращались в Санкт-Петербург? Это такой красивый город.

— А вы знаете Санкт-Петербург? — удивилась она.

— Я был в Ленинграде в 1974 году и два раза в Санкт-Петербурге. В последний раз два года назад, на конгрессе. Я даже ездил в Петровск. А вы?

— Я покинула Ленинград в начале восьмидесятых и никогда больше не возвращалась в Россию. Моя жизнь протекает между Прагой, Парижем, Лондоном и Италией, где я погружаюсь в языки.

Наташа еще раз взглянула на наручные часы.

— Мне пора подниматься в номер. Было очень интересно поговорить с таким раскаявшимся ученым, если позволите себя так называть. Встречаемся завтра в три часа дня в экскурсионном автобусе.

Мы поднялись вместе. Лестница была такая узкая, что порой прижимала меня к ней, и она, избегая меня, вжималась в угол на поворотах. Какая-то тайна разделяла нас. Однако на следующий день гороскоп

советовал мне остерегаться старого друга. Ну уж это точно была не Наташа...

## Глава 8. Марш Радецкого

### Воскресенье, 12 сентября 1999 года

Еще одна ночь без фанго! Мой сон был достаточно глубоким, хотя между тремя и девятью часами я ощущал некоторое возбуждение. Кажется, что-то снилось, но ничего не запомнилось.

Спустившись к стойке регистрации, я просмотрел свой гороскоп на сегодня.

*«Личная жизнь:* чтобы идти вперед, нужно убрать препятствия. (Ну конечно, ведь это именно то, что я дела вчера с „Марлен“-Наташей!) *Работа:* в сомнительных вариантах лучше воздержаться! В любом случае, будет желание мира и покоя. (Вот поэтому-то я и еду на экскурсию по холмам.) *Здоровье:* вы ощущаете нервозность, у вас дурное самочувствие. Максимум внимания состоянию вашего организма».

Господи, как же все это верно!

Когда я вернулся в номер, меня вдруг напугали беспорядочно разбросанные оттиски статей на моем столе. Надо бы поскорее избавиться от этого литературного хлама, все равно никакого интереса он не представляет; попрошу-ка я все это выбросить. А эти четыре толстые книги по сознанию я верну в библиотеку при гостинице. Это труды Дэниела Деннетта, Джералда Эдельмана, Антонио Дамасио и Фрэнсиса Крика<sup>[71]</sup>. Кому это интересно?

Вот теперь мой стол пуст, и ничто не служит немым укором за то, что я бросил свою статью. Скоро я получу факс из «Philosophical Transactions». А вернувшись во Францию, напишу длинное письмо профессору К. и объясню ему, что произошло. Но что ему написать? Напишу, что я больше не верю в нейробиологический подход ни к бодрствующему, ни к онейрическому сознанию. А он мне ответит, что это будет прекрасной темой для дискуссии в журнале, так что он оставляет за собой право заказать другую статью, с противоположной точкой зрения. И он, конечно же, выберет одного моего коллегу из Гарварда, который разобьет все мои аргументы, пункт за пунктом. Как объяснить профессору К., что все это меня вообще больше не интересует? На худой конец, напишу-ка я статью о взаимосвязи между искусством и сновидениями, особенно живописью. Живопись снов, послания Бога или дьявола.

В прошлый раз, год назад, когда я вновь посетил капеллу Скровеньи в

Падуе, мое внимание привлекла пространственная организация тех картин, на которых художник или гравер изображал Господа или ангелов, а иногда дьявола, и одновременно спящего, получающего послание в виде святого сна. Картина Джотто, датированная 1304 годом, представляющая сон Иоахима, является хорошим примером этого феномена: Иоахим в фиолетовой мантии спит, уронив голову на колени. Он занимает нижнюю правую часть полотна. Ангел с фиолетовыми крыльями устремляется к нему с верхней левой части полотна. В том же году, посещая музеи или листая альбомы с репродукциями, я обнаружил такое расположение в шестнадцати из двадцати примеров, которые смог собрать. В картине Джордано «Сон Соломона», которая находится в музее Прадо, луч света, исходящий из глаз Иеговы (расположенного в верхнем левом углу полотна), разделяет картину надвое почти по диагонали, нисходя к лицу Соломона, находящегося в нижнем правом углу. То же самое на «Видении отца Будды», китайской гравюре на разноцветном дереве, датированной 1793 годом, которую я видел в Фолкеркюнде Музеум в Гейдельберге. На ней царь Судходана, спящий в своем дворце, занимает правую нижнюю часть, тогда как семь его снов (индийский царь, белый слон и т. д.) располагаются сверху вниз и полностью заполняют верхнюю левую часть. На знаменитой картине Фузели «Кошмар» (1871), находящейся в музее Детройта, голова спящей находится в нижнем правом углу, тогда как ее удивительное тело располагается справа налево. Сияющая конская голова с огненными глазами исходит из черных занавесей, окружающих кровать. Она располагается как раз в середине верхнего левого угла.

Две другие картины (из четырех мне известных) также очень знамениты, но представляют исключение из этого правила. Первая выставлена в музее Академии Венеции. Это «Сон святой Урсулы» Карпаччо (1495), где голова спящей расположена в нижнем левом углу, а ангел возникает в нижнем правом. Наконец, в музее Орсе можно увидеть «Сновидение» Пюви де Шаванна. Путешественник спит в нижнем правом углу, а три ангела (или гения) летят к нему в верхнем правом углу. Означает ли это, что Карпаччо и Пюви де Шаванн были левшами? Вот было бы хорошее название для статьи, которую я представлю профессору К.! Я предложил бы гипотезу, согласно которой на уровне различных зрительных зон коры существуют нейроны «бога и дьявола», предназначенные для распознавания и расшифровки посланий, содержащихся в снах. Разумеется, профессор К., большой специалист по зрению, воспринял бы мой текст как розыгрыш. Он бы потребовал, чтобы моя теория опиралась на добрую сотню картин! А для этого нужно, по меньшей мере, несколько месяцев

работы. Должен ли я, в самом деле, рассказывать о том, что со мною происходило в течение двух-трех дней и ночей, когда я внезапно взглянул на верхнюю левую область своего зрительного поля, дабы узреть там некоего ангела или демона? Это бесполезно. Боюсь, что такое признание лишь заставило бы усомниться в моем психическом здоровье. Лучше все же написать письмо с извинениями профессору К. и свалить все на органические нарушения. Как можно писать, если сильно страдаешь?

Утро прошло, и приближение экскурсии на Эвганейские холмы вызывало нарастающее оживление отдыхающих и персонала. За завтраком метрдотель украдкой разъяснил мне, что было принято решение подготовить столы в соответствии с национальностью участников. Каждая группа должна была быть собрана у стола со своим государственным флажком. К сожалению, я оказался единственным французом, и было сочтено неприличным оставлять меня за обеденным столиком в одиночестве. Тогда решили украсить каждый стол букетиком из флажков всех стран, чьи граждане здесь присутствуют.

К трем часам дня большинство отдыхающих дисциплинированно расселись в два автобуса «мерседес». До последнего момента я надеялся, что Людвиг Манн поедет с нами.

— Однако вы сильно изменились за прошедший год, друг мой, — воскликнул он, когда мы повстречались. — То у вас галлюцинация в виде целого клона юных дев нордической внешности в Венеции, а теперь вами, похоже, овладел стадный инстинкт любопытства! Неужели вы надеетесь понять и оценить Эвганейские холмы, проскочив их на автобусе в компании всех этих курортников? Нужно перемещаться по ним медленно, пешком или на велосипеде, наслаждаясь закатом солнца и слушая колокольные звоны церквей, доносящиеся из долин. Я уже давно не участвую в увеселительных поездках моих коллег и бывших вояк... Счастливого пути, однако! Завтра вы мне расскажете о своих приключениях с этой прелестной блондинкой, чешкой или русской... какая разница. Auf Wiedersehen!

Наташа (я не буду больше называть ее «Марлен») заняла мне место рядом с собой. К счастью, несмотря на бесчисленные повороты дороги, неприятное ощущение «качки на твердой земле», предшествующее приступам дежа вю, не возвращалось. Первые два часа поездки шум мотора заглушал разговоры. Программа предусматривала привал возле небольшой трагтории на вершине холма. Нам предложили *astì spumante* и местное шардонне к сосиске с перцем и прошутто. Эффект алкоголя ощущался потом в автобусе в виде чрезмерно громкого смеха и шуточек.

Чтобы еще больше согреть атмосферу, водитель поставил кассету с популярной австрийской музыкой: «Am Bierfest», «Tiroler Jodelmarsch» и т. п. Кое-кто из сопровождавшего нас персонала гостиницы подпевал. Один из австрийцев смог извлечь тирольские звуки йодль из своей глотки, и тем заслужил аплодисменты соседей. День клонился к вечеру, пора было спускаться с холмов по более узкой западной дороге. Следующая остановка позволила насладиться красным заходящим солнцем над районом Виченце. Наконец мы прибыли в ресторан для большой трапезы. Большинство столиков было уже сервировано. Их украшали букетики из австрийских, немецких, швейцарских, бельгийских, итальянских и французских флажков. Странно, что Наташа не обратила никакого внимания на отсутствие чешского или русского флажка! В большом камине потрескивали горящие поленья, так как в это время года на холмах было уже довольно холодно.

Вино лилось рекой — мы запивали *antipasti*<sup>[72]</sup> в ожидании знаменитой *porchetta* — молочного поросенка, зажаренного целиком на вертеле, местного блюда провинции Умбрия. Разговоры за столиками становились всё громче и громче, но когда внесли двух зажаренных поросят, на мгновение воцарилась мертвая тишина. Затем засверкали вспышки фотокамер, раздался восторженный свист, аплодисменты, здравицы в честь шеф-повара и его помощников.

Внезапно из громкоговорителей раздался «Марш Радецкого». Все участники пиршества, за исключением Наташи и меня, вторили ритму, хлопая в ладоши. Мой сосед, австриец в тирольской куртке, увешанной разными значками, сделал мне знак присоединиться.

Почему бы и нет! Я безо всякого стеснения принял участие, сопроводив завершение марша легким прихлопыванием в ладоши. Одна Наташа оставалась неподвижной. Затем я поднялся, чтобы подышать свежим ночным воздухом на веранде ресторана. Проходя через кухню, я обратил внимание на старика, нарезавшего на большой тарелке тонкие ломтики колбасы. Он спросил меня:

— È tedesco?

— No, io sono francese<sup>[73]</sup>.

Он рассмеялся.

— Что вы тут делаете со всеми этими австрийцами и немцами? Надеюсь, вы не хлопали под «Марш Радецкого»? Вы знаете, кто был Радецкий?

— Австрийский генерал, насколько я помню.

— Фельдмаршал. Сначала он сражался против Наполеона. Под Ваграмом или Лейпцигом, точно не помню. Но в 1849 году он завоевал Венецию. Он стал губернатором Венеции и расстрелял много итальянских патриотов. Эти проклятые *Tedeschi* и *Austriaci* должны быть скромнее, нечего тут торжествовать! Это все равно как если бы английские туристы во Франции взяли, да заиграли марш Веллингтона, если бы такой существовал.

— К счастью, у англичан не было такого гениального музыканта, как Штраус, — ответил я.

Старик на минутку задумался.

— Знаете, ведь история Австро-Венгерской империи и Венеции только-только закончилась. В 1917 году после ипритовой атаки австрийцы стояли всего в пятнадцати километрах от Венеции. Если хотите увидеть шрамы от этой войны, то поднимитесь на гору Граппа. Нужно успеть до восхода солнца. Вы поймете, о чем я говорю, когда побываете на вершине. — Он сплюнул. — Пусть играют что хотят, только не «Марш Радецкого»! Сходите, поднимитесь на гору Граппа ранним утром! — продолжил он. — Нужно добраться до вершины к шести утра. Завтра будет хорошая погода. И северный ветер. Это не так трудно, нужно лишь выехать из Монтегротто в четыре утра. Ночь, машин мало...

— Вы воевали? — спросила меня Наташа, когда я вернулся на место.

— Да, служил в альпийской дивизии и в Эльзасе.

— Ваш сосед слева — тоже, — сказала она.

Это был тот самый тиролоец, который пригласил меня похлопать в такт «Марша Радецкого». Он также хорошо говорил по-английски.

— You, alpine troops in 1944, where? — обратился он ко мне.

— In the Queyras, around Saint-Veran. It was a damned cold winter.

— Were you an officer?

— Of course not. I was too young. Just a corporal, and you?

— Feldwebel. In the same area. Only ski patrols. Yes, it was very, very cold winter. The French troops had not a very good equipment in the beginning<sup>[74]</sup>.

«Mein Gott, — подумал я. — Температура опускалась порой до минус сорока. Мы открывали бутылки с вином — пилой или топором. Сколько ног было отморожено, пока мы не получили нормального обмундирования! Вначале у нас не было даже белого камуфляжа! Четверо моих товарищей были убиты в засаде, и их нашли совсем одеревеневшими. Кто это сделал? Не этот ли проклятый тиролоец?»

— Prosit, — произнес он, протягивая бокал.

— Ваше здоровье, — откликнулся я, добавив про себя: и да

здравствует Европа.

Наташа чувствовала себя немного не в своей тарелке, так как фельдфебель обращался к ней на немецком, который она недостаточно хорошо понимала.

— Наташа, — сказал я, — вы мне говорили, что еще не бывали в местах к северу от Венеции. Хотите завтра совершить восхождение на Граппу? Я встретил на кухне одного старого итальянца, который мне посоветовал идти утром, как можно раньше. Мы можем отправиться из отеля в четыре утра. Я отменю мой сеанс фанго в три ночи и массаж в девять утра.

— А как туда добраться? — спросила она.

— На вашей машине. Вы поведете ночью час-другой, так как в темноте я плохо вижу. А на обратной дороге, если хотите, я могу сесть за руль.

Наташа не ответила. Она оставалась задумчивой и казалась чем-то раздосадованной.

— Ну, не знаю, буду ли я завтра свободна...

Потом отошла в сторонку, чтобы поговорить по мобильному телефону, и вернулась с улыбкой на лице.

— Я согласна, но нужно, чтобы вы немедленно прекратили пить. И вы, и я, — добавила она. — Мне нужно вернуться в гостиницу к часу дня.

Ужин продолжался. Теперь принесли десерт с избытком крема. Я воспользовался случаем и пропустил несколько бокалов шардонне. Наташа пожала плечами.

— После такого количества вина вы вовсе не уснете!

— Мы вернемся в отель лишь к полуночи. А вставать нам нужно уже в полчетвертого. Спать-то особенно некогда...

На обратном пути в автобусе царила полная тишина — все спали.

— Эти чертовы австрияки не должны были играть «Марш Радецкого», — сказал я Наташе. — Вы знаете, что Радецкий был губернатором Венеции в 1850 году?

— Нет. Я это, должно быть, проходила, но позабыла. А вы бывали в оккупированной Австрии в конце войны?

— Да, был в Вене. Я не стал этого говорить тирольцу.

— А вы говорили об этом с профессором Манном? Чем он занимается в Вене? Он очень интересный человек.

— Нет. Мы с ним никогда не говорим о войне. Зачем беречь старые раны? Профессор Манн блестящий геронтолог.

— У вас остались хорошие впечатления о Вене?

— Не особенно. Это было сразу после заключения перемирия. Жители Вены умирали от голода. Многие женщины подверглись насилию со стороны русских... то есть советских солдат. То были совсем иные времена. Люди много пили. Я ходил в нижних чинах, будучи курсантом сержантской школы альпийской пехоты. На восемь дней меня прикомандировали к главному штабу маршала Конева, по взаимному обмену с советскими войсками. Тогда еще не было «железного занавеса».

— Вы любите Россию?

— Да, у русских исследователей свои идеи, часто отличные от наших. Некоторые очень оригинальны. Многие побывали в моей лаборатории. Мне бы очень хотелось еще раз съездить в Санкт-Петербург... Это такой красивый город...

— Тогда я могла бы составить вам компанию, — улыбнулась она... и заснула.

Была уже половина первого, когда мы наконец прибыли в Монтегротто; кругом царил темная ночь, черная, как чернила.

## Глава 9. Гора Граппа

Понедельник, 13 сентября 1999 года

Мы выехали в четыре утра, когда луна в первой четверти светила серебристым светом. Быстро пересекли венецианскую равнину по пустынным шоссе; на указателях оранжевым светом вспыхивали названия множества городков и деревень. Обратная дорога, конечно, окажется более долгой.

Проехав Бассано дель Граппа, мы поднялись по Страда Кадорна. В отблесках фар мелькали крыши домишек, окруженных виноградниками, акациями и шиповником. Постепенно пейзаж становился все более диким. Весьма извилистая дорога пролегла через еловый лес. Потом появились каменные казематы, испещренные номерами пехотных и артиллерийских полков, вначале разбитых в ходе австрийского наступления зимой 1917 года, а потом участвовавших в победоносном наступлении итальянцев за несколько недель до заключения перемирия 4 ноября 1918 года. Внезапно густой ельник расступился, и перед нами открылся альпийский луг, затем дорога привела нас на бесплодную равнину, окруженную высокими скалами. Наконец мы въехали на площадку на высоте 1775 метров, обозначенную как конец дороги. Было ровно шесть часов. Перед нами вырисовывалось начало длинной черной лестницы, вершина которой терялась в темноте. Направленные на все четыре стороны 75-ти и 77-миллиметровые орудия защищали первые ступени. Из-за яростных порывов северного ветра было очень холодно. В полседьмого начал заниматься день, сначала медленно, только заметно было, как клочья тумана под нами стали быстро рассеиваться в ночи. Затем на востоке появился оранжевый луч. Он осветил остатки тумана и вершину лестницы. Вдруг, будто догадавшись, в чем красота этого спектакля, я повернулся против ветра, бившего в лицо, и не поверил своим глазам: из тьмы и мглы возникали высоченные горы. Одна за другой, розовые, желтые, оранжевые, белые; их плоские силуэты — черные зазубренные или белые, как сахарные головы, возвышались на фоне безоблачного темно-синего неба. Они казались такими близкими — всего в каких-нибудь нескольких часах ходьбы по извилистой горной тропе, направлявшейся к северу. Это был горный массив Brenta, отделявший нас от Доломитовых Альп с южной стороны. Мне сразу же вспомнились пережитые мною во время и после

войны незабываемые впечатления от восхода солнца высоко в горах: те же ощущения сжатия пространства, величия, чистоты и тишины. Мало-помалу стали появляться тени, формируя рельеф. Клочья облаков и тумана поднимались из расщелин между скалами и устремлялись вертикально вверх, чтобы раствориться в светлеющем синем небе.

Рельеф все больше вырисовывался, горы тихонько отодвигались, открывались темные долины, куда еще не успел проникнуть луч солнца. Застигнутые врасплох грандиозным зрелищем, мы с Наташей пребывали в молчании. Я повернулся к солнцу. Туман еще покрывал равнину, но под воздействием нисходящего с гор северного ветра постепенно рассеивался. Он стал вначале оранжевым, потом золотистым, после чего испарился. Стала видна величественная изломанная линия венецианского залива. Он начинался дальними огнями Триеста, переходящими в огни Венеции, продолжался в южном направлении факелами нефтеперегонного завода, дымы которого уносились к Адриатике. Равнина, расстилавшаяся под нами, еще была усеяна мириадами огоньков бесчисленных городков и деревень. Никогда не думал, что в районе Падуи и Венеции такая высокая плотность населения!

Постепенно местность начала покрываться промышленными дымами, контуры залива стали расплываться и наконец исчезли. В небе появились два тонких белых параллельных следа от самолета-разведчика, направлявшегося в Боснию с авиабазы НАТО в Виченце.

Мы не спеша поднялись по ступеням лестницы. Там было гигантское военное кладбище: 25 тысяч итальянских и австро-венгерских солдат пали здесь в 1917 году и в 1918-м — за несколько дней до заключения перемирия. На почерневших бронзовых табличках можно было разобрать имена погибших со всех концов империи. Лейтенант фон Мюллер, католик из Линца. Фельдфебель Радуловаки, православный из Любляны. Капитан Бела Ковач из Будапешта... Мусульмане из Сараева, галицийцы, триестинцы, тирольцы, словаки, поляки, хорваты... К югу ровными рядами простиралось столь же необъятное кладбище итальянских солдат. Да, тот старик-итальянец, которого я встретил вчера вечером, был прав. Теперь мне стало ясно, насколько уязвима была Венеция, находившаяся на расстоянии пушечного выстрела с окрестных гор.

Мы медленно прошли по кладбищу. Перед большим крестом Наташа перекрестилась по-православному. Никогда прежде не доводилось мне бывать на военном кладбище, находящемся в столь величественной местности.

— По крайней мере, каждое утро они могут любоваться одним из

самых прекрасных видов в мире, — сказал я Наташе.

— Кто — они? — спросила она.

Я не ответил.

К десяти часам солнце стало припекать, и пейзаж переменялся. Горы еще дальше отодвинулись и стали бурными, почти бесцветными.

Обратно Наташа опять решила вести машину сама. В лесу капли росы омыли стекла нашего «фиата». После Бассано дель Граппа машин на областных венецианских дорогах стало очень много, и мы двигались все медленнее и медленнее. Внезапно меня бросило вперед — Наташа резко затормозила. Я увидел неподалеку проблесковый маячок и мигающие огни полицейского патруля. Наташа подала назад и сумела выехать на маленькую боковую дорогу.

— О боже, Наташа, вы настоящая раллистка! Если бы полицейские нас заметили, они бы послали вдогонку патрульный мотоцикл!

— Солнце светило мне в спину, а им — в глаза, и они не могли нас видеть. Это военная полиция, она подчиняется этим убийцам из НАТО. Она охраняет воздушную базу в Виченце... А я забыла свой паспорт!

Наташа успокоилась, и мы добрались до Абано по узким второстепенным дорогам.

— Повезло нам с вами, — сказала она, — я ненавижу полицию, всякую полицию, а в особенности натовскую.

Когда мы проезжали через Абано, Наташа показала мне две главные улицы, где можно приобрести все «на зависть другим», — как она сказала, улыбнувшись.

Это была ее единственная улыбка в то утро.

Она высадила меня у гостиницы около часа дня и сразу же поехала дальше, так как у нее была важная встреча в Падуе.

Интересно, а с чего это Наташа так ненавидит «натовских убийц», — размышлял я, поднимаясь по ступеням отеля. — Да потому, несомненно, что она русская! А почему она не хотела, чтобы я пил вино вчера вечером? Я попытался привести в порядок свои мысли, лежа в кресле у бортика бассейна, но провалился в долгий сон без сновидений, который позволил мне восстановиться после этой бессонной ночи.

Вечером, выходя из ресторана, в котором Наташа так и не появилась, я встретил Людвига Манна. Он меня уже ждал и пригласил в наш любимый уголок бара.

— Пиво, ликер «Вильямин» или и то и другое? — спросил он. — Только что поступило свежее австрийское пиво.

— Это лучше всего!

— Итак, по пиву...

Я коротко описал нашу поездку по холмам и на гору Граппа, не упомянув о «Марше Радецкого». Людвиг тоже бывал на этой горе во время своего прошлого посещения.

— Там была невероятная резня! — сказал он, опустошая кружку. — Прозит! А как эти ваши странные ощущения дежа вю?

— Намного лучше, и, конечно, потому, что я с субботы больше не принимаю фанги. А также я чувствую себя гораздо лучше с тех пор, как отказался редактировать эту статью. Теперь я могу развлекаться чтением детективов, не испытывая угрызений совести...

— Кстати, — продолжил Людвиг, — если мне не изменяет память, вы заведете единственной лабораторией, которая занимается изучением взаимосвязи между парадоксальным сном и тем, что вы называете «программированием», не так ли?

— Несомненно. Есть еще другие лаборатории, изучающие связь между парадоксальным сном и памятью, но их результаты не особенно убедительны.

— А как насчет взаимоотношений между парадоксальным сном и сновидениями у человека?

— Если бы вы были на конгрессе в Венеции, вы бы узнали, что это стало там предметом бурных дискуссий. Ведь некоторые психологи считают, что сны снятся во всех фазах сна...

— Значит, старина Зигмунд Фрейд был не так уж не прав! — усмехнулся он.

— Знаете, все это меня уже больше не интересует. Я не верю больше в связь между субъективным и недостаточно четко определенным феноменом, таким, как сновидение, и изменениями электрической активности головного мозга. Это две разные вещи.

— Но позвольте, вас что, не интересует больше та теория, о которой вы мне недавно рассказывали? Это ведь было в прошлый понедельник, то есть всего неделю назад. Вам это не кажется несколько странным?

— Ничего нет странного в том, чтобы признавать свои ошибки. Так поступают все ученые. Теперь ясно, что отдых в Монтегротто или эти фанги — что-то открыло мне глаза.

— Выпейте еще пива, вас ведь мучает жажда. Вы заснули возле бассейна под палящим солнцем. Надо провести регидратацию.

Это было пиво знаменитой марки, очень свежее, и я выпил еще. И ощутил какую-то необычайную легкость, почти эйфорию...

— А в вашей лаборатории часто бывают иностранные стажеры? —

продолжил Людвиг.

— Конечно. Всех стран и наций.

— Но некоторые из них могут особенно заинтересоваться вашей теорией программирования, ведь она такая интересная, передовая, если даже вы сами и считаете ее недостаточно доказанной.

— Вряд ли. Во всяком случае, американцам и японцам она неинтересна — слишком сложная. Похоже, этим больше интересуются русские. Я представлял свою теорию на симпозиуме в Ленинграде в 1974 году, так она там вызвала скандал.

— Ну, *тогда*, понятное дело. Но ведь теперь-то...

— Некий москвич Сергей весьма заинтересовался и как следует разобрался в моей теории. И еще один молодой немецкий исследователь, Ганс Л., из Галле, что неподалеку от Лейпцига. Но это интерес чисто теоретический. Невозможно проверить мою теорию на человеке, пока у них нет некой молекулы.

— Молекулы! Какой такой молекулы?

— Таинственной молекулы, способной, согласно моей теории, депрограммировать мозг крысы.

— Вы что, открыли такую молекулу?

— Конечно нет, и даже если бы и открыл, они не смогли бы ее отыскать.

— Еще пива, дружок?

Что-то это пиво было слишком уж крепкое, у меня даже голова закружилась.

— Так как же эту молекулу отыскать в вашей лаборатории, если она не существует?

— Да все это не имеет никакого значения! Я вас умоляю...

— Но ведь это вещество могли украсть из лаборатории.

— Невозможно. Оно всегда при мне.

— Но его могли украсть у вас!

— Может быть. У меня дома была одна странная кража. Может быть...

— Вы видели Сергея после этой кражи?

— Да, на физиологическом конгрессе в Санкт-Петербурге, вместе с Гансом А. Этот Ганс — очень сильный ученый.

— Он тоже работает со сном?

— Да, он, похоже, разработал чрезвычайно миниатюрную систему регистрации электрической активности головного мозга у человека с помощью микрочипов. Но, в любом случае, результаты, полученные на крысе, не могут быть перенесены на человека!

— Итак, не существует способа депрограммировать человека?

— Разумеется, нет! Это интересная гипотеза, но она недоказуема. Она больше меня не интересует.

— А что же вы теперь собираетесь изучать, после того как вы сами взорвали вашу теорию?

— Я буду серьезно изучать правдивость гороскопов.

— Так-так-так... Вы, значит, верите в гороскопы? Вы думаете, есть связь между сновидением и предсказаниями?

— Нет, но я верю в существование предостерегающих снов. Это захватывающе интересный предмет для исследований.

— Но это же совершенно другая проблема!

— Кто знает...

Мне не хотелось больше болтать, и я отказался от второй кружки.

— А здесь, в Монтегротто, вы видите сны? — спросил Людвиг.

— Конечно. Но какие-то очень странные, сны-ребусы, но не вещи. А вы, дорогой коллега?

— А я вообще почти никогда не вижу снов, что очень обидно для австрийского психиатра!

Людвиг надолго замолчал.

Похоже, я и вправду перебрал пива.

Он пристально глядел на меня через очки.

— А вы уверены, что русские не раздобыли вашу молекулу? — вдруг спросил он.

— Конечно, абсолютно. Нет! Не знаю...

С этого момента я перестал понимать, что я говорю... Помню только, что много рассказывал о Муранелле...

## Глава 10. Абанские глупости

### Вторник, 14 сентября 1999 года

Это мой последний сеанс фанго, так как я решил уехать из отеля и провести несколько дней в «Киприани», на острове Джудекка. Я простился с Джулио и массажистом, наградив их хорошими чаевыми. «До встречи через год. Chi lo sa...<sup>[75]</sup> Grazie».

Суэта в Абано, куда я приехал на такси, резко контрастировала с умиротворяющей атмосферой Монтегротто. Я укрылся в самом шикарном кафе города, чтобы за чашечкой espresso составить план действий на сегодня. Сначала нужно было приобрести нужный «look»<sup>[76]</sup>, который бы шел к моему новому облику и позволил селиться в самых фешенебельных отелях всей Венеции, а не только в «Киприани». Мне хотелось избавиться от того неряшливого внешнего вида, который, уже, кажется, стал униформой так называемых «ученых моего поколения» и в еще большей степени моих более молодых коллег — настоящие лабораторные крысы: лохматые, без галстуков, в пуловерах или футболках, в джинсах и кроссовках... Перво-наперво нужно купить модный костюм и хорошие туфли. Потом очень коротко постричься под эти мужские модели в модных журналах, так восхищающие меня в последние дни. Еще очень хочется купить золотые часы и особую трость, которая будет помогать мне при ходьбе. С чего же начать мою программу? Парикмахер, портной, сапожник, ювелир или продавец тростей? Можно было подкинуть монетку, но желание стать обладателем трости пересилило, несомненно потому, что должно было избавить от болей при ходьбе, сохранившихся, несмотря на грязевые ванны. И я решил отправиться на поиски трости. Преодолев отвращение, я зашел в большой магазин предметов гигиены (какое кошмарное название!), стараясь не глядеть на все эти металлические палки для паралитиков, кресла на колесиках, шейные и спинно-поясничные корсеты и всевозможные протезы.

Что? Старинная трость, дубовая или из слоновой кости? Ну что вы, у нас таких не бывает — сказала продавщица. Может, у антиквара... Конечно, идите по улице Петрарки до Курзала.

Я прошел вниз по виале делле Терме, полный надежд. Меня заставила остановиться витрина шикарного ювелирного магазина. Целая россыпь золотых часов сверкала в лучах ламп. Меня привлекли разложенные внизу

с правой стороны «ролексы», одни из самых красивых стоили 50 миллионов лир. Чуть больше 180 тысяч франков!<sup>[77]</sup> Почему эти часы меня так привлекали? Было ли это влиянием рекламы — загорелый альпинист снимает шапку на вершине горы и показывает свой «ролекс», сверкающий на солнце, или эти же часы демонстрируют дирижер знаменитого оркестра, мореплаватель-одиночка или очаровательно улыбающаяся хорошенькая пианистка? Бог ты мой, скоро появится исследователь снов со своим золотым «ролексом» на вершине огромного мозга! Так или иначе, но я нашел часы, которые мне снились... или о которых я мечтал. Я их куплю сегодня же вечером, попозже. Нужно продлить удовольствие от ожидания, как это было в прошлый раз, когда я встретил в Пескерии юных и прекрасных венецианок.

Наконец я добрал до антиквара и сразу же обнаружил обширный выбор старинных тростей. У хозяина была острая бородка с проседью, шрам на щеке и протез на правой ноге — «память о Сталинградской битве в 1942 году» — признался он. Он обрадовался моему визиту, так как в это время года уже мало покупателей, и он собирался перебираться на зиму в Рим.

— Садитесь, садитесь, Dottore, вы правильно делаете, что собираетесь приобрести трость. Она не только поможет вам при ходьбе, она вас еще и защитит. Ведь по вечерам на улицах Венеции становится довольно опасно. Если уметь правильно ею пользоваться, то трость может вам помочь избежать удара ножом, кинжалом, шпагой и даже штыком, но, разумеется, она бессильна против огнестрельного оружия... Вот, смотрите.

Он схватил бамбуковую трость и стал, как бы защищаясь, очень быстро вертеть ею вокруг головы и тела.

— Это движение называется «укрыться за шипами роз», никто не сможет вас достать, — сказал он, запыхавшись. — Хороший палочник может наносить до пяти ударов трости в секунду. Мировой рекорд — восемьдесят два удара за пятнадцать секунд. Мой — пятьдесят. Я еще упражняюсь каждое утро. А теперь посмотрите «фуэте», позволяющие создать практически непреодолимый защитный пояс вокруг всего тела.

Он остановился, задыхаясь, гордый своим представлением.

— Спасибо за этот урок самозащиты. Никогда ведь не знаешь, что где пригодится! — поблагодарил я. — Но я ищу трость, которая помогает при ходьбе.

— Ну разумеется, ваша правая нога и позвоночник, они ведь почти не гнутся. У меня есть то, что вы желаете. — Он достал трость черного дерева с ручкой из слоновой кости, изготовленную в начале XX века. — Она в

хорошем состоянии, но, к сожалению, коротковата для вас. Очевидно, это не бальзаковская трость!

— Какая такая бальзаковская трость? — удивился я.

— В конце XIX века было продано около пяти тысяч «подлинных» тростей Бальзака. Веком ранее были проданы тысячи тростей Вольтера, но мода на них, к сожалению, прошла. Держите, вот замечательная трость из черного дерева с насечками в виде рога или, скорее, зуба нарвала. Нет, пожалуй она для вас хрупковата. Посмотрите-ка вот на эти прорези на конце, прямо над медным наконечником. А какой тип вы бы хотели? Вот трость под названием «бычий нерв» — это настоящее оружие, один удар по шее, и ваш противник убит. Смотрите, как это легко.

Я дал ему возможность потрепаться. Он был счастлив найти во мне столь внимательного слушателя.

— Но, месье, дорогой мой, — сказал я наконец, — я хочу приобрести такую трость, чтобы ходить с ней по городу, сидеть в салонах и на ученых советах. Чтобы она не стучала, у нее должен быть резиновый наконечник. У меня уже есть красивые металлические трости для загородных прогулок, но мне хотелось бы трость с секретом, которая послужила бы мне еще и для другой цели.

— Тогда вот вам трость-шпага с треугольным кинжалом внутри, очень опасное оружие, и вот эти, смотрите, просто, любопытства ради: вот трость-зонтик, вот трость-крюк, с помощью которой можно открывать сундуки. А эта, знаете, для чего она еще может служить? — Он повернул кольцо и показал овальное отверстие, открывавшее скрытую полость в нижней части трости. — Это трость торговца зерном. Она позволяет брать пробы пшеницы или ячменя из глубины мешка, чтобы проверить, соответствует ли его качество тому зерну, что насыпано сверху. Ведь всюду есть обманщики!

Хорошая трость для психоаналитиков, — подумал я. — С нею можно смело отправляться на изучение бессознательного, погружая ее в задний проход пациентов, пребывающих в анальной стадии...

— Нет, месье, — сказал я, — я хочу красивую трость, в которой помещаются один-два цилиндрических сосуда, которые можно заполнить кое-какими напитками, главным образом алкогольными, чтобы к ним незаметно прикладываться на ученых советах, где я всегда скучаю.

— Тогда у меня есть то, что вам нужно, — ответил он.

Он отправился на поиски в недра магазина и извлек трость из черного дерева, охваченную двумя золочеными кольцами. Трость была крючковатой формы, так как ее венчала медная рукоять прекрасной работы в форме

головы орла.

— Прочная. Развинчивается на три части. Легко укладывается в пенал. В верхнюю часть можно продольно вложить два стеклянных цилиндра, типа мензурок. Их легко вынимать и вставлять благодаря футляру из гладкой красной кожи, которая изнутри выстилает полость трости. Благодаря вот этой пружине, закрепленной в основании трости, достаточно лишь отвинтить рукоять и нажать на крышку верхнего сосуда, чтобы получить в руки оба. Что вы хотите поместить в трость?

— Зеленый шартрез в верхний сосуд и в другой — старый виски, настоящий шотландский, выдержки от 15 до 28 лет. Сможете мне это найти?

— Заходите вечером, все будет готово. Всегда держите эти сосуды полными, и вы увидите — и в походе, и в бою у вас всегда будет что выпить.

И он широко обвел тростью вокруг себя. Я его остановил, испугавшись, что он опять примется демонстрировать свои упражнения, и пообещал вернуться до наступления ночи. Тут стенные часы принялись отбивать двенадцать полуденных ударов, что, похоже, продолжалось несколько минут. Мое пребывание у антиквара затянулось намного дольше, чем я планировал.

Не было ни малейшего желания идти обедать в одну из абанских тратторий, так как все они афишировали одинаково скучные туристические меню. Случайно я встретил шофера такси, который утром привез меня сюда.

— Хорошая еда, Dottore? В траттории де Монтероссо. Это рядом, я вас подвезу.

Действительно, *gnocchetti di pasta fresca con ragù di porcini a sfilacci di pesce alia spruma di mais*<sup>[78]</sup>, запиваемые белым фриульским вином, были просто восхитительны.

Вернувшись в Абано, я отправился в парикмахерскую, которая показалась мне самой шикарной. Чтобы объяснить хозяину, как я хочу постричься, я просто показал ему фотографию из журнала: очень короткие волосы и десятидневная бородка (еще пяток дней, и она будет в норме). А почему бы вам не приклеить усы — выбирайте!

Хозяин лично вымыл мне голову. Я спросил, может ли он определить характер клиента по форме головы и буграм черепа. Цирюльник-френолог. Почему бы и нет? Он принялся меня уверять, будто может с закрытыми глазами определить вытянутый, как мяч для регби, череп кампанийца (он называется доликоцефалическим). А у итальянцев с юга и у немцев с

севера по-другому: у них головы квадратные (брахицефалические, объяснил я). А бугры? Он заметил, что у мужчин с голубоватым подбородком (у которых жесткая трудновыбываемая щетина, как у Никсона), имеется затылочный бугор — вот почему они бегают за юбками. У меня этого бугра не было, но он нащупал бугорок повыше. — Пощупайте сами, — сказал он. Это был артистический бугорок, который он у меня пропальпировал, и я впервые узнал о его существовании у себя...

Приклеив мне маленькие усики, хозяин показал роскошный том, посвященный искусству пирсинга носа, языка, ушей, сосков, пупка и половых органов, — предмету, абсолютно новому для меня.

— Dottore, Professore, только piccolo, piccolissimo<sup>[79]</sup> в ухо. Бриллиант или цирконий?

Поколебавшись, я выбрал самую незаметную клипсу с крошечным бриллиантиком. В правое или левое? В этом должен быть какой-то смысл. Пусть в правое, со стороны моих болей. Хозяин скорчил недовольную мину... Ладно, пусть в левое!

Когда я покинул парикмахерскую, чтобы отправиться к портному, потребовалось некоторое время, прежде чем я снова стал узнавать сам себя в отражении многочисленных витрин.

— Рига lana super 150 con dark grey stripes<sup>[80]</sup>, изумительный готовый костюм, сшит как будто специально для вас, — сказал мне продавец из магазина верхней одежды, самого дорогого в Абано. — И рубашки, серые с голубыми полосками, и галстуки.

— А что мне делать со старой одеждой? С вельветовыми брюками и старым твидовым пиджаком?

— Можете выбрать у нас чемодан.

— Нет, только не фирмы «Виттон».

Продавец пожал плечами:

— Хотите этот, из кожи американской дикой свиньи? Это супершик! Я поставлю его рядом. Приходите вечером, все будет готово.

Еще мне нужна была обувь.

— Туфли, которые подошли бы к костюму, — сказал я продавцу.

— Ну конечно, Dottore, Professore, взгляните на эти «Ferragamo», они самые красивые, bellissimo. Говорите, немного узковаты... Смотрите, вот сверху указан размер с учетом специальной стельки для удобства ходьбы. Уверяю вас, сделайте только несколько шагов, а уж завтра у вас будет такое чувство, будто шагаете по облакам.

В костюме, туфлях, с бриллиантом в ухе, я мог наконец-то отправиться

к ювелиру. Поколебавшись минутку перед изумительной «омегой», показывающей фазы Луны, я все же выбрал тот самый золотой «ролекс», на который положил глаз этим утром. Ювелир попросил подождать несколько минут, чтобы проверить мою кредитную карточку, позвонить в мой банк и в отель «Теодорих». Все было в порядке, и он извинился.

Теперь можно было вернуться к моему антиквару. Он угостил меня капучино.

— Вы преобразились, Professore. И эта трость из черного дерева так идет к вашему новому костюму. Не желаете попробовать шартрез и виски «Whyte and McKay», двадцатиоднолетней выдержки. Отдохните несколько минут. Нечасто доводится поболтать с таким знатоком, как вы. Я возвращаюсь в Рим, где у меня есть другой магазин, возле Piazza dei Re di Roma. Может, зайдете как-нибудь туда?

— Все дороги ведут в Рим, — сказал я ему, уходя.

Поднимаясь по виале делле Терме, я постепенно стал все более ловко управляться со своей тростью и привыкать к своему силуэту, отражавшемуся в стеклах витрин. Особенно забавлял меня блеск моей сережки, и я старался нарочно поворачивать голову так, чтобы бриллиант сверкал еще сильнее.

Кто-то хлопнул меня по спине.

— Ба! Да это же вы, дорогой коллега! Я уж было засомневался. Вы совершенно преобразились, такой юный и элегантный.

Это был доктор Перуккио, он вышел из большого отеля, где успел принять несколько дюжин отдыхающих.

— Несомненно, это я, дружище, — ответил я. — Пытаюсь сбросить шкуру старого ученого: сменил волосяной и внешний покровы. Это урок экофизиологии. Я твердо уверен: для того чтобы изменить личность, нужно изменить физическое или социальное окружение!

— Но, может, причиной ваших изменений явилось лечение у вашей коллеги онейросексолога? Не будет ли нескромно с моей стороны спросить, какое средство она вам прописала?

— Средство очень приятное. Нужно вспоминать свои сны и одновременно... стимулировать нервы Экарта.

— Какого Экарта? Мэтра Экарта, розенкрейцера из XIII века? — спросил он удивленно.

— Ну, вы прямо кладезь научных познаний, дружище! Нет, все более прозаично — эректильные нервы Экарта, анатома.

— Ах да! В самом деле, прекрасная мысль. У нашей коллеги, что, есть какой-то стимулятор?

— О да, мануальный, если вы меня понимаете...

— Понимаю, понимаю, — усмехнулся Перуккио. — Однако будьте осторожны! Вы так экипированы, будто собираетесь надеть глупостей в Венеции и расплатиться сердечным приступом. Опасайтесь инфаркта, будет очень жаль не увидеть вас здесь на будущий год. Arrivederci.

Он сделал было несколько шагов вниз по улице, но потом вновь вернулся ко мне.

— Кстати, друг мой, насчет мэтра Экарта, вы знаете, что в Абано есть музей?

— Нет еще. Я знаю только про музей в Монтегротто.

— Пойдемте посмотрим, весьма любопытно, это здесь, рядом.

Он увлек меня за собой в парк, где из травы выступали развалины оснований акведуков и римских бань. По соседству находился маленький музей, и Перуккио подвел меня к недавно откопанным статуям.

— Гляньте-ка на эти две малютки, — сказал он.

И он указал мне на две бронзовые статуэтки, позеленевшие за прошедшие века, каждая сантиметров по пятнадцать в длину. Они изображали спящих. Один из них спал на боку, положив голову на правую руку, а другой на спине, вытянув руки вдоль тела. У каждого был громадный фаллос в состоянии полной эрекции.

Часто можно обнаружить изображения сатиров или приапов с эрекцией, но эти статуи всегда стоящие, их персонажи бодрые и резвящиеся, — сказал Перуккио. — Но изображения спящих с эрекцией — чрезвычайно редки. Я не исключаю даже, что такие обнаружены впервые...

Статуэтки были датированы III веком до нашей эры. Значит, римляне уже знали, что эрекции могут происходить во сне. Я сразу вспомнил эпиграмму Марциала, содержащую намек на ночной приапизм: «*Jam, nisi per somnum, non arrigis*» («Твой член теперь твердеет только во сне»). Знали ли римляне о связи между эрекцией и сновидением? Несомненно, иначе — откуда эти статуи? Может, это изображение эрекции во время сновидений было представлено уже в «сцене у колодца» в Даско, наскальном изображении, сделанном кроманьонцами более пятнадцати тысяч лет назад? Там можно заметить человека с эрекцией, лежащего на боку, возле птицы (которая изображает само сновидение или же душу, покидающую тело во время сновидения). Эта связь, не оставалась ли она сокрытой в течение двадцати веков христианского пуританизма, вплоть до ее переоткрытия в 1965 году моим другом Фишером, великим физиологом, ставшим психоаналитиком?

Я вспомнил о Глории Земински, сексоонейрологе. Почему, в самом

деле, психоаналитикам после открытия Фишера никогда не приходило в голову укладывать пациентов на кушетку, просить рассказать, что им снилось, и одновременно вызывать эрекцию с эякуляцией у мужчин или оргазм — у женщин? Почему бы остатки сновидений, то есть души, не связать с остатками удовольствия с целью излечения от неврозов?

Эта поистине гениальная идея осенила меня по возвращении в отель «Теодорих».

Хотя я зашел в ресторан с небольшим опозданием, но понял, что мое прибытие не прошло незамеченным. Людвиг Манн оторвался от книги, глянул на меня с любопытством, улыбнулся и поприветствовал взмахом руки. «Круппы» были совершенно ошарашены моим появлением и сухо ответили на мое привычное «Guten Abend».

— Как вы помолодели, профессор, — сказала Наташа, поигрывая своей большой ручкой. — Похоже, что в Абано вы воспользовались моими советами. Вы скоро нас покинете и переедете в «Киприани»?

— Я уезжаю завтра утром, — ответил я. — Может, увидимся в Венеции? Я сохраню о вас чудесные воспоминания... Мы могли бы почаще общаться.

— Может быть, может быть... chi lo sa? — ответила она.

«Может быть — что? Увидимся в Венеции или будем чаще общаться? И почему бы нам не разделить наши сновидения», — подумал я напоследок.

Людвиг Манн поджидал меня у входа в кафе.

— Еще пивка, дружище? По последней, поскольку, как я понимаю, вы нас покидаете. Вот уж поистине волшебное превращение, прямо из куколки в бабочку. Любопытный эффект фанго, вы не находите? Вы стали таким шикарным, светским, прямо как на модной гравюре, и этот золотой «ролекс», который никого не оставил равнодушным. Вы в самом деле стали другим человеком, не так ли? Как вам удалось начать эту новую жизнь?

— Prosit, — сказал я, поднимая бокал. — Это и есть моя настоящая жизнь, которую я нашел, сбросив шкуру старого ученого. Простите меня за то, что я вас покидаю, дружище. Лечение фанго закончено, и я отправляюсь в Венецию и «Киприани», где есть столько чудесных вещей, которые нужно увидеть, вкусить, услышать, потрогать, поласкать...

— А как же ваши исследования? — спросил он.

— Какие исследования? Вся эта онейрология, онейрофизиология, с этим покончено. Слишком долго я брел в туннеле сплошных ошибок, блуждал в лабиринте ошибочных или смутных идей. Покончено с вами,

конгрессы ученых ослов, смешных и тщеславных! Покончено с вами, мои пептиды, медиаторы и синапсы! Верите ли вы, что существует синапсы между душой и мозгом?

— Но как же тогда душа общается с мозгом?

— Очевидно, «одушевленными» частицами. Может, антигравитонами! Раз в вещих снах стрела времени обращается, то здесь должны быть замешаны какие-то античастицы. Gute Nacht, Herr Professor Mann, — сказал я ему, вставая.

«Может, я покинул Наташу и Людвига слишком быстро или слишком резко», — подумал я, в последний раз поднимаясь по лестнице в свой номер. Но я жаждал поскорее покончить со всеми ними, с книгами, с грязевыми ваннами и окунуться в новую жизнь, растворившись в свежем морском воздухе лагуны.

## Глава 11. Бьянка и мой близнец

### Среда, 15 сентября 1999 года

Я предупредил консьержа отеля, что в этом году я чувствую себя более утомленным, чем обычно, и посему вынужден, к сожалению, прервать курс лечения фанго и массажем; поэтому он ничуть не был удивлен, когда в семь утра я появился у стойки. Нет, я не чувствую себя хуже, чем в день приезда, да и доктор Перуккио, с которым я проконсультировался, меня успокоил: скорее всего, это просто умственное переутомление. Да, тишина и покой в гостинице пошли мне на пользу... Я обязательно приеду на будущий год, но сейчас хочу провести пару дней в Венеции и вернусь только вечером в четверг. Не будет ли он любезен подготовить мне счет к субботнему вечеру? Я уеду в воскресенье, как и планировалось.

Консьерж, должно быть, обрадовался тому, что я их покидаю. Ведь мое вчерашнее прибытие в совершенно новом облике поразило всех, и в гостинице, должно быть, получили факсы от ювелира и магазинов из Абано с запросами касательно моей платежеспособности. Можно не сомневаться в том, что отдыхающие, чье любопытство обострено вынужденной праздностью, одолевали консьержа своими расспросами... Но что он мог им ответить? Что не нужно обращать внимания на странности старого чудака-ученого? Возможно, у него какая-то тайная связь в Венеции. С женщиной? О нет! Определенно с женщиной, судя по телефонным переговорам. И больше ему нечего сказать...

Я вызвал такси и отправился на вокзал, расположенный совсем рядом. Эти шикарные туфли были слишком узкие, а подошвы жесткие, поэтому у меня вновь появились боли в пояснице. К счастью, трость помогала смягчить боль от каждого шага. Это все тот проклятый абанский обувщик: «Domani, вы сами увидите, вы не будете ощущать этой обуви, вы будете не ходить, а парить в облаках». Мерзкий обманщик...

Сойдя на вокзале Санта-Лючия, я сел на мотоскафо, чтобы добраться до площади Сан-Марко. Я хотел провести утро в кафе «Флориан», наблюдая здешнюю фауну — туристов и местных жителей. Мне повезло.

Обычно кафе «Флориан» по средам закрыто, но в этот раз, в виде исключения, оно было открыто. Прекрасное предзнаменование. Я покинул террасу, постепенно заполнявшуюся туристами, и вошел в зал. Внутреннее убранство того стоило: там были кабинеты XVIII века, запутанные

коридоры, лепные потолки, бархатные кресла и круглые мраморные столики на ножке. Официант принес мне капучино на массивном серебряном подносе...

— Месье кого-то ждет? Месье будет обедать здесь? — спросил он, когда я расплатился, оставив ему на чай.

Как он догадался, что я француз? Я ощутил неловкость, обнаружив, что моя национальность все равно проглядывает из-под полностью итальянского одеяния. Может, итальянцы как-то по-другому делают заказ или расплачиваются?

Наконец заиграл оркестр, и я сам себе удивился, обнаружив, что постукиваю пальцем по столу в ритме джаза. В другое время, в иной жизни, такая музыка заставила бы меня немедленно сбежать. В другое время? Но прошла то всего лишь неделя!

Я заказал еще капучино. Теперь его цена возросла — из-за музыки! Прошелся среди завсегдатаев «Флориана». Я, пожалуй, был среди них самым элегантным, за исключением разве что одного итальянца в костюмной тройке, но даже у него не было такого бриллианта в ухе. Я заметил одну прелестную, очень сексуальную черноглазую брюнетку, сидевшую в одиночестве за столиком. Она строила глазки и улыбалась. С утра пораньше! Но мне не хотелось стать ее первым клиентом на сегодня. Под столом возле выхода спал огромный серый кот — местная достопримечательность. Ему, видно, так надоели все эти голуби, что он уже и глаз не открывал на шум их крыльев и воркование.

Я стал искать газеты. Оказалось, они закреплены на деревянных подпорках. Почти все немецкие, американские или итальянские. Площадь Сан-Марко постепенно розовела от восходящего солнца. Но туристы и голуби уже начинали заполнять ее. Я купил один еженедельник, чтобы прочитать гороскоп на сегодня.

«Если вы в себе уверены, то оставайтесь при своих убеждениях». Я остановился, чтобы прочесть дальше, придерживая страницы журнала концом своей трости. «Меркурий поможет вам разобраться в ваших чувствах».

Все это, однако, не касалось чего-то самого важного!

Внезапно я оказался в самой гуще толпы японских туристов, среди которых мелькало несколько хиппи. Doso, doso<sup>[81]</sup>. Excuse me. Sorry. Prego. Меня закрутили и подтолкнули ко входу в кафе «Квадри», напротив «Флориана». Почему я не поднялся на второй этаж, чтобы там, в тишине и покое насладиться изумительным видом на площадь Сан-Марко? Можно было и пообедать, хоть цены там астрономические. Машинально я ощупал

задний карман брюк: мой бумажник исчез, а с ним 500 тысяч лир<sup>[82]</sup> и тысяча долларов! А из кармана пиджака исчезли чековая книжка, записная книжка и паспорт, которые также были украдены во время этой толкотни! У меня осталась только одна банкнота в 20 тысяч лир. Как раз хватит на четыре чашки капучино! «Ну и разиня же ты!» — подумал я. Ведь всем известно, что площадь Сан-Марко, наряду с мостом Риальто и вокзалом Санта-Лючия — излюбленное место карманников. В толпе праздно шатающихся туристов не разыщешь воришку, так что нужно срочно заблокировать счета моих кредитных карточек и чековой книжки и заявить об утере паспорта. Больше всего меня расстроила пропажа записной книжки, где были записаны все нужные телефонные номера, в том числе номер Бьянки.

Направляясь в полицейский комиссариат, находящийся под аркадами, я зашел в отделение «American Express». Я оказался не первым посетителем в этот день.

— No passport? OK. No ID card? OK. It may take several days for a new card. You know, a lot of verifications!

— I know, thank you<sup>[83]</sup>.

Консульство Франции только что закрылось, было полдвенадцатого. А после обеда они принимали только по предварительной записи.

К полудню я прибыл в комиссариат. И был уже пятым простофилей в это утро. Передо мной стояли три американца и два японца. Фамилия, имя, адрес, ргео. Какая сумма? Полицейские агенты были равнодушными, ко всему привыкшими. Для них это была рутина. Они могут связаться с моим банком по факсу, grazie. Мне даже удалось пошутить с агентессой. Я стал бродягой, бродячим щеголем. Осталось только продать серьгу из уха и туфли! Что вы умеете делать? Составлять гороскопы для кошек...

Я испытал шок от этих краж — но с чувством фатализма. Если бы такое случилось неделю назад, я был бы охвачен гневом, тревогой и беспокойством. А теперь: мехтуб!<sup>[84]</sup> — только и сказал я сам себе. Нужно было как-то связаться с Бьянкой, но я не мог вспомнить номера ее мобильного телефона.

Я возвратился и присел на террасе «Флориана», держа трость между ног. Мое внимание привлекла группа, или, точнее, стая японских туристов, следовавших за гидом, размахивавшим флажками. Это был удачный момент, чтобы попытаться выудить из них немного денег. Doso, doso, pictures with pigeons!<sup>[85]</sup> Я показал жестом, что могу сфотографироваться с группой или в одиночку. Arrigato, arrigato<sup>[86]</sup>. Теперь я знаю, как выглядят

новейшие цифровые видеокамеры. Doso, arrigato.

Я снова сел и стал бросать крошки голубям. Мало-помалу они стали садиться мне на голову, пиджак и трость. После некоторой тренировки мне удалось удерживать одновременно трех голубей на вытянутой трости и одного на голове. Улыбочка. Фото. Arrigato. Фото с мадам? С малышом? Arrigato. Я протянул руку с двусмысленным жестом и собрал несколько мелких купюр. Последний турист из японской группы указал мне на вновь прибывших. Я снимался с голубями на фоне зданий прокураций, башни с часами, колокольни, базилики и, наконец, Палаццо Дукале. La Piazzetta, no, sorry. Too far<sup>[87]</sup>. Еще одна группа. Это, должно быть, scientists, у них закончился конгресс. Здесь я не имел успеха. Несколько громких смешков. Еще фото с двумя голубями, сидящими на трости. Улыбочка. Мелкая купюра. Dom arrigato gozaïmas! Я вернулся и уселся на один из последних свободных стульев. Оркестр начал играть вальсы Штрауса. Я незаметно просмотрел свой улов. Почти сто тысяч лир! Тут я заметил, что ко мне приближается Бьянка.

— Профессор Жуве, что это вы тут вытворяете с голубями? Вы не находите это неуместным?

Похоже, что она разгневана. Она была в другом платье, зеленом, под цвет глаз. В этом она гораздо более соблазнительна, подумал я. Я не сдвинулся и сделал вид, что вижу ее впервые. Она подошла к моему столику с видом одновременно возмущенным и удивленным. Я поднялся.

— Не думаю, что мы знакомы, — сказал я со всей возможной учтивостью.

— Как? Вы не профессор Жуве? Мишель Жуве?

— Нет, мадам. Я его брат-близнец. Морис Жуве. Мой брат в Монтегротто.

Откуда вдруг возникла эта идея насчет брата-близнеца? Не знаю. Меня внезапно осенило, как при азартной игре, и этот виртуальный двойник захватил полностью все мое существо, которое так изменилось с этим новым костюмом, серьгой в ухе и усиками.

— Как это может быть? Такое сходство! Вы что, издеваетесь надо мной?

— Очень даже может быть, дорогая мадам. Когда мы были во младенчестве, только наша матушка и могла нас различить. Мы двойняшки. А вы знаете моего брата Мишеля? Он известный ученый.

— Я с ним встречалась четыре дня назад, или, точнее говоря, мы встретились. Мы даже провели вечер в «Киприани». Просто невероятно, у вас тот же голос... И тоже что-то с ногой, — сказала она, посмотрев на мою

трость.

— Увы, дорогая мадам, та же нога. Это редкий генетический тип артроза, им же страдала и наша бедная матушка. Потому-то мой брат и лечится в Монтегротто. Развитие этой болезни, к несчастью, необратимо. Нам обоим предстоит операция, — грустно сказал я, повесив голову.

— Просто невероятно. Конечно, различия есть: прическа, борода, усы, серьга, костюм... Но, клянусь богом, вы — профессор Мишель Жуве! Я усадил ее рядом с собой. Мне не следовало много болтать.

— Дорогая мадам, вы закажете что-нибудь?

— Чашку капучино, как и вы. Брат-близнец, брат-близнец, — повторяла Бьянка, — так вот почему ваш брат всегда интересовался двойняшками! Но он мне никогда про вас не рассказывал, — сказала она.

— А вы что, его хорошо знаете?

— Я была в Лионе, в вашей лаборатории, в прошлом году.

— В его лаборатории, — заметил я.

— Ну да, ваш брат однажды даже пригласил меня домой, но ни его жена, ни дети ничего не говорили про вас.

— Вы знаете, дорогая мадам, это ведь своего рода семейный секрет. Я ведь белая ворона. Мой брат стал настоящим ученым, а я — неудачник. Тот, кто ничего не может довести до конца. Но ни мои племянники, ни моя племянница меня не стыдятся, чего — увы! — нельзя сказать о моей золовке, — продолжал я.

Бьянка все еще сомневалась.

— Не могу поверить своим глазам. Вы совершенно одинаковы.

— Есть несколько признаков, которые позволяют нас различить — в физическом плане, конечно. У меня есть шрам на спине, которого нет у него. А если бы, по случаю, вы узнали моего брата интимно, то обнаружили бы черное родимое пятно у него на кошонке, которого нет у меня.

Она покраснела.

— Я вас умоляю. Во всяком случае, ваш брат поделикатнее вас!

— Прошу прощения. Мой брат ведь только с кошками общается. Он и стал вежлив, как кот: молчит и мурлыкает.

— А росли вы вместе?

— До войны да. Потом он ушел в армию, занялся медициной. Я остался дома и поступил на научный факультет.

— По какой специальности?

— Биологическая океанография. Моя диссертация была посвящена половой жизни гигантского кальмара.

Удивительно, как легко я выдумывал мою новую, виртуальную жизнь! Я в самом деле становился другим человеком и уже с некоторым сожалением и снисходительностью посматривал на того, «другого», которого я покинул, быть может, навсегда...

— Вы много путешествовали?

— При моей работе — даже слишком, особенно в сторону Антарктики. Туда, где размножаются гигантские кальмары. У них глаза — как кастрюли, тридцать сантиметров в диаметре!

— Терпеть не могу этих осьминогов... А вы часто видите с вашим братом?

— Не очень. Я сюда приехал, потому что испытывал денежные затруднения. А сейчас они еще более обострились. Я абсолютно нищ. Меня только что обокрали. Украли мой бумажник с кредитными карточками, паспорт и чековую книжку. Вот почему я корчу шута с этими голубями — чтобы раздобыть несколько тысяч лир. Воровство — это здесь национальный вид спорта. На самом деле везде так, и во Франции творится то же самое, — заметил я, спохватившись, что она может обидеться. — А вы, дорогая мадам, тоже, как мой брат, изучаете кошек и крыс?

— Нет, я изучаю сон и сновидения у людей. Я психолог. Меня зовут Бьянка Ф., я из Турина.

— Можно я буду называть вас Бьянка, моя дорогая?

— Как вам угодно. А как мне вас называть, вы ведь так похожи на брата-профессора?

— Зовите меня Морис, или Маурицио. Вы изучаете сновидения у близнецов?

— Да, но это сложно. Было бы потрясающе сравнить сны у вас и вашего брата!

— Мой брат всегда просит меня описать сны, которые запомнились. Но я всегда смущаюсь, ведь это дело слишком уж интимное... А кстати, как он поживает?

— А разве вы его еще не видели?

— Нет, но я ему звонил, просил денег. Мне снова пришлось выслушивать его нотации. В психологическом плане мы совершенно разные, что обидно, так как противоречит его теории...

— Да, на прошлой неделе, на конференции в Венеции, ваш брат полностью отказался от своей теории. Он в нее больше не верит. Может, и из-за вас. В самом деле, у вас, похоже, совсем иной психологический профиль. Не могу себе представить, что ваш брат позволил себе фотографироваться с голубями на голове, чтобы вытянуть деньги из

японских туристов! А вы женаты?

— К счастью, нет. Мне кажется, что я приношу несчастье женщинам.

— А вы давно в Венеции?

— Всего три-четыре дня.

— А почему вы не поехали в Монтегротто?

— Это кошмарное место, где полно старых паралитиков. Не хочу я там встречаться с братом. Я от этого сам делаюсь больным. Я лучше подожду его здесь. А теперь у меня вообще нет ни лиры.

Наступило долгое молчание. Кажется, Бьянка начинала, наконец, верить моему рассказу.

— Хотите, поужинаем вместе? — спросила она.

— Если это не нарушит ваших планов... то с большим удовольствием!

— Теперь, когда я знакома с братом близнецом профессора Жуве, мне бы ужасно хотелось пригласить вас обоих одновременно.

«Бедная моя Бьянка, ты желаешь невозможного», — подумал я.

— Ну, может, когда-нибудь, — промямлил я.

— Мы пойдем в маленький ресторанчик возле Дзаттере с двумя моими друзьями.

— Друзьями, которые знают моего брата? — спросил я с деланным испугом.

— Нет, они его никогда не видели.

Я заметил, что на площади появились группы каких-то туристов — не то японцев, не то американцев, — на которых можно было подзаработать. Какие-то хиппи неопределенного пола (их на самом деле трудно различить) заняли мое место среди голубей. Бьянка молча наблюдала за мной. Она заметила мой золотой «ролекс» и посматривала на трость.

— Вас заинтересовала моя трость? Смотрите, Бьянка!

Я развинтил трость и показал ей два цилиндрических флакона с зеленым шартрезом и виски. — Не желаете? Это из настоящего шотландского ячменя.

— Я в самом деле начинаю верить, что вы — не Мишель Жуве. Он терпеть не может виски.

— Да, мой брат пьет только белое вино! Оно для него — болеутоляющее! Когда вы были в Дионе, он за вами ухаживал? Вы целовались?

— Это бестактный вопрос! Он был очень замкнут и сдержан.

— Бирюк бирюком. И выглядит как дикарь — вечно без галстука, в вельветовых штанах. Не умеет одеваться. Это просто интеллигентский снобизм. Надо мне было дать ему пару уроков.

— В самом деле, у вас шикарный вид и очень красивые часы.

— Бьянка, могу я вас попросить об одной услуге? Пока я валял дурака с этими голубями, они могли обгадить мой новый пиджак.

Она внимательно осмотрела пиджак со спины.

— Нет, все в порядке, вам повезло. Вообще-то голубиный помет очень трудно удалить, особенно с такой красивой ткани...

Площадь Сан-Марко становилась голубой. Перед базиликой ложились тени. Мы сидели в глубоком молчании. Я попытался положить правую руку ей на колено. Вначале как бы нечаянно, перемещая трость, потом надолго. Она никак не реагировала. «Ну, старина, подумал я, не упусти этой возможности. Если твой брат-близнец никогда не умел заходить слишком далеко, то теперь твой черед идти в атаку». Это мысль заставила меня улыбнуться.

— Чему вы улыбаетесь? — спросила Бьянка.

— Я думаю о моем бедном брате, в этих грязевых ваннах среди старых немок, сморщенных и горбатых... Вы сказали, что мой брат выступал на прошлой неделе в Венеции на какой-то конференции. Он хорошо говорил?

— На конгрессе по сну? Нет. Всех удивил тон и тема его выступления. Он почти дошел до признания того, что ошибался всю свою научную жизнь. Тяжело было это слышать. Даже противники его идей были сильно разочарованы.

— Откуда вы такая? Вы мне уже говорили, но я забыл. Я вами совершенно очарован. Вы так прелестны!

— Я из Турина, — ответила она, покраснев.

— Вы долго пробудете в Венеции?

— Только сегодняшнюю ночь. В чудной маленькой гостинице «Да Калчина» к югу от Дорсодуро; это старинный дом Джона Раскина. Я надеюсь, что смогу найти вам там номер. Я уезжаю в Турин завтра вечером.

— А вам не кажется, что этой ночью мы могли бы разделить наши сновидения?

— Chi lo sa? — она посмотрела на меня с любопытством.

— Il gatto lo sa<sup>[88]</sup>, — ответил я, указывая на огромного дрыхнувшего кота из кафе «Флориан».

Нужно соблюдать осторожность. С чего это я вдруг заговорил о сновидениях? И не надо ее уговаривать. Ресторанное вино само все делает.

— А завтра вы останетесь в Венеции? — спросила Бьянка. — Мне бы так хотелось встретить вас двоих и вместе сфотографироваться!

Часы на башне пробили семь часов. Жар от камней площади стал

понемногу уступать место свежему бризу с канала. В течение всего дня площадь Сан-Марко меняла цвета: сначала она была розовой, потом голубой и, наконец, зеленой, как цветник из гортензий. Туристы расходились. Зажглись фонари. Пора было перемещаться в ресторан.

— Бьянка, — сказал я, — мне нужно позвонить брату в Монтегротто и договориться о завтрашней встрече. Кажется, он мне говорил, будто собирается в Рим на уикенд. Но, если позволите, я ему позвоню.

Бьянка протянула мне свой телефон, и я набрал номер отеля. Нужно было немедленно пресечь эту идею Бьянки насчет встречи с нами обоими.

— Pronto, профессор Мишель Жуве здесь? Is he in the hotel?<sup>[89]</sup>

Телефонистка надрывалась, повторяя: он не здесь, он уехал в Венецию. Я отвечал: он не оставляет записки для своего брата? Я его брат Морис. Он в Риме? В каком отеле? До какого числа? Grazie.

— Все, как я и думал, — сказал я Бьянке. Он уехал в Рим на пару дней. Хотел бы я знать, что он там делает.

— Я тоже, — заметила Бьянка. — Ведь мы собирались с ним встретиться сегодня или завтра. Очень интересно!

— В следующий раз мы встретимся в Турине — это такой красивый город! Вы покажете памятные места, связанные с Санте де Санктисом.

Бьянка встала. На ее губах блуждала странная улыбка.

— Боюсь, вам будет больно идти. Мы сядем на 52-й до Дзаттере. Мои друзья ждут меня в траттории.

— Бьянка, умоляю вас, не говорите вашим друзьям, кто я. Давайте сохраним семейную тайну!

Бедная Бьянка! Она могла встретить только одного из близнецов, даже после того, как второй — вернется. Мне было так хорошо в моей новой шкуре, что не было никакого желания влезать в старую. Эта статья в «Philosophical Transactions», эти конференции, все это, еще недавно такое близкое, теперь казалось бесконечно далеким, почти стершимся из памяти... Только Муранелла связывала теперь меня с моим братом-близнецом. Это была тайна, принадлежащая только нам двоим. Как объяснить Бьянке, что я еще не теряю надежды встретить завтра Муранеллу?

Ладно, завтра будет новый день. Особенно, если я проведу ночь с Бьянкой...

Из маленькой траттории «Сан-Базилико» открывался изумительный вид на Джудекку, освещенную огнями, отражавшимися в темных водах канала. Двое друзей Бьянки дожидались нас, жуя antipasti. Кто они — психологи, может, микросихоаналитики? Бьянка представила меня как

французского океанографа. Меня жутко раздражало присутствие этих несносных субъектов, мешавших мне продолжить начатое. Они достаточно хорошо понимали английский. Я перевел разговор на гигантских кальмаров, самцы которых сразу после диких сношений со своими самками погибают на просторах Антарктики.

Мы ели спагетти с чернилами каракатиц, а Бьянка, по-прежнему ненавидевшая семейство кальмаров, довольствовалась жареной рыбой. Она часто выходила, чтобы позвонить. Я не осмеливался ее спросить, нашла ли она мне комнату в своем отеле. Эта парочка психологов, по счастью, покинула нас, когда мы вышли из ресторана.

— Это всего в десяти минутах ходьбы отсюда, ну, может, для вас, из-за вашей ноги — в двадцати, — сказала Бьянка.

Я пытался ее обнять, но она всякий раз со смехом отстранялась. Она позволила мне только положить руку ей на плечо, когда мы шли вдоль канала от Джудекки к Дзаттере.

Когда мы вошли в холл дома Раскина, портье поприветствовал Бьянку.

— Buona sera Dottore. Il Professore Michel Jouvét vi aspetta nella vostra camera<sup>[90]</sup>, — и он ей вручил вначале один ключ, затем другой.

— Это ваш, Маурицио, — передала мне ключ Бьянка. — Ваш номер напротив нашего. Ведь ваш брат вовсе не в Риме. Он ждет меня в моей комнате. A domani. Buona notte<sup>[91]</sup>.

И, посмеиваясь, она стала подниматься по лестнице.

## Глава 12. La pilloliera del diavolo<sup>[92]</sup>

Четверг, 16 сентября 1999 года

Я встретил Бьянку в девять часов утра перед буфетной стойкой отеля, переполненной всякими яствами. Она встретила меня с той же улыбкой, что и вчера вечером.

— Вы хорошо спали, Маурицио? Вы оказались правы, у вашего брата действительно есть родинка с правой стороны!

— Бьянка, я должен перед вами извиниться. Я в самом деле полностью влез в шкуру моего двойника. Я был уверен, что вы мне поверили. Как вы раскрыли, что это я, а не мой близнец?

— Профессор, вы не умеете лгать. Действительно, на некоторое время я поверила, что это ваш близнец, настолько вы переменились. Но вы слишком болтливы! Зачем вы упомянули мою работу над Санте де Санктисом в Турине? Ведь вы были единственным, профессор, кто ознакомился с моей диссертацией! Невероятно, чтобы ваш «близнец» это знал... Как вы спали?

— Неплохо, — соврал я (на самом деле я не сомкнул глаз до рассвета) ... Я позабыл все свои сны, кроме последнего. Это был смешной сон: я в Санкт-Петербурге, стою перед статуей Петра I на огромном коне. Царь окружен толпой детей, карабкающихся по камню его пьедестала. Кто-то незнакомый говорит мне в правое ухо, что Петр I стал «царем ребятишек»<sup>[93]</sup>. Я хорошо запомнил эти слова, так как ими завершилось мое сновидение.

— Вы думаете, это был сон-ребус?

— «В прошлой жизни» я бы решил, что мое левое полушарие шлет какое-то сообщение правому полушарию, хоть и не знаю, что это сообщение означает. Я редко вижу сны про Россию. Кроме разве что одного случая, связанного с крейсером «Аврора»... но, когда я нахожусь в полудреме, у меня часто бывают грезы или всплывают старые воспоминания о Санкт-Петербурге<sup>[94]</sup>. А вы, Бьянка? Могу я попросить вас пересказать мне какой-нибудь свеженький сон? Если помните, я предлагал вам разделить наши сновидения...

— Я от вашего близнеца получила совсем иное! Мне и так-то редко снятся сны. А вы думаете, этот ваш «братец» оставил мне время поспать?

— Давайте помиримся, Бьянка! Не бередите рану...

— Пусть это послужит вам уроком! — ответила она.

— Бьянка, такая хорошая погода! Давайте погуляем по Дзаттере, сходим в уголок антикваров и букинистов? Если повезет, встретим того антиквара, которого я навестил в прошлом году. У него есть один весьма странный предмет, настолько необычный, как будто он явился из какого-то безумного сна!

— О чем идет речь? — спросила Бьянка.

— Пусть это остается тайной, пока мы не найдем того антиквара. Получится сюрприз.

Бьянка оставила свой багаж в гостинице. Она заберет его вечером, перед тем, как отправиться на скорый до Турина. Я провожу ее до Падуи, а там пересяду на ночной поезд до Монтегротто.

Мы вышли на улочки позади отеля, которые извивались и пересекались каналами, сверкавшими на солнце разноцветными переливами. Мне показалось, что некоторые стены были еще больше изъедены пятнами, чем год назад; но достаточно было несколько росткам жимолости обвиться вокруг стены, чтобы к ней вернулась вся ее живописность.

Утреннее солнце отражалось даже в самых узких каналах, и его яркие лучи заставляли забыть о постепенном подтоплении Венеции. Мы шли медленно, так как боли в правой ноге, увы, за ночь не исчезли. Нет, нужно все же как-то растянуть эти шикарные туфли, либо их обменять, а то я без трости шагу не смогу ступить. Наконец мы доползли до букиниста, который только что открыл лавку.

— Бьянка, давайте остановимся. У букинистов и в музеях я тотчас забываю о своих болях.

Я объяснил торговцу, что ищу старые книги по медицине, анатомии и физиологии, датированные XVIII веком, и бухнулся в кресло.

— Я также интересуюсь, — продолжил я, — старыми книгами о снах, например, сонниками.

Я хорошо знал, что в Венеции труднее найти старые научные книги, чем в Падуе. Ведь в Венеции никогда не было своего университета<sup>[95]</sup>. Но если повезет...

Букинист предложил нам кофе. Я листал старые книги, просто чтобы их почувствовать, пощупать. Случайно мне попался в руки один томик размером в четверть листа, переплетенный в тонкий, мягкий пергамент, с обрывками тесьмы на обложке. Он был погребен под старыми молитвенниками и церковными книгами. Это была очень странная книга —

«Arithmetica seraphica»<sup>[96]</sup>, написанная испанским монахом Джеронимо Лорте-и-Эскартин.

— Это арифметика жизни святого Франциска Ассизского, — объяснил букинист. — Она написана одним францисканцем и издана в 1695 году.

Эта старая книга была основана на методе мнемотехники и нумерологии. В ней автор излагал свою удивительную концепцию «ангельского счета». Жизнь, нрав, изречения и смерть святого Франциска Ассизского были представлены в виде последовательности чисел, которые можно было связать между собой, пользуясь методами комбинаторики. Использовалась и каббала, поскольку число 666 представляло дьявола. Результатом этих бесчисленных расчетов явилась своего рода арифметическая история францисканского движения. Внутри книги в сложенном виде была вклеена «хронографическая» таблица, состоящая из трехсот шести клеточек, в каждой из которых находилась одна из букв алфавита. Эта таблица позволяла комбинировать почти до бесконечности два предложения, посвященных Деве Марии, образуя всякий раз новые фразы, так сказать, «наделенные смыслом».

— Видите, Бьянка, с помощью такой системы, казалось бы, лишенной всякой логики, можно производить вполне осмысленные фразы. Вот так и мозг формирует сознание с помощью электрических ритмов разной частоты...

Я повертел книгу со всех сторон. На ней был рукописный экслибрис монахов-доминиканцев из Тунжи.

— Тунжа, — пояснил букинист, — это такой старинный городок в Новой Гренаде, которая теперь называется Колумбией.

— Этот францисканец — настоящий Бэкон, — продолжил я. — Вот поистине новый метод для когнитивных наук: в клеточках таблицы вместо букв расставить разные мозговые структуры, скажем, номера корковых зон и ритмы электрической активности мозга: альфа, бета, дельта, гамма, тета и мю — для объяснения сознания в бодрствовании и во время сновидений... «А где эта книга была напечатана? На титульном листе — название: Caesar Augustae», — задумался я, а вслух спросил у Бьянки: — А вы знаете, где находится этот «Сезар Огусте — Цезарь Август»?

— Полагаю, где-то в Италии?

— Нет, сейчас вы узнаете, где это... Повторяйте быстро, много раз, так, чтобы название этого города отпечаталось в вашем мозгу: Сезар Огусте, Сезар Огусте...

— Сезар Огусте, Сезар Огусте, Сар Август... Сарагоса... Да ведь это же Сарагоса, Сарагоса в Испании! — воскликнула она. — Но, профессор,

это ведь повторяет ребус из вашего сна — «тсар а госс», ведь это тоже Сарагоса!

— Номер 666, вы правы!

— Я вас умоляю, — воскликнула Бьянка — никогда не произносите этого числа!

— Это волшебная книга, Бьянка, я вам рассказывал. Я видел ее во сне, или, точнее говоря, некие «онейрические уста» прошептали мне на ухо то место, где она была напечатана триста лет назад. Теперь вы мне верите, когда я намекаю вам на вещи сны?

— Это просто случайное совпадение, — отрезала Бьянка.

Торговец, испугавшись того, что я произнес каббалистическое заклинание, вызывающее силы Зла, отнял у меня книгу. Он даже не пожелал назначить мне цену! Он ее не продает. Он тотчас же запер ее в большой сундук.

— Бьянка, я понял метод монаха-францисканца. Как только вернусь в Лион, нарисую такую же большую таблицу на 306 клеточек, — сказал я ей, покидая букиниста.

Наступил час, когда сверкавший под лучами солнца канал Джудекка был переполнен разными вапоретти и ferry-boats<sup>[97]</sup>, курсирующими по всем направлениям.

Проплутав некоторое время, я наконец нашел ту самую антикварную лавку, которую посещал в прошлом году. В двух больших комнатах на первом этаже, благоухавших ароматами огромных цветочных букетов, не было еще ни одного покупателя. В слабом свете двух старинных муранских люстр можно было рассмотреть старую мебель, красивые традиционные маски, шарманки, зеркала, несколько старинных тростей, гораздо красивее моей, гравюры и картины.

— Что вам предложить? — спросил антиквар, заметивший мою трость и золотые часы.

— А есть ли еще у вас, дорогой месье, та «чертова пилюльница», которую вы мне показывали в прошлом году?

— А, так это вы, Dottore, вы вернулись? Вас теперь не узнать! Вы так переменялись, только хромота осталась прежней, к сожалению.

Он тотчас же запер на ключ дверь магазина и вернулся из глубины лавки с деревянной коробкой, из которой извлек пилюльницу. Это была крошечная шкатулка из серебра или посеребренного металла, высотой сантиметра в полтора, шириной в три и длиной в четыре сантиметра. Ее крышку украшал довольно простой геометрический рисунок, а на наружном бортике находился маленький выступ, облегчавший открывание.

Антиквар объяснил нам, что эта шкатулка легко открывается, если в ней неядовитые пилюли — содержащие, скажем, ментол, кашу<sup>[98]</sup>, возбуждающие средства. Если же в шкатулке для пилюль — яд, то ее невозможно открыть минут десять, чтобы было время одуматься, прежде чем совершить самоубийство или отравить врага.

— Но как такое возможно? — спросила Бьянка.

— Смотрите сами, смотрите внимательно, — сказал антиквар.

Он оторвал лепесток розы от большого букета, согнул его и поместил в шкатулку для пилюль, которая захлопнулась с сухим щелчком.

— Роза содержит ароматические вещества, они нетоксичны. Можно есть пирожки с розами. Откройте коробочку, мадам, — попросил он Бьянку. — Ее нужно держать вот так.

Он взял шкатулку в левую руку и показал, как открыть крышку большим и указательным пальцами правой. Закрыв, он вновь передал шкатулку Бьянке, которая легко открыла ее с более громким и резким звуком, чем при закрывании.

— Теперь смотрите.

Антиквар выкинул лепесток розы и взял цветок дурмана, колокольчиком свисавший посреди букета из роз, лилий и ирисов. Он оторвал кусочек цветка и растер его пальцами.

— Как вы знаете, мадам, дурман — это сильный яд. Экстракт дурмана может убить, вызвав остановку сердца.

Он положил щепотку цветочной кашицы в шкатулку и закрыл ее.

— Попробуйте открыть, мадам!

Ни Бьянка, ни я не смогли. Крошечная загадочная шкатулка оставалась намертво защелкнутой.

— Нужно дать ей отдохнуть минут десять, — сказал антиквар. — Поставьте шкатулку на стол, на деревянную основу. Она подумает и нам даст время подумать.

Через десять минут Бьянка легко открыла шкатулку.

— Это — чертова пилюльница, единственная, сохранившаяся на сегодняшний день. Говорят, она принадлежала Казанове. Известно, что изготовлена в XVIII веке. Ее секрет утерян.

Я снова осмотрел пилюльницу. Даже если она и не была волшебной, эта крошечная шкатулка должна бы стоить, по меньшей мере, миллион лир. Но антиквар сказал нам, что не расстанется с ней даже за тридцать миллионов лир, потому что понял, что я хочу ее купить.

Я захотел сделать еще одну попытку. Легко открыв шкатулку, положил в нее таблетку виагры. Как эта шкатулка «догадалась», что в ней находится

возбуждающее? Бьянке я сказал, что эта маленькая голубая ромбовидная таблетка — анальгетик. Не мог же я, в самом деле, признаться, что мой «близнец» носит при себе виагру...

— А у вас есть какой-нибудь яд? — спросил я у антиквара.

Он достал таблетку мышьяка, который, как он нам объяснил, используется для отравы мышей.

Шкатулка отказывалась открываться в течение десяти минут! Потом с помощью небольшой лупы я рассмотрел ее устройство. Стенки и дно шкатулки были двойными, выстланными изнутри тончайшей металлической лентой. Эти ленты не были прямыми, но извивались туда и обратно, образуя соединяющиеся циклоиды. С лицевой стороны, прямо под выступом, я обнаружил символическое изображение уробураса — змеи, кусающей свой хвост, а внутри нее — крестик. Было ли то клеймо гениального ювелира, изготовившего эту вещь? Больше всего на свете мне хотелось заполучить волшебную шкатулку. Антиквар понял это; нет, не за тридцать миллионов лир, прошептал он. «А за пятьдесят миллионов лир?» — подумал я. Ведь это цена моего золотого «ролекса».

Я снял часы и положил их рядом со шкатулкой.

— Я предлагаю обмен: мои часы на эту шкатулку, — сказал я. — Эти часы стоят более пятидесяти миллионов лир. Они новые. Я их купил позавчера в Абано. Вот гарантийный талон (который, по счастью, я нашел во внутреннем кармане пиджака).

Я наскоро рассказал антиквару о своих злоключениях и краже, произошедшей на площади Сан-Марко, объясняющей, почему у меня нет ни чековой книжки, ни кредитных карточек.

Антиквар был недоверчив.

— Кругом полно поддельных «ролексов», — извинился он.

Затем позвонил ювелиру в Абано и назвал номер часов. Все было в порядке. Он надолго задумался...

— Ладно, — сказал он наконец. — Это большая жертва для меня. Ведь, насколько мне известно, это — единственная такая шкатулка на всем белом свете... Берегите ее. Как живое существо. Никогда не держите ее на холоде. На снегу. На жаре. Не берите ее в африканские пустыни. Не оставляйте в машине на солнце. Храните ее в условиях венецианского климата, между пятью и тридцатью градусами Цельсия. Не забывайте, что она была сделана в этом городе каким-то гениальным венецианцем. Если вы не будете ею пользоваться, то держите в закрытом виде в деревянной коробке...

Он нашел прелестную коробочку из красного дерева, украшенную

ложным жемчугом, в которую с великими предосторожностями поместил шкатулку для пилюль.

— Dottore, и вы, мадам, эта шкатулка принесет вам счастье, — сказал он на прощание.

— Professore, вы остались без золотых часов, которые вам так нравились и стоили кучу денег, — обеспокоенно сказала Бьянка. — Вы в самом деле отдаете себе отчет в том, что вы делаете?

— Бьянка, эта шкатулка для пилюль бесценна! Носить «ролекс» может кто угодно. Механизм этих часов известен, и демонстрировать их на запястье — довольно пошло. А эта шкатулка, она волшебная! Механизм ее запора неизвестен, и я — единственный человек в целом мире, который ею обладает! Может, мне удастся раскрыть ее секрет! Этому нет цены...

Был уже час дня. Солнце нагрело стены узких каналов, откуда исходил запах лагуны и мускуса. Мы зашли в трагторию между Академией и Кампо Сан Вио. Несколько столов были сдвинуты вместе в тени садика, и мы заказали рыбу, зажаренную на гриле, под фриульское шардонне.

— Бьянка, — сказал я, — благодаря вам, это утро было сказочным. Как это вы можете все еще не верить в чудеса? Сначала — вещий сон. «Тсар а госс» и Сарагоса. Затем мы раскрываем трактат по арифметике, из которого вдруг узнаем о методе, позволяющем понять механизмы сознания, бессознательного и души, и, наконец, эта шкатулка для пилюль, которая знает свое содержимое и отказывается открываться, если в ней яд. У нее тоже есть душа! У вас есть объяснение всему этому?

Бьянка надолго замолчала. Мы ждали, пока пожарится рыба. Она вертела вилкой, водила ею по скатерти.

— Профессор, вы путаете совершенно разные вещи, и вы утратили одни из самых красивых часов в мире. Как вы теперь будете узнавать время? Во-первых, я полагаю, что связь между «тсар а госс» и Сарагосой, хоть и интригующая, но случайная. Это как раз то, что вы нам объясняли в прошлом году на Капри, насчет вещих снов. Во-вторых, надо еще хорошенько изучить эту арифметическую серафическую книгу, но это как каббала, которая никогда не позволяла раскрыть, что бы то ни было. В-третьих, у меня нет никакого объяснения этой шкатулке для пилюль, кроме того, что вы за нее заплатили слишком дорого! Надеюсь, что она будет и дальше функционировать... Я признаю, что это утро было странным, как и всё, что с вами в последнее время происходит. Вы читаете лекцию о душе и о пингвинах, вы привлекаете грабителей, вы приучаете голубей садиться вам на голову и собираете загадочные и каббалистические предметы. Когда

же, наконец, вы продолжите ваши опыты или напишете серьезную научную монографию о механизмах сновидений?

— Бьянка, я больше не могу. Я больше не верю в методы, которые использовал все эти годы. Искать локализацию функций в мозге — иллюзия. Разве некая функция располагается в какой-то определенной структуре, в четко очерченном ядре? Такая структура, такое ядро — анатомический миф. Ядро образуется миллионами различных клеток, содержащих различные нейротрансмиттеры, получающие информацию от своих отростков, дендритов, которые могут простираться очень далеко. Как узнать, что такая мифическая структура управляет какой-то функцией? Показать, что ее разрушение устраняет функцию? Грубейшая ошибка! Во-первых, само разрушение всегда больше разрушаемой структуры. Кроме того, удаление может вызвать изменение других функций, которые необходимы для нормального функционирования той функции, которую вы изучаете. Наконец, как вы докажете, что разрушение в другом месте точно также не подавляет вашу функцию? А ведь очевидно, что невозможно проделать ограниченные разрушения по всему мозгу.

— Однако с помощью генетики можно даже гены у мышей удалять, — возразила Бьянка.

— Конечно, это называется, «сделать нокаут» мышам. Десятки генов уже удаляли, но на сне это существенным образом не отразилось. Нет какого-то одного гена, ответственного за сон. Их сотни, а может, и больше.

— Но ведь можно в конце концов выяснить причину сна с помощью электрофизиологии?

— Эта идея — химера. Причина — везде и нигде, и, главное, она не появляется синхронно, то есть в одно и то же время, с засыпанием. Вот сейчас идет подготовка к нашему ночному сну (при участии, разумеется, прочих факторов). А само наше бодрствование поддерживается остатками предыдущих снов, и наоборот.

— Вы что же, в самом деле не верите, что не нашли бы ту книгу из Сарагосы, если бы не вспомнили сон-ребус? — спросила Бьянка.

— Кто знает? Мое бессознательное, быть может, поняло смысл послания о Сарагосе, и я взял книгу, написанную на испанском...

— Однако, согласно вашей же теории, ваш «близнец» должен был видеть во сне меня, чтобы пожелать разделить свои сны с моими, — заметила Бьянка.

— Несомненно, вы же знаете, что близнецам снятся одни и те же сны!

— Значит, я вам снилась?

— Да, но я не могу вам рассказать этот сон. Как-нибудь в другой раз...

Не время было опять настаивать на желаниях моего «двойника» и той надежде, которая меня вела вчера вечером к отелю. Я совершил непростительную оплошность, когда одним идиотским вопросом об этом проклятом онейрологе, чтоб ему пусто было, Санте де Санктисе, все испортил!

Траттория находилась возле музея Пегги Гуггенхейм, и косые лучи солнца падали на остатки нашей трапезы.

— Если вы не против, Бьянка, мы могли бы посетить музей. Вы увидите все особенности «сидячей» живописи, а мне не придется утомлять свою ногу.

Во дворе музея, выходящего на Большой канал, я показал Бьянке конную статую работы Марино Марини, называемую «Ангел цитадели».

— Вы слышали, Бьянка, о дискуссии насчет пола у ангелов? Венецианцы ответили на этот вопрос весьма элегантно. Сегодня этот ангел — мужчина. Взгляните-ка на член всадника. Этот пенис отвинчивается. В случае визита папы или кардиналов пенис снимается, и статуя становится бесполой... Вот так и определение сознания. На одних конгрессах настаивают на том, чтобы рассматривать эмерджентную, «выступающую» его сторону, почти не определяемое понятие духа, который есть везде и нигде. А на других — те же специалисты по когнитивным наукам показывают карты мозга, на которых сознание представлено в виде красных пятен на коре. Это то самое сознание, которое «проступило», как труп кальмара в водах Антарктики... Бьянка, я буду вас сопровождать в первых залах музея, а потом оставлю, предоставив рассматривать детали работ Мондриана, Кандинского и Поллока. А сам останусь здесь на этой скамье в центре зала, чтобы погрузиться в созерцание и дать отдохнуть моей бедной ноге, пока вы будете наслаждаться сюрреалистами. Особенно, «Антипапой» Макса Эрнста. Поприветствуйте-ка его от моего имени!

Когда Бьянка вернулась, было уже полшестого.

— Нам пора расстаться, я пойду за своим багажом в отель, — сказала Бьянка. — И мы встретимся в ресторане Барбакони в семь часов. Его хозяин — мой друг.

Он обслужит нас быстро и хорошо. И мы успеем на наш поезд в одиннадцать вечера.

Она написала на визитной карточке адрес ресторана и номер своего телефона. Я вложил ее в план Венеции, который сунул в карман пиджака.

— Ресторан недалеко отсюда. Садитесь на вапоретто номер один до моста Риальто. Сверните направо, и потом все время прямо. По дороге у вас будет время передохнуть.

И Бьянка ушла, помахав на прощанье рукой.

Я прибыл к мосту Риальто в половине седьмого. Нужно идти все время прямо по левому берегу. А в какую сторону? Я достал план Венеции; к несчастью, визитная карточка Бьянки исчезла! Должно быть, она выскользнула и упала, когда я засовывал план в карман. У меня больше не было ни названия ресторана, ни телефонного номера моей подруги. Вдобавок я забыл попросить у нее денег. У меня оставалось только десять тысяч лир. Даже часов нет, и ресторан с таким смешным названием! В самом деле, как же он называется? Ресторан «Барбари»? Я стал спрашивать дорогу. Il ristorante dei Barbari, la trattoria dei Barbari, prego... Никто ничего не знал. Идите прямо и сверните направо, говорила Бьянка. Но в какую сторону — прямо? Я дошел до площади Санта-Мария де Фария. Ristorante dei Barbari, la trattoria dei Barbari — безуспешно спрашивал я в каждом ресторане или магазине.

— No, l'Osteria degli Assassini<sup>[99]</sup>, — наконец-то предположил официант, раскладывая приборы на столиках. — Это прямо, метров пятьсот.

Вот чертова Бьянка, у этих женщин вечно мозгов не хватает, чтобы правильно оценивать расстояние! Еще целых пятьсот метров! Моя правая нога доставляла мне все больше и больше мучений. Я вынул шнурок из правой туфли. Нужно было срочно сменить обувь, но денег-то у меня не было. Тем хуже, придется возвращаться на мотоскафо...

Я добрался до Scala Cantarini del Bovolo, «лестницы-улитки», винтовой лестницы, где собираются все венецианские кошки. В каждый свой приезд я прихожу сюда, чтобы их поприветствовать.

— L'Osteria degli Assassini? — это там, — показала мне старуха-венецианка.

Наконец-то я у цели, но опоздал, поскольку некоторое время назад уже слышал семь ударов башенных часов. Бьянка, должно быть, заждалась. Это ведь последний наш вечер вместе...

Однако ее там не было. Нет, сказал мне хозяин, никто не заказывал столика на двоих. На ресторанных часах было уже полдевятого. Так, значит, это восемь, а не семь часов пробили часы на колокольне! Я присел, и хозяин принес мне antipasti. Что же делать? В этих ужасных туфлях я ни за что на свете даже шагу не ступлю.

И у меня не хватит денег, чтобы добраться до вокзала на мотоскафо. За вечернюю поездку надо заплатить по меньшей мере сто тысяч лир. Встретиться с Бьянкой — невозможно. Она давно должна была покинуть

отель. Во второй уже раз я горько пожалел, что не обзавелся мобильным телефоном. Я явно ошибся рестораном. L'Osteria degli Assassini ничуть не походит на ресторан «Барбари»... Нужно найти какое-нибудь тихое местечко и провести там ночь. Я вышел из ресторана в четверть десятого. Хозяин не взял денег за antipasti.

— La signora vi ha fatto un bidone<sup>[100]</sup>, — сказал он мне.

Я вернулся на лестницу-улитку, которая меня влекла, конечно же, из-за кошек. Присел на ступеньку, слабо освещенную фонарем, и снял туфли. Правая нога распухла и болела, а лодыжка была стерта в кровь. Вот проклятая обувь! Я поставил ее рядом. Но не мог же я, в самом деле, добираться до вокзала или ближайшего причала босиком! Я слышал шорохи кошек вокруг себя, но не видел их... Совсем стемнело. Вдруг я увидел в свете фонаря прямо перед собой пару белых кроссовок «Найк», которые шли прямо ко мне. Они остановились передо мной.

— Эй вы, что вы тут делаете? Это мое место! Убирайтесь отсюда.

Оторвав, наконец, взгляд от кроссовок, я увидел над ними выцветшие джинсы, грязную синюю майку и лохматую голову юноши-хиппи с длинными светлыми волосами. Он, однако, не походил ни на бандита, ни на наркомана.

— Простите меня. Я больше не могу ходить в этой обуви. Я предлагаю вам обмен. Я отдаю эти шикарные туфли, совершенно новые, стоящие три миллиона лир, за ваши разношенные кроссовки.

Парень-хиппи уселся рядом со мной. От него несло потом и марихуаной. Он снял кроссовки, взял мои туфли, осмотрел их, ощупал, примерил и присвистнул.

— Идет, — сказал он.

— Дайте я примерю ваши кроссовки...

Кроссовки оказались немного великоваты, но никогда еще я не испытывал подобного блаженства! «Ходить по облакам...» — как мне и обещал этот мерзкий обувщик из Абано...

— Отлично! Как вас зовут? — спросил я.

— Куки. А теперь проваливайте. Это мое место, я здесь сплю.

Он вытащил из ниши под лестницей большую картонную коробку и принялся раскладывать ее, сооружая нечто вроде ложа с капюшоном и навесом.

— Куки, а еще такой не найдется? — спросил я.

— Зачем?

— Я ее у вас арендую, только на одну ночь. Мне негде ночевать. Завтра я уйду...

Куки сделал пальцами недвусмысленный жест, показывающий, что он просит денег.

— У меня нет денег, Куки. Меня обокрали. Осталась только трость.

Он взял мою трость и живо открутил рукоять. Увидел содержимое и вновь присвистнул.

— Куки, можешь выпить виски и шартреза, сколько захочешь. Только дай мне постель.

Куки достал из-под лестницы еще одну огромную коробку и очень ловко начал сооружать из нее такое же спальное место.

— Кто вы? — спросил он.

— Я — французский турист, у меня нет денег, и я очень устал.

Он жадно глотнул виски.

— И вправду классный. Хотите косячок?

Я был так измучен, что даже не ответил. Скользнув в свое картонное убежище, я свернул пиджак и положил его под голову. Вонь от кошачьей мочи, столь сильная снаружи, на лестнице, здесь, в моей картонной обители, была смягчена запахом марихуаны. Скрючившись в своей коробке, Куки курил косячок и потягивал виски.

Я его не боялся. Что он мог у меня украсть?

Шкатулка для пилюль была в кармане, я ее чувствовал, а кроссовки я тщательно зашнуровал. Куки связал шнурки моих туфель и накинул их на шею. Завтра он их, конечно же, перепродает...

Было уже слишком поздно что-либо делать. Поезд уже ушел, унося с собой Бьянку, которая, должно быть, переволновалась. Теперь только спать и спать, милая Бьянка, когда я тебя еще увижу?

Просто спать, дать отдых ноге и спине...

«To sleep and with a bit of luck to dream»<sup>[101]</sup>, — сказал я про себя, закрывая глаза.

## Глава 13. La messa dei gatti<sup>[102]</sup>

### Среда, 17 сентября 1999 года

Самолет летел среди моря облаков, фиолетовых и серо-голубых, окаймленных оранжевыми отблесками, а позади него садилось солнце. Легко и ровно гудели моторы. Высота полета давно уже набрана. Это старый «Дуглас» или «Фоккер». Я зарылся лицом в мягкий и теплый мех шубы Муранеллы. Мы летим к ней. Но куда? Она мне не сказала. А кто это у меня с другого бока? Может, ее сестра, в такой же шубе? Или это моя собственная голова, отдыхающая в складках соболиного манто? Я счастлив, что наконец-то нашел Муранеллу. Одну или вместе с сестрой? Не знаю. Я хочу шевельнуть рукой, чтобы погладить ее по бедру, но не могу. Я парализован. Я чувствую покой, почти что счастье и радость. Это конец моей поездки. Я разгадал-таки тайну Муранеллы. Это даже важнее разгадки тайны сновидений. Но куда же мы все-таки летим?

Вдруг удар! Самолет погружается в облака и туман. Все становится белым. Моторы замолкают. Я резко просыпаюсь и кричу: «Мы падаем! Муранелла...»

— Да замолчи ты, старый придурок-француз, — бормочет по-английски хиппи, повернувшись в своей коробке. Это, наверное, когда он заворочался, мой сон оборвался, а кошки замолчали. Мое лицо в самом деле зарыто в мех пары котов, спящих рядом со мной. Они вновь принялись мурлыкать, и эти звуки отдавались в ушах, отражаясь от картонных стен моего убежища.

Я вышел из «синхронного» сновидения, во время которого мурлыканье и мех двух кошек были преобразованы моей «онейрической машиной» в звук авиационных моторов, картины неба и ощущение шубы Муранеллы.

Впервые мне снилась Муранелла. Муранелла или Муранеллы? Даже во сне я не могу этого узнать. Это было настоящее эротическое сновидение, судя по степени моей эрекции...

Оба кота явились ко мне, когда я спал. Привлеченные теплом моего картонного убежища, они его еще больше разогрели. Было так темно, что я их не видел. Я почесал голову тому, который спал справа. Уши его были порваны, нос изрезан царапинами. Один клык вырван. Его короткая шерсть склеилась в коросту на шее, а хвост был оторван. Это, должно быть, был

вожак стаи. Я назвал его «Дранный хвост». Я был весьма польщен тем, что он улегся спать и мурлыкал возле моей головы. Это свидетельствовало о том, что он считает меня своим другом. Когда я протянул руку, чтобы почесать ему живот, он прекратил мурлыкать и вцепился в нее когтями. Лучше его не трогать. Он зевнул, и мое убежище наполнилось запахом рыбы, еще более сильным, чем вонь от кошачьей мочи на винтовой лестнице снаружи. Моя левая рука гладила чей-то длинный мех. Это был кот или кошка, который безостановочно мурлыкал. Затем он стал облизывать мне лицо и голову. Я чувствовал, как его шершавый язык отдирает мои усики и упорно лижет проклятый красный нарыв на виске, уже начинавший меня беспокоить.

Я решил, что лучше проваляться здесь до рассвета, пока не проснется этот хиппи, Куки. Потом я пойду на рыбный рынок и попробую украсть несколько сардинок. Мне пришла в голову мысль провести тайную церемонию покаяния в память о тех бесчисленных кошках, что были принесены в жертву на алтарь нейрофизиологии во всех нейробиологических лабораториях мира. Мало-помалу, с большим трудом, мне удалось восстановить несколько фраз на латыни.

Я вспомнил молодость. В те времена месса еще читалась по-латыни. *Mea maxima culpa*. Понемногу стали всплывать какие-то обрывки из *Pater noster... debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris...* Вот это, должно быть, относится к покаянию... Кошкам, конечно, все равно, на каком языке к ним обращаются — хоть на латыни, хоть на китайском. Но все-таки лучше пусть это будет латынь, особенно, если мне удастся надеть кошачью маску и зажечь несколько свечей. Хиппи, думаю, будет не против — мне показалось, что он любит кошек.

Рассвет еще не наступил, когда внезапно, под воздействием какого-то таинственного сигнала, обе кошки разом меня покинули. Лестница *del Vovolo* загудела от кошачьего галопы и дикого мяуканья. Наверняка это Дранный хвост наводил порядок среди компании котов, ночевавших на ступенях лестницы или набежавших с окрестных улочек.

Над лестницей уже занималась заря, когда Куки вылез из-под тряпья, которым укрывался, и своего картонного убежища. Мои туфли все еще болтались у него на шее. Только теперь я заметил длинноволосую девушку, с которой Куки провел ночь. Она сидела рядом и расчесывала волосы. При более внимательном рассмотрении это существо оказалось мальчиком, подростком лет семнадцати-восемнадцати; он весь был разукрашен: в ушах — сережки, в крыльях носа — жемчужины. Это, значит, был дружок или партнер Куки.

— Привет, — сказал я. — Как спалось?

Он не удостоил меня ни ответом, ни взглядом. Я для него не существовал.

Куки раскурил два косячка, и один передал своему приятелю. Судя по запаху, это была хорошая марихуана.

— Хочешь? — предложил мне Куки.

— Нет, не сейчас.

Он сунул косяк в карман моего пиджака.

— А это кто? — спросил я, указывая на его приятеля.

— Мислав. Он югослав. Хороший парень.

Должно быть, серб. Поверх рубашки военного образца, цвет которой уже не определялся, он носил православный крест.

— Пойду поищу рыбы для кошек.

— Тогда поторопись, Пескерия открывается в половине шестого.

— А сейчас сколько? — спросил я.

У меня больше не было «ролекса». К счастью, я чувствовал «чертову пилюльницу» у себя в кармане. У Куки, разумеется, тоже не было часов. Розоватые отблески зари достигли уже самых нижних ступеней лестницы.

— Похоже, начало седьмого... — ответил он.

Мне нужно было добраться до моста Риальто. Моя трость исчезла вместе с серьгой и галстуком. Кто их взял? Я нашел только пластиковый пакет, который положил в карман. Проходя мимо витрины магазина, уже освещенной восходящим солнцем, я с трудом узнал себя в том бродяге, в какого превратился. От моих усиков почти ничего не осталось, особенно от левого, оторванного шершавым языком кота. Мятые брюки нависали на кроссовки без шнурков. Пиджака был покрыт пятнами и пылью, от него оторвался воротник. Да, я превратился в бродягу, но стал свободен и счастлив! Я присел на каменную тумбу и отодрал остатки усов. Я вспомнил роман Жоржа Дю Морье<sup>[103]</sup> «Питер Иббетсон». Питер встречается со своей возлюбленной Мэри только в сновидениях.

— Муранелла, — прошептал я, — с этого момента мы будем встречаться в моих снах.

Но где? Куда летели мы на этом самолете? Снова всплыли первые картины моего сновидения. Солнце садилось позади самолета. То есть на западе. Значит, мы летели на восток. В Восточную Европу. В Чехию? Венгрию? Россию? А соболье манто у Муранеллы? Снова Россия! Круг замкнулся. Еще один кусочек загадочной мозаики — русский — возник в этом сне, и все потому, очевидно, что мурлыкание котов вызвало онейрическую картину самолета, уносящего Муранеллу. И куда же ей было

бежать, если не в Россию?

Я нашел на дороге бечевку и попытался сделать из нее шнурки для кроссовок. Какое облегчение я испытывал, скинув эти шикарные туфли! Полицейский проводил меня подозрительным взглядом. Настоящие туристы находятся под защитой полиции, но я больше не был на них похож. Нужно соблюдать осторожность.

Я перешел по мосту Риальто, сверкавшему в отблесках восходящего солнца, отражавшегося в водах Большого канала, и, попав на правый берег, прошел вдоль Руга Орефичи до Фаббрике Веккье, где находятся фруктовые и овощные ряды. Туристы пока не попадались. Только старые венецианки расходились с полными сумками. Еще не наступили те вечерние и ночные часы, когда здесь появляются хорошенькие проститутки, которых я встречал во время моих прошлых приездов.

Наконец я добрался до Пескери, она напоминала какой-то средневековый зал, хотя была построена в начале двадцатого века. По счастью, там было еще темновато. Армады кошек собрались вокруг рыбаков, заманивавших первых покупателей. Никто за мной не следил. Я не был ни венецианцем, ни туристом, ни настоящим хиппи. Отчего бы не прикинуться старым художником, одним из тех чудаков, кто скорее с голоду помрет на берегу канала, чем покинет Венецию. Так что оказалось не трудно наполнить мой пакет сардинами и какими-то неизвестными мне рыбинами с горгоньей головой.

Затем я вернулся на мост Риальто, перешел на другую сторону канала и пошел бродить по маленьким улочкам в поисках лавки, где продают маски для туристов. В конце концов мне удалось раздобыть довольно красивую маску в виде кошачьей головы, которую я сдернул с вешалки и спрятал под пиджаком. Мне показалось, что никто меня не заметил. Это была кража. Сначала кража сардин, теперь кража маски. Не пора ли с этим покончить? Но ведь у меня украли все деньги и паспорт! И перед церемонией покаяния я сам себе отпустил все грехи. Я-то ведь воровал ради кошек, это бескорыстное воровство!

Улочки, ведущие к Палаццо Контарини, стали наполняться туристами. Я приостановился у церкви Санта-Лючия, возле Дворца Гримани. Я так хотел есть, что проглотил половинку сырой сардины. Чтобы заглушить голод, я закурил было косячок, но закашлялся. Часы на башне Санта-Лючия пробили половину десятого. Пора было вернуться на мою винтовую лестницу, пока там не появились гаттаре — старухи-венецианки, ежедневно кормившие кошек. Мне хотелось провести эту церемонию покаяния по возможности без свидетелей.

Вдруг на маленькой улочке Санта-Лючия я заметил силуэт Муранеллы. Она быстрым шагом уходила от меня. Та же походка, те же джинсы, та же рубашка, те же светлые волосы. Я побежал за ней, неловко пробираясь среди туристов, и, прихрамывая, с бьющимся сердцем, догнал ее. Тут она остановилась, обернувшись к витрине магазина роскошных кожаных сумок, и я наконец-то смог увидеть ее лицо. Увы! Оно было банальным, невыразительным, безо всякого макияжа, и принадлежало какой-то женщине лет двадцати пяти — тридцати. Похоже, Людвиг Манн был прав. Мне теперь повсюду чудятся Муранеллы! Эта женщина с любопытством взглянула на меня и, несомненно, смущенная моим преследованием, презрительно пожав плечами, удалилась.

Когда я добрал до Скала Контарини дель Боволо, лестница уже была занята десятками кошек. Куки и его дружок поджидали меня, сидя на нижней ступеньке и покуривая косячки. Погруженные в свои грезы, они не обратили на меня никакого внимания.

Нужно было действовать решительно. Несколько старух-гаттаре уже семенили сюда с провизией для кошек; они несли молоко, остатки мяса, рыбы, паштета.

— Fissa, fissa<sup>[104]</sup>, — позвал я хиппи.

Как ни странно, это заставило их очнуться.

— Please, Куки, найди свечи и зажги их. Церемония начинается.

Я надел кошачью маску и стал бросать сырую рыбу перед собой, на первые три ступени лестницы.

Что тут началось! Я и представить себе не мог, какая развернется титаническая битва, руководимая вожаками стай, среди которых Драный хвост играл одну из главных ролей. И только потом посмели приблизиться к рыбе другие кошки, в их числе: хромые, одноухие, одноглазые, трехлапые, облезлые, брошенные и истощенные котята, паршивые, беременные, недоношенные и полностью деклассированные; ангорские, персидские, эфиопские, сиамские и бирманские, и конечно же, несколько настоящих венецианских кошек из водосточных труб, сориани, чья генеалогия восходит, возможно, к эпохе Казановы. Мой запас рыбы был быстро уничтожен...

Я с трудом опустил на колени и начал низким голосом: *In nomine Deus sive Natura...* После этой ссылки на Спинозу я быстренько прочитал покаяние, начертанное мною на обратной стороне инструкции к презервативам, подобранной возле церкви Святой Анны.

— Кошки Венеции! Я обращаюсь к вам, представителям всего мирового кошачьего сообщества, чтобы приветствовать вас и покаяться

перед вами от лица всех физиологов. Покаяться за все те несчастья, боль и лишение сна, которые мы вам причинили. За лишение сновидений. Все это делалось во имя науки и во благо человечества. Теперь, полагаю, с этим покончено. Отдохните под солнцем и примите эти сардины в знак нашего раскаяния, нашей дружбы и нашего покаяния.

Рыба кончилась, кошачьи драки прекратились, и на лестнице стало подозрительно тихо. Что-то необычное происходило за моей спиной. Я обернулся — на маленькой площади было черным-черно от народа. Старухи-гаттаре молча показывали на меня пальцами и грозили кулаками. Оба моих служки просто окаменели. Сняв маску, я сразу понял, в чем дело: трое полицейских, сержант и два унтер-офицера из Guardia Civile<sup>[105]</sup>, с револьверами на белых ремнях, стояли за моей спиной на нижних ступенях лестницы. Они не улыбались!

В толпе я заметил туриста, которого уже как-то видел на сорок первом вапоретто. Он щелкал фотоаппаратом со вспышкой и снимал на видеокамеру. Следовало побыстрее выпутаться из этой истории. К счастью, сержант говорил и по-французски, и по-английски.

— Ваши документы, prego, — обратился он ко мне.

— Извините меня, господин офицер, но все мои документы, мой паспорт, мой бумажник и мои кредитные карточки у меня украли вчера утром на площади Сан-Марко. Вчера в полдень я даже отнес заявление в комиссариат.

В это время полицейские обыскивали обоих хиппи. Нашли косячки и, увы! — кокаин. Значит, это были мелкие дилеры, известные полиции! На запястьях у них уже были наручники.

— Prego.

Сержант внимательно меня обыскал, но остался ни с чем: недокурный косячок, голова от сардины, купюра в десять тысяч лир и шкатулка!

— Она пустая, — сказал я ему.

Он недоверчиво посмотрел на меня и понюхал содержимое шкатулки.

— Кокаин? — спросил он.

— Отнюдь нет. Я приобрел ее вчера у антиквара на Дзаттере.

— Но ведь вчера у вас уже не было денег?

— Точно так. Я ее обменял на свои часы. На золотой «ролекс».

Похоже, он мне не поверил. Его больше заинтересовали мои новые туфли, болтающиеся на шее у Куки.

— Неужели вы думаете, что я вам поверю, будто вы обменяли эти изумительные туфли, совсем новые, на старые кроссовки? Какую услугу вы

попросили у этих двух хиппи? Следуйте за мной, prego.

Он не надел на меня наручники, но мне пришлось следовать за обоими хиппи до полицейского мотоскафа, пришвартованного на канале Санта-Мария. Я обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на старого бесхвостого кота и попрощаться с ним. Но он исчез.

Мы прибыли в центральный полицейский участок у вокзала, где меня заперли на ключ в маленькой комнатке. Я почувствовал первые признаки приближающегося состояния дежа вю, вызванного, несомненно, тем, что я просто умирал от голода. Нужно было найти Бьянку, которая сможет хотя бы частично подтвердить мои показания. Но, к несчастью, все касающиеся ее сведения записаны в украденном блокноте.

Французское консульство? Но я уже давно, при всех своих многочисленных путешествиях по белу свету, не испытываю ничего, кроме ужаса, от консульств и посольств разных стран.

Позвонить домой? Но как объяснить семье подобные приключения? Полицейские-то, конечно, с радостью расскажут домашним мою историю. Но я должен сделать все, чтобы сохранить в тайне неприятную сторону этой поездки — и от своей семьи, и от научной и медицинской общественности Лиона.

Я позвонил в отель «Теодорих»: профессор Манн вернется только к вечеру.

Наташе звонить не хотелось. Я помнил, что она опасалась полиции. Офицер долго говорил по телефону с портье гостиницы. Насколько я понял, он описал меня как гомосексуалиста-наркомана, который, возможно, украл документы, деньги или часы у профессора Жуве.

Наконец он связался с комиссариатом на площади Святого Марка. Однако мои приметы бродяги совсем не соответствовали элегантному респектабельному господину с золотыми часами, эбеновой тростью и, в особенности, с усиками.

Полицейские с площади Сан-Марко также не опознали моей фотографии, присланной по факсу из комиссариата.

Мне принесли сэндвич, и я почувствовал себя немного лучше.

Кому же позвонить? Моему другу профессору М. из Неаполя? Боюсь, что он секрета не сохранит и всем расскажет эпизоды из моей столь захватывающей истории. Она достаточно скандальна, чтобы вычеркнуть меня из jet-set<sup>[106]</sup> онейрологов. Похожие приключения, истинные или вымышленные, происходили с некоторыми моими друзьями в Соединенных Штатах. Так их подвергали остракизму десятки лет!

— Вы знаете, — вдруг сдуру ляпнул я полицейскому, который

вернулся, чтобы продолжить допрос, — а ведь я знал многих знаменитостей в вашей стране! Я пожимал руку президенту Андреотти, когда он принимал меня во дворце Квиринале, встречался с кардиналом Ратцингером на симпозиуме по сознанию, организованном Ватиканом лет десять назад.

— А почему не с папой? И самим Господом Богом? — ответил офицер.

Он поднялся и прошел в кабинет, где его комментарии были встречены громовым хохотом. Я сумасшедший, matto, completamente matto!<sup>[107]</sup> Нужно срочно звонить психиатру. Может, хоть это даст мне шанс выпутаться?

Через час полицейский вернулся. Он глянул на меня с любопытством и стал разговаривать как с больным.

— Вы обвиняетесь в следующих нарушениях закона:

— бродяжничестве. У вас нет ни документов, ни денег, ни дома;

— краже (есть свидетели того, что этим утром вы украли маску);

— посягательстве на мораль и религию. Вы устроили сатанинскую мессу на латыни перед кошками;

— сексуальном правонарушении. Вас видели спящим с двумя явными гомосексуалистами;

— хранении марихуаны и, возможно, кокаина.

Все это вместе взятое тянет на один-два месяца тюрьмы. Но мы запросили проведение психиатрической экспертизы. Если психиатр подтвердит, что вы, как мне кажется, находитесь в ненормальном состоянии, то вас препроводят в отделение неотложной психиатрической помощи городской больницы Венеции.

Что я мог ему сказать? У меня вновь возникло ощущение дежа вю, и вид был явно ненормальный, но он-то думал, что я просто наркоман!

Психиатр доктор Луко пришел только к восьми вечера. Это был маленький, пузатый, плешивый и краснолицый человечек лет сорока. Он сказал полицейским, что очень спешит — его ждет важный пациент. К счастью, он говорил по-английски. Он быстренько прочитал протокол моего допроса.

— Итак, вы утверждаете, что вы врач.

— Да, господин доктор. Профессор университета.

— Профессор — чего?

— Нейробиологии.

— Можете называть меня профессором. Вы невролог?

— Не совсем, профессор. Я занимаюсь изучением сна.

— Сна у кошек, — прочитал он в протоколе.

- Да, знаете, профессор, я изучаю, в частности, парадоксальный сон.
- А что это такое?
- Парадоксальный сон, или REM-sleep. Он представляет собой реализацию сновидений.
- Сновидений у кошек?
- Да, профессор. Кошки тоже видят сны!
- Никогда не слышал ничего подобного. Это несерьезно! Вы сами-то хорошо спите?
- Нет, не очень.
- А снотворными пользуетесь?
- Некоторыми бензодиазепинами<sup>[108]</sup>.
- А кокаин или марихуана?
- Никогда.
- Итак, вы обменяли великолепные новые туфли на старые кроссовки?
- Да. У меня грыжа диска, профессор, и мне трудно ходить.
- Вы не находите, что ваша история несколько необычна для французского профессора? Вряд ли кто-то в нее поверит.
- Она необычная, но это правда, но, но...
- Но — что?
- Наиболее распространенные снотворные и успокоительные средства, типа элениума и проч.
- У меня некоторые проблемы с мозгом, с моей психикой. Я испытываю ощущение дежа вю, своего рода зрительные галлюцинации.
- Что еще?
- Я предвижу события, вижу их до того, как они происходят.
- Как любопытно!
- Он внимательно меня осмотрел и заметил красные папулы на виске и затылке.
- И давно у вас эти припухлости?
- Только с неделю.
- Вам обязательно нужно сделать анализ крови.
- Он, должно быть, подумал, что у меня сифилис или признаки СПИДа, но я и сам не знал, с чем это связано, и был озабочен...
- Он продолжил чтение протокола.
- О, да здесь написано, что вы знакомы с Андреотти, папой и кардиналом Ратцингером! Несколько странно для человека, который вызывает дьявола, чтобы приветствовать кошек! Вы не находите?
- Это довольно трудно объяснить. Я не вызывал дьявола. Это было

покаяние, даже папа теперь это делает.

— Подождите минутку...

Он ушел, чтобы написать направление. Я легко мог догадаться, что он там пишет. Зрительные галлюцинации и делирий у семидесятилетнего больного, возможно, ВИЧ-инфицированного, наркомана и, вероятно, гомосексуалиста. Необходимо сделать анализ крови.

Он вернулся через полчаса. Ему удалось разыскать место в больнице общего профиля в Венеции.

— Как вы сами мне сказали, ваше психическое здоровье и физическое состояние не в лучшем виде. Вы будете госпитализированы на несколько дней в специализированное отделение, одно из лучших, в городской больнице общего профиля. Скоро за вами приедут санитары. Завтра я вас навещу. Ах нет, это же будет суббота... Я к вам зайду в понедельник. До свиданья, *dotto*re, — и он вышел, почему-то подмигнув мне на прощание, чего я не понял.

Я ждал санитаров до десяти вечера. Тут дело пошло живее. Подписи, снова подписи. Трое полицейских ушли, их сменила новая команда. Ночной патруль. Они принимали меня за сумасшедшего, наркомана или гея или и то, и другое, и третье в одном лице. Перед уходом я снова тупо искал свою трость, но не забыл захватить «пилюльницу».

Трое санитаров исподтишка следили за мной, пока мы гнали полным ходом на больничном мотоскафе с включенной сиреной и бортовыми огнями. Струя за кормой сверкала в свете луны, и волны от катера скакали по заплесневелым стенам канала.

Около полуночи мы прибыли в городскую больницу. Меня напугало воспоминание о гробе, который оттуда выносили и чуть не уронили в воду. Когда же это было? Кажется, будто целый месяц прошел. Я что, тоже так буду покидать эту больницу?

Пришлось разбудить дежурного врача. Он был не в духе.

— Поместите его в номер 320, — распорядился он.

Отдельная палата с койкой — какое счастье! Окно с толстыми решетками. Я разделся, и на меня натянули длинную льняную рубашку.

— Ложитесь!

Вошла ночная сиделка. Настоящая венецианская мамаша — *tat*ta, маленькая, толстенная, усталая, но улыбающаяся. Она наклонилась надо мной:

— Nonno, vi faccio fare una grossa dormita<sup>[109]</sup>.

И она, вонзив иглу в вену моей руки, ввела в нее все содержимое большого шприца...

## Глава 14. Венецианское метро

### Суббота, 18 сентября 1999 года

Нужно было бежать отсюда, и немедленно. Я чувствовал, что связан по рукам и ногам, и понимал, что меня собираются под покровом ночи бросить в канал. Мне удалось вылезти из постели и освободиться от моих оков. К счастью, дверь в палате оказалась незапертой. В голубых отблесках луны я прошел по длинному коридору до перехода, соединяющего два северных крыла больницы. Тут я решился прыгнуть в бездну и пролететь до набережной. Легко и приятно было парить теплой венецианской ночью. Это определенно был не сон. Чтобы убедиться, что я бодрствую, я стал громко перечислять названия районов северной Италии: Валле д'Лоста, Лигурия, Пьемонт, Ломбардия, Венеция, Трентино-Альто-Адидже, Фриули-Венеция-Джулия. Я сделал последний looping<sup>[110]</sup> и приземлился за причалом для вапоретто. Выйдя на набережную, я увидел четыре темные тени, похожие на огромных птиц. Это были люди, мужчины или женщины, одетые в большие черные балахоны или тоги с длинными рукавами, в черных масках с большими клювами. Эти громадные птицы, увидев мое приближение, затрясли головами, и тени от их клювов запрыгали по стене больницы. Они раздвинулись, чтобы меня пропустить. Один из них положил мне руку на плечо и предложил черную тогу и маску.

— Наденьте тогу и маску. Сохраняйте молчание. Мы поедem на метро до кладбища Сан-Микеле. Ступайте за мной!

Он направился к правой стороне пристани и нажал там на рычаг, столь искусно скрытый, что он казался частью самой конструкции. Тут я увидел, что из воды к нам медленно поднимается большой черный цилиндр. Он достиг уровня наших глаз, выступая над поверхностью воды метра на три. Цилиндрическая дверь повернулась и открылась. Я последовал за четырьмя черными птицами и осторожно спустился по внутренней стороне трубы, цепляясь за перекладины лестницы. Я проник в подводное сооружение: это был огромный цилиндр метра два в диаметре и метров пять длиной, едва освещаемый зеленым светом, исходящим из двух больших стеклянных иллюминаторов, расположенных спереди и сзади. Один из людей-птиц, видимо главный, закрыл внутреннюю часть цилиндра и входной шлюз. Мы молча присели на сиденья.

Послышался характерный шум от поступающего воздуха, журчание

воды, и внезапно меня отбросило назад на спинку сиденья. Наш корабль резко отшвартовался. Он бесшумно заскользил в длинном металлическом туннеле, увлекаемый давлением воды, бившей ключом позади нас, по направлению к выходу, который только что открылся в туннеле.

— Наш вагон скользит в туннеле, как поршень в шприце. И никакого шума. Все смазано китовым жиром, — объяснил мне главный из птиц.

— А куда мы направляемся? — спросил я.

— В самый центр кладбища Сан-Микеле. Туннель приведет нас к большой гробнице. Сами увидите. Это метро — сверхсекретное. Оно не обозначено ни на одной карте Венеции. Предназначено для спасения узников, заключенных в этой больнице специально с целью проведения опытов над людьми, совершенно бессмысленных с научной точки зрения...

В то время, в XVIII веке, когда это метро было построено, проводились тайные опыты по изучению человеческого электричества. Физики и физиологи той эпохи использовали свежие тела обезглавленных людей, причем часто молодых и здоровых — это были патриоты, приговоренные к смерти. С помощью батарей Вольта ученые пытались вызвать движения глаз и гримасы у изолированных голов... В те времена и были построены эти подземные ходы, и многие заключенные смогли бежать по трем линиям метро: Арсенал, Гетто и кладбище.

— Увы, — продолжала черная птица, — опыты на людях в этой больнице ведутся и в наше время. Проводятся пересадки органов, и даже мозга! Так что вы поступили совершенно правильно, столь чудесным образом улетев оттуда... «Они» извлекли бы ваш мозг, а тело бросили в воду...

Вдруг меня бросило вперед. Наш вагон замер. Главный снова открыл шлюз, и мы вошли в цилиндр для выхода, верхний край которого открывался в большую гробницу. Черные птицы поднялись раньше меня, и когда я вышел на поверхность и снял маску, они уже исчезли. Я слышал возле себя шум воды, бившей из многочисленных фонтанов и журчавшей в колодцах вокруг гробницы, — воды, толкавшей нас от больницы. Наконец я покинул гробницу. Это был настоящий монумент, напоминающий Парфенон в миниатюре.

К своему удивлению я обнаружил, что очутился на островке, расположенном посреди большого, заросшего гигантскими кувшинками пруда, осененного ивами. Воздух был свеж, влажен и пропитан запахом гниения. В конце концов я нашел выющуюся меж гробниц тропинку, вымощенную большими круглыми влажными камнями, которая вывела меня на берег моря. Тут я споткнулся о цепь, перегораживавшую тропинку,

и рухнул на землю...

— Nonno, siete come un diavolo dentro una scatola!<sup>[111]</sup>

Венецианская мамаша, ранее погрузившая меня в сон своим уколом, теперь меня разбудила и сняла ремень, которым меня связали. Она сказала, что я так беспокоился спал, что пришлось поставить перегородки по бокам моей койки, чтобы я с нее не свалился.

— Вот проклятые лекарства!

Конечно же, она вчера ввела мне коктейль, взаимодействовавший с эндорфинами, — я их поглощал всей своей кожей целых десять дней во время грязевых ванн. Такая смесь, возможно, и вызвала этот длинный сон, столь яркий и странный.

Я поднялся и, пошатываясь, побрел, чтобы глянуть через зарешеченное окно. Солнце стояло уже высоко, и туман над морем почти испарился. Я заметил внизу вапоретто, который отшвартовывался от причала, поднимая винтами белую пену и всю грязь из канала. Мне показалось, что справа от него на уровне моря промелькнул какой-то цилиндрический силуэт.

Могло ли на самом деле существовать метро в Венеции? Или же это лишь плод моего онейрического воображения? Наклонившись, я разглядел справа от меня переход, соединявший два крыла больницы на уровне третьего этажа, где я находился. И никаких дверей, лишь застекленные проемы. Как же это я смог прыгнуть в бездну и полететь? Это ощущение полета во сне, столь близкое к реальности, дало толчок чудесному онейрическому путешествию в воображаемом венецианском метро. Внимание, опять вещие сны! — сказал я сам себе. Надо бы мне порыться в старых книгах и поискать старинные планы Венеции XVIII века. Не исключено, что катакомбы действительно существуют. Венеция ведь покоится на миллионах деревянных свай. Но что под ними? А эти опыты над обезглавленными людьми? Ведь все это было на самом деле, я вспомнил, что читал об этих жестоких экспериментах в книге Альдини.

Я снова прилег на койку и закрыл глаза. Некоторые аспекты этого длинного сновидения легко объяснимы: несомненной причиной сна о побеге было охватившее меня прошлым вечером беспокойство и страх быть брошенным в воду. А как еще можно было выбраться из этой клетки, если не улететь? Ощущение полета не так уж редко встречалось в моих снах. В моей онейротике таковых было около полусотни, то есть чуть меньше одного процента. Такие сны почти всегда сопровождались «рефлексивным сознанием». Чтобы доказать самому себе, что я не сплю, я производил в уме вычисления, порой довольно сложные, читал стихи, или

же, как минувшей ночью, перечислял названия разных областей Италии.

А эта подводная лодка, скользившая в трубе? Ведь это фаллический символ и даже, может, коитальный. Однако в моем сне не было женских образов! И наконец, эта тема опытов на отрубленных человеческих головах. Научный идиотизм! Так мое бессознательное, должно быть, отразило в этих образах теперешнее мое полное отрицание объективного физиологического подхода к мозговым феноменам. Это иллюзия, и я уже развеял ее в ходе моей недавней лекции в Венеции...

Я попытался вновь пережить эти ощущения отправления, скольжения и прибытия, которые испытал во время сновидения. Были ли они связаны с головокружением, предшествующим приступам дежа вю? Было ли это нарушением работы вестибулярного аппарата? А почему бы и не нарушением гиппокампаляного тета-ритма во время сновидения? Почему нет? И тут я снова заснул.

Проснулся я от ощущения тепла на лице. Яркий свет проникал сквозь мои веки. Я открыл глаза. Палата была полна солнцем. Как это может быть, если мое окно выходит на север? Я прищурился и увидел, что на окне нет решеток! Оказывается, пока я спал, меня перевезли на койке в другую палату с голубыми стенами. «Похоже, все устраивается, — подумал я. Теперь-то уж меня в канал точно не станут выбрасывать!»

Я заметил также, что на стуле лежит моя сложенная одежда, и немедленно убедился, что «чертова пилюльница» по-прежнему находится в брючном кармане — моя единственная удача! Когда я одевался, в дверь постучали, и в палату вошла молодая женщина: высокая брюнетка лет тридцати пяти — сорока с орлиным носом, карими глазами, с черным шиньоном, элегантная, интересная, но строгая. Она была в белом халате и держала в руке мою историю болезни. (Вот где расписаны в деталях все мои приключения, подумал я.)

— Профессор Жуве, — сказала она, — большая честь вас встретить. Я доктор Оливия, ассистентка профессора Паоло П.

— Сожалею, что вынужден встречать вас в таком виде, — ответил я. — Также заранее прошу меня извинить, если скажу что-нибудь не то, я, должно быть, все еще нахожусь под воздействием вечерней инъекции.

— Это был коктейль из транквилизаторов, антидепрессантов и галоперидола. Никто не может перед ним устоять, — подтвердила она. — Я знаю, что вы очень беспокойно спали.

Она заглянула в мою историю.

— Если вас не затруднит, то мы вам сделаем сканирование, и я полагаю, что вы захотите выписаться как можно скорее. Однако я должна

предложить вам общее неврологическое обследование, чтобы быть уверенными в том, что... Надеюсь, вы меня понимаете.

— Чтобы быть уверенными, что я не наделаю глупостей... Уверю вас, что этого не будет. Я стал жертвой череды нелепых случайностей, начавшихся с того, что у меня украли документы и деньги.

И я растянулся на койке.

— Прего, исследование глаз — в порядке, нистагма нет. Светодвигательный рефлекс — в норме. Сухожильный рефлекс — в норме, кроме правого ахиллесова сухожилия. Застарелая грыжа диска? Можете встать и пройтись? С закрытыми глазами.

Конечно, меня слегка покачивало.

— Все из-за этого чертового укола, — сказал я.

— Все прекрасно! — резюмировала она. — Дело в том, что мой коллега, который вас обследовал прошлым вечером, написал медицинское заключение, чтобы вас отпустили из полицейского участка и направили на срочную госпитализацию. Для этого ему пришлось преувеличить некоторые симптомы, вот почему мне нужно теперь дать новое заключение, что вы стали абсолютно нормальным. Это нужно для...

Она покраснела.

— Для полиции, — угадал я. — Конечно, я возмещу стоимость маски, как только у меня будут деньги. Что до всего остального, то я не был ни наркоманом, ни богохульником... Понимаете, ведь это было вполне логично — попросить прощения у кошек... Вы любите кошек?

— Я обожаю кошек, — ответила она. — Я член общества «Динго», Венецианской ассоциации защиты кошек. У меня дома два кота, настоящих венецианских, сориани. Это большие тигристые кошки с Востока, из Сирии. Они классные охотники на мышей и крыс, однажды такие кошки даже спасли Венецию от чумы. Они независимы, но ласковы и преданны. Я вас понимаю. Думаю, ваши дела с полицией будут улажены. Одному весьма влиятельному лицу удалось изъять все жалобы на вас, — сказала она с таинственным видом.

«Да это, конечно же, Людвиг Манн. С каких это пор он стал таким влиятельным?» — подумал я.

— Мой шеф профессор скоро придет вас навестить. Он хотел бы поговорить с вами. Он выдаст вам индульгенцию, — добавила она, улыбаясь. — Вам ничего не нужно?

— Нет, спасибо. Только позвонить в Монтегротто. (Я не осмелился попросить у нее несколько десятков тысяч лир, чтобы купить билет. Может, профессор мне сам предложит?) Надо также оплатить мое пребывание в

больнице. К счастью, я помню наизусть номер моей медицинской страховки.

— Не беспокойтесь об этом. Все в свое время. Отдыхайте. Похоже, вы в этом нуждаетесь. Надеюсь, вы сохраните хорошие воспоминания о нашей больнице. ArrivederLa<sup>[112]</sup>.

Я растянулся на койке и моментально заснул. В час дня меня разбудили и принесли еду. Салат из помидоров и спагетти.

Голода я не чувствовал из-за отвратительного лекарственного привкуса во рту... Несомненно, это был галоперидол, входивший в коктейль. Вышел в коридор позвонить в Монтегротто. Профессора Манна не было. Сообщил, что приеду часам к восьми вечера, а завтра возвращаюсь во Францию. Выпил еще полбутылки минеральной воды «Кайзервассер» и сел в кресло, дожидаясь визита профессора.

— Prego, Professore, scusi<sup>[113]</sup>, я вас разбудил.

Подошедший ко мне профессор Паоло П. обнаружил, что я вновь заснул. Это был высокий элегантный человек лет шестидесяти, сидящий и очень загорелый. Его зеленые глаза сверкали из-под золотых очков. На нем был серый костюм-тройка с синими полосками, голубая рубашка с золотыми запонками на манжетах, изумительный галстук — синий с зелеными полосками, того же цвета платочек, золотые часы и, бог ты мой — туфли от Феррагамо! Мои туфли! Те самые, которые я отдал Куки. Неужели они попали к нему из венецианской полиции? Профессор был без халата, и вряд ли его радовало, что ему пришлось посетить меня в субботний вечер. Я, должно быть, испортил ему все выходные. Но он не подал виду и все время оставался безупречно вежлив.

Разумеется, вся эта история достойна сожаления. Если бы они узнали об этом раньше, меня бы поместили в более комфортабельную палату. Я заверил его, что ночь прошла очень хорошо и что я высоко ценю их усердие и ту заботу, которой меня окружили.

— Один ваш... друг, как я думаю, Людвиг Манн, венский геронтолог, которого я тоже знаю, рассказал и объяснил мне ваш случай, такой необычный... такой странный... вы не находите?

— Это просто череда роковых случайностей — ответил я. — Мне дьявольски не повезло. Я потерялся в Венеции без документов и без денег и не мог ходить!

Череда случайных неудач, ну разумеется... Он понимает... Он сочувствует. Все уладится. Венецианская полиция чересчур бдительная, но скоро мое досье будет закрыто...

Наступило долгое молчание.

Тогда, чтобы разрядить атмосферу, я заговорил о Венеции, «прекраснейшем городе мира». Я бы приезжал сюда снова и снова... это столица моих снов...

— Я живу в Венеции, — доверительно сообщил он. — Этот город медленно умирает, его население неумолимо стареет.

Он еще помолчал. Казалось, он о чем-то думает.

— Согласно профессору Манну, ваши проблемы начались дней десять назад, не так ли? Вы сильно изменились?

Я попытался представить себе, что Людвиг Манн мог ему наговорить. Что у меня «синдром раздвоения личности», типа доктора Джекила и мистера Хайда?

— Сейчас я абсолютно нормален, — подтвердил я.

— Вы помните все события этой недели?

Я-то все прекрасно помнил, но нужно было ему подыграть...

— У меня на самом деле были большие провалы в памяти. Но теперь всё в норме.

Опять наступило долгое молчание. Он продолжал развивать ту же тему...

— Ваш случай, профессор, очень интересный, очень редкий, надо бы понять его причину!

— *Causa incognita*<sup>[114]</sup>, — ответил я.

— Вы так в этом уверены?

— Может, это эндорфины, которые образовались у меня в организме во время грязелечения в Монтегротто, — неосторожно ляпнул я.

В его глазах сверкнуло озарение.

— У вас брали вчера кровь на анализ?

— Полагаю, да.

— Тогда мы поищем в ней эндорфины! У нас есть суперсовременная биохимическая лаборатория.

«Бог ты мой, — подумал я, — когда же меня оставят в покое! Он теперь захочет сделать еще анализ крови, потом анализ мочи...» Я вспомнил, как эта старая венецианская мамаша вчера вечером уговаривала меня помочиться в баночку. *Nonno, pipì prego.*

— А что вы думаете об электроэнцефалографическом исследовании?

— Оно ничего не покажет, — сказал я. — После того коктейля, который в меня влили вчера вечером, мой мозг выдаст быстрые ритмы, специфичные для бензодиазепинов, смешанные с медленными волнами, вызванными антидепрессантами! Настоящий ребус для

электроэнцефалографиста.

Снова воцарилась тишина. Профессор пристально разглядывал свои ухоженные ногти, свои туфли, потом резко повернулся ко мне, пряча взгляд.

— Простите меня, если я задам вопрос, который может вам показаться бестактным, слишком личным, но я задаю его как психиатр, это останется врачебной тайной. Это изменение личности, если можно так его назвать, оно повлияло на вашу личную жизнь? Я имею в виду, половую? На вашу сексуальную ориентацию, выбор партнеров. Надеюсь, вы меня понимаете. Ваша ночная встреча с двумя геями, обмен обувью. Вы понимаете, что я хочу сказать. Такое бывало с вами и раньше? Разумеется, все это останется между нами, уверяю вас.

«Проклятье! — подумал я. — Я же не спрашиваю, где он раздобыл мои туфли!»

— Должен вас разочаровать, дорогой коллега. В этом отношении все осталось по-прежнему. Та встреча произошла случайно. Мы не делили одного картонного ложа! Меня всегда привлекали только женщины — вчера, сегодня и, надеюсь, завтра. Хотя, должен признаться, общество гомосексуалистов иногда бывает более приятным, чем некоторых гетеросексуалов-мачо. Однако даже во сне мои сексуальные партнеры — всегда только женщины. Иногда очень молодые, это правда.

«Бог ты мой, — вдруг пронеслось у меня в мозгу, — а ведь поездка в этом метро в моем сновидении минувшей ночью, которое ходит, как поршень в шприце. Разве это не сон о содомии?»

Профессор был явно разочарован. Он еще раз посмотрел на носки своих туфель и прошептал:

— Раздвоение личности, раздвоение личности! А я вижу, что вы стали настоящим профессором Жуве.

У него появилась идея, показавшаяся ему гениальной.

— Может, это результат вчерашней инъекции. Этот коктейль, который вам ввела моя ассистентка, способствовал вашей реинтеграции в исходную личность, не так ли?

— Chi lo sa? — осторожно ответил я.

Он снова посмотрел на свои часы, золотую «омегу».

— К сожалению, должен вас покинуть. Может, еще увидимся? Кто знает? На каком-нибудь конгрессе...

Я тепло поблагодарил его, и мы вежливо распрощались.

После его ухода я опустошил еще бутылочку минеральной. Было пять часов вечера. Во всех больницах выписка осуществляется до полудня,

особенно по субботам. Кого бы мне найти, кто мог меня оформить?

Я прогулялся по отделению и наконец наткнулся в ординаторской на двух санитаров, живо обсуждавших футболиста, цветные фото которого украшали спортивный журнал. È così bellissimo! È così erotico!<sup>[115]</sup> Я попытался объяснить им, что хочу уйти.

— Camera trecentuno<sup>[116]</sup>.

— Trecentuno?

Моей фамилии не было ни в журнале, ни в компьютере. Казалось, никто не знал о моем существовании. Я был невидимкой.

В конце концов одна санитарка объяснила мне, что нужно пройти в администрацию, на первый этаж. Однако на выписке никого не было. Естественно, поскольку все они уходили еще до полудня. Я заметил только огромного кота, венецианского сориано, спавшего на подоконнике. Посетители уже начали покидать больницу. Так что после шести вечера, когда время посещений закончится, я легко смешаюсь с ними. Я вернулся в палату, чтобы немного привести в порядок одежду. Порывшись в карманах пиджака, я нашел сложенную вчетверо купюру в пятьдесят тысяч лир в верхнем карманчике. Кто ее туда сунул? Конечно же, Оливия, ассистентка профессора, когда утром заставляла меня ходить с закрытыми глазами.

Было четверть седьмого, когда я, потерявшись в шумной толпе венецианцев в черных костюмах, вышел из больницы. Никакой охраны у входа не было. Я быстро прошел по рiuo ди Медиканти до причала. Первый вапоретто до вокзала был сорок первый. «Старина сорок первый, это наша последняя поездка вдвоем», — подумал я.

Невольно я поискал следы метро в стороне от причала. К своему удивлению, обнаружил, что не могу вспомнить ничего из моих прошлых поездок на сорок первом, не могу вновь пережить те чувства, которые вызывали у меня встречи с Муранеллой... Муранелла... Бог ты мой, кажется, что с тех пор прошли месяцы. «А всё эти проклятые лекарства! Настоящая химическая лоботомия», — подумал я.

На вокзале Санта-Лючия я взял билет. И слава богу, так как по пути до Болоньи дважды приходил контролер. Этот пассажирский поезд делал остановки по всем пунктам. Я прибыл в гостиницу лишь в восемь вечера. Было уже темно. За стойкой меня встретил Серджио, старший консьерж, в роскошном синей униформе, похожей на адмиральский мундир.

— Добро пожаловать в отель, профессор. Вы пойдете в ресторан?

Он с любопытством оглядел мой грязный, мятый и рваный костюм и кроссовки.

— Конечно, — ответил я. — Только переоденусь. У меня были кое-какие приключения в Венеции. Знаете, в этом городе, оказывается, совсем небезопасно!

— Да, я в курсе, профессор. Нам звонили из полиции. Там возник небольшой скандал, в особенности из-за этой вашей истории с мессой для кошек. Вас не отлучали от церкви? А то они нам сказали... Слава богу, в газетах ничего не появилось, а большинство отдыхающих, которых вы знаете, сегодня уехали... Я все же надеюсь, что вы сохраните хорошие воспоминания о своем пребывании, — добавил он, подавая мне пару конвертов, ожидавших меня в ячейке. Одна записка была от Наташи: «До свидания и удачи Вам!». Вторая — от Людвиг Манна: «Welcome. Завтра, в воскресенье, в десять утра в парке. Gute Nacht».

Я поднялся в номер и из изумительно красивого чемодана из кожи дикой свиньи, купленного в Абано, достал свою старую одежду. Мой новый костюм пребывал в таком состоянии, что его оставалось только выбросить. Там же я обнаружил мои старые туфли. Я не осмелился пойти в ресторан в кроссовках.

Войдя в зал, я неспешной походкой гордо прошел к своему столику. Мне вовсе не хотелось выглядеть виноватым. Оставшиеся старые отдыхающие почти все меня приветствовали: кто кивком головы, кто улыбкой, кто улыбкой и легким взмахом руки, кто шепотом. Однако некоторые, особенно женщины, усердно изучали карту вин, делая вид, что меня не замечают. Мои старые соседи, Наташа и парочка «Круппов», уехали. Меня окружали бледные, как таблетки аспирина, новые отдыхающие, которые ничего не знали о моих похождениях.

Стильно одетый метрдотель спросил меня, как всегда:

— Professore, vino bianco?

Он не улыбнулся и не подмигнул, всё — как ни в чем не бывало.

Я смог проглотить лишь пол-яблока, выпить четверть бокала белого вина и еще бутылку кайзервассера.

«Да, после такого укола, какой мне сделала Оливия, — подумал я, ложась в постель, — сотрудники отделения неотложной психиатрической помощи могли обрести покой, по крайней мере, на пару суток!»

## Глава 15. Операция «Alter ego»

### Воскресенье, 19 сентября 1999 года

Всю ночь мне, казалось, снился один и тот же сон: сумерки, я сижу высоко в застекленной кабине и управляю электропоездом. При этом я почему-то держу в руках баранку, будто веду машину. Поезд подходит к железнодорожной ветке; на одном пути горят красные огни, на другом — зеленые. Я пытаюсь вывернуть руль, чтобы поезд пошел по тому пути, где горят зеленые огни, но он отчего-то сам собой поворачивает на красный, и мне не удается ни затормозить, ни просигналить.

Скорость нарастает, веток становится все больше и больше, и каждый раз поезд устремляется по запрещенному пути. Мне страшно; я боюсь, что в конце пути поезд слетит в пропасть. Наконец локомотив попадает в длинный черный туннель, и я просыпаюсь с эрекцией.

Был ли это сон-ребус? Так или иначе, но зеленые и красные огни в сумерках вспоминались с удовольствием. Я, должно быть, пробудился всего через несколько секунд после окончания сновидения. В чем же смысл этого сна? Во-первых, он построен на дневном остатке: мое возвращение вчера вечером в сумерках из Венеции в Монтегротто. «Открытые пути (зеленый цвет) должны были вывести меня к свету, но, увы! — вместо этого я поехал на красный, ведущий в туннель или тупик», — бормотал я про себя, спускаясь к стойке отеля. Предстоящая встреча с Людвигом Манном вызывала у меня одновременно и любопытство, и озабоченность. Что-то он мне порасскажет? У меня возникло впечатление, что наши отношения стали менее дружескими. Может, его задело то, что я вчера вечером впервые не отозвался на его приветственный жест, посланный с противоположного конца ресторана?

— Не желаете ли посмотреть «Монд»? — обратился ко мне консьерж у стойки, вынимая дюжину нераспечатанных номеров.

Нет у меня никакого желания их читать. И больше никогда не будет, спасибо. Потому что в этой газете не бывает гороскопов!

Я укрылся в укромном уголке парка, куда, как только туман рассеивался, быстро проникали лучи солнца, и с удовлетворением убедился, что и кошка из отеля выбрала тот же самый уголок в ожидании солнечного тепла.

Людвиг Манн появился к десяти. Он похлопал меня по плечу.

— Итак, дорогой коллега, как там у вас с вашим «я»? — спросил он.

— Неплохо. И если бы не жулики на площади Святого Марка, я бы не попал в эту глупейшую передрагу, завершившуюся больницей. Я должен вас поблагодарить! Знаю, что вы сыграли важную роль в моем освобождении. Я боялся, как бы эти психиатры не выбросили меня в канал...

— Попытаюсь объяснить вам, что произошло, — начал он. — Это в самом деле весьма интересная история, в которой вы были и субъектом, и объектом. Вы первый в ответе за все, что произошло.

— В ответе, но ни в чем не виноват, — парировал я, улыбаясь.

— Лучше я расскажу вам все как было, по порядку. А если вы не поверите, задавайте вопросы.

Я попытался его подловить.

— Уж не хотите ли вы сказать, что разгадали тайну Муранеллы? — спросил я, и при этих словах солнце разогнало последние клочки тумана.

— Не спешите, все в свое время! Дойдет дело и до Муранеллы. Немного терпения, если не возражаете. Поначалу нужно объяснить, с какой стати я вдруг озаботился вашими проблемами. Тем более трудными для разрешения, что многие события вы от меня скрывали, дружище. Но я вас в этом не упрекаю. Ведь вы хотели сохранить в тайне историю с этим знаменитым веществом...

— GB169? Вы позволите мне кое-что записывать?

— Конечно. На самом деле я — нейропсихиатр, — заявил Людвиг Манн. — Но я также возглавляю группу, занимающуюся «наукой о бодрствовании» и проявляющую особый интерес к технике «промывки мозгов». А геронтолог — это мое, так сказать, «прикрытие». Это такая специальность, которая позволяет болтать, что угодно, и никто никогда за руку не схватит. Однако и у шефа австрийских секретных служб может возникнуть артроз тазобедренного сустава. Ежегодные поездки в отпуск в Монтегротто на протяжении многих лет позволяют, если не окончательно вылечить, то хотя бы значительно облегчить течение моего артроза. Наша прошлогодняя встреча позволила мне ознакомиться с предметом ваших исследований, сном и сновидениями, и вашей необычной теорией программирования. Относясь к вам с большой симпатией, чтобы не сказать, по-дружески...

— Я тоже, дружище. Вы скрасили мое пребывание. Оно показалось мне уже не столь долгим и прошло гораздо веселее, — сказал я совершенно искренне.

— Когда вы появились здесь воскресным вечером пятнадцать дней

назад, — продолжал Манн, извлекая из кармана блокнот, — я был просто счастлив вновь вас встретить. Наконец-то есть кто-то, с кем можно поговорить! Я попросил метрдотеля, чтобы он посадил вас за соседним столиком. Он ответил, что это невозможно, чему я был весьма удивлен, когда увидел, что он посадил вас возле той блондинки в противоположном конце ресторана. Видите ли, друг мой, нейропсихиатр, да еще и разведчик, должен принимать в расчет даже малейшие детали и пытаться их истолковать.... Тем более что вы представляете собой весьма привлекательную «цель» по причине вашей работы. И я быстро получил ответ. Обещание хороших чаевых вынудило метрдотеля развязать язык: он извинился, но сказал, что уже получил хорошие чаевые от дамы. Будем называть ее Наташа, если вам угодно. Она пожелала, чтобы вы сидели за соседним столиком якобы потому, что страдает стойкой бессонницей и надеется поговорить с вами об этом за едой. Еще я узнал, что Наташа устроила дело так, чтобы вы проживали в соседних номерах. Наконец, это она организовала вам фанги в три часа ночи! Все это выглядело очень странно, не правда ли? — добавил Манн, листая странички блокнота.

— Странно, в самом деле, странно.

— Вот почему, — продолжил Людвиг, — за ужином я стал следить за Наташей. Полагаю, что она ничего не заметила. Это очень просто, если делаешь вид, что читаешь за столом... Уже вечером в понедельник я заметил, как она виртуозно впрыскивает по нескольку капель какой-то жидкости из своей огромной ручки прямо вам в стакан. Такая ловкость предполагает длительное обучение в секретных службах, это ведь нелегко. С этой-то целью Наташа и заставила вас заказать в среду вечером бутылку минеральной. А чтобы вы приняли очередную дозу препарата, она вас заставила с ней чокнуться. Правда, во многом ее задачу облегчала ваша манера вылезать из-за стола и отправляться за десертом...

Таким образом, уже в понедельник вечером я получил важные сведения. Стало ясно, что некий очень опытный агент, работающий, вероятно, на секретные службы Востока, вливает по нескольку капель какой-то жидкости в ваш бокал и внимательно следит за тем, чтобы вы его выпили. Жидкость эта, очевидно, не имеет вкуса, поскольку вы ничего не заметили...

— Но ведь Наташа писала этой ручкой у себя в дневнике! Это была настоящая ручка, а вовсе не шприц!

— Вы очень наивны, дорогой коллега. Существуют такие ручки, которыми можно писать и в то же время вводить яд или, скажем, стрелять. Все очень просто! Но вернемся к этому веществу. Вспомните наш разговор

во вторник вечером. — Людвиг полистал блокнот. — Это когда вы вернулись после первой поездки на сорок первом вапоретто. Нет, это было в понедельник 6 сентября, когда я пытался выяснить у вас детали ваших текущих исследований и спрашивал, существует ли вещество, способное воздействовать на то, что вы называете «программированием личности». Вы мне ответили, что такого вещества нет. Вы имели право не выдавать своего секрета. Но я понял, что такое вещество есть, тем более что начиная с четверга 9 сентября стал замечать разительные изменения вашего характера. Или, скажем, вашей личности. Потребовалось провести более тщательное расследование...

Тут я его прервал.

— Что вы подразумеваете под изменениями личности? Это просто счастье, что я забросил эту бредовую статью и эту дурацкую теорию. Да, действительно, у меня было несколько эпизодов дежа вю, но их спровоцировали эти проклятые грязевые ванны, как вы сами мне объяснили. А сейчас я чувствую себя отлично...

— Дайте мне продолжить, дорогой коллега, — ответил Людвиг, надевая очки. — Итак, я тайно, чтобы вы ничего не заметили, проводил свое расследование. Не могло быть и речи о том, чтобы следовать за вами в ваших ежедневных экскурсиях на сорок первом вапоретто или шпионить за Наташей, которая каждое утро отправлялась в Падую на взятом напрокат «фиате». Впрочем, она тут же пронюхала, что я не «просто» геронтолог. На днях я узнал, что она запрашивала, разумеется, безрезультатно, сведения обо мне через отделение своего агентства в Вене. Я связался с одним из своих осведомителей в Венеции. Из-за войны в Боснии в провинции Венето их у нас полно, так как в Виченце находится база НАТО. Этот угол просто кишит шпионами, особенно славянскими, конечно...

Вскрости мой осведомитель обнаружил субъекта, который каждый день следовал за вами на сорок первом вапоретто. Это был биолог-исследователь из Дрездена, назовем его Вилфрид. За несколько тысяч марок нам удалось легко перевербовать его. Он дал мне важные сведения, чтобы не сказать, ключ ко всей этой истории, так как оказался связанным напрямую с неким научным дуэтом, замыслившим и организовавшим то, что было названо операцией «Альтер эго».

Людвиг принялся читать записи из своего блокнота.

— Началось все, думаю, с того, что после вашего доклада в Ленинграде в 1974 году ваша теория генетического программирования во время сновидений, или парадоксального сна, стала известна определенным советским спецслужбам. Для них все, что касалось поведения человека,

считалось приоритетным, даже если это противоречило марксистской идеологии. Тут-то ваша лаборатория их и заинтересовала и стала для них лакомой целью. Нет сомнений, что именно поэтому в вашу лабораторию зачастили многочисленные визитеры из стран Востока.

— Не только Востока, но и Дальнего Востока, если вы меня понимаете, — заметил я<sup>[117]</sup>.

— Да! Но вот кто появился в нужный момент — это некий Сергей, о котором вы мне говорили. Он понял, в лаборатории Жуве всегда было гораздо больше ученых из Японии, чем из стран Восточной Европы (*примеч. В. К.*). что вы здорово продвинулись в сторону познания механизмов программирования. Он обнаружил, что вы остаетесь один по ночам в лаборатории, чтобы для чего-то использовать этот норвежский суперкомпьютер...

— Нет, исландский, — уточнил я.

— Пусть исландский. Ему без труда удалось скопировать то, что хранилось на жестком диске, и он понял, что вы исследуете вещество, которое значительно изменяет эту знаменитую тета-активность.

— Да, но это еще ни о чем не говорит. Эти электрические ритмы — просто мираж! А пресловутый тета-ритм — не более чем артефакт самого компьютера... Ну а Муранелла, какова ее-то роль во всей этой истории?

— Терпение! Не желаете перейти в тень? А то солнце начинает припекать.

Мы пересели в тень и попросили проходившего мимо официанта принести нам лимонад со льдом.

— Итак, дорогой коллега, — продолжил Людвиг, просматривая свои записи, — ваш друг Сергей обнаружил, что невозможно украсть это вещество, как вы его называете... ах да, GB169, поскольку вы его держите всегда при себе. Хорошо зная ваш дом, он замыслил кражу. Он попросил своих людей не брать ничего, кроме настенных часов, чтобы все сошло за банальное воровство, и сфотографировать как можно больше из вашей онейротехи, поскольку вы показали ему, где она у вас хранится. Думаю, они пересняли пару томов.

— Пара томов из дюжины, это не меньше тысячи записанных снов!

— Эти воры были специалистами, они выкрали у вас небольшое количество GB169, заменив его сахарозой, но не смогли удержаться от соблазна прихватить с собой, вместе с часами, эту прелестную статуэтку.

Я прервал его.

— Не могу в это поверить. Ведь этот Сергей как-никак был одним из моих учеников. Он мог просто попросить у меня немного GB169. Оно не

оказывает никакого эффекта на человека. Это же не крыса!

— Они отправили, — продолжил Людвиг, — несколько миллиграммов GB169 в суперсовременный биохимический институт в Москве. Благодаря сотрудничеству с неким тайваньским ученым им удалось установить структуру этого вещества, которое оказалась схожим с ядом одной рыбы из китайских морей, и синтезировать несколько граммов. Обладая веществом GB169, можно было проверить его воздействие на электрические ритмы мозга человека, в особенности на тета-ритм гиппокампа. Вот тогда-то и возникла необходимость в сотрудничестве с Гансом Л. Этот Ганс — гениальный ученый, работавший в Галле, и его слава докатилась до Дрездена. В те времена в Дрездене, в ГДР, работал Владимир Владимирович, и, хотя я не могу этого утверждать наверняка, но очень похоже, что он сильно помог Гансу и Сергею!

— Но кто же этот Владимир Владимирович? — воскликнул я.

— Скоро узнаете, и это будет большой неожиданностью, дорогой коллега. Ведь Сергей и Ганс А. имели огромное преимущество перед вами, когда вы встречались с ними в Санкт-Петербурге, поскольку к тому времени они уже убедились в том, что GB169 действительно может изменять тета-активность у человека.

— Но они мне ничего об этом на конгрессе не рассказали!

— Разумеется, ведь они вовсе не собирались открывать вам, где находятся те точки на коже головы, куда нужно помещать крошечные электроды с памятью.

— Знаете, дорогой коллега, я абсолютно уверен, что GB169 не оказывает никакого влияния на программирование мозга, даже если оно немного изменяет тета-активность. Все это еще нужно доказать...

— Я полагаю, что это уже доказано. Так или иначе, в Санкт-Петербурге у Сергея и Ганса появилась мысль использовать в качестве подопытной свинки именно вас! Вот их основные доводы, которые мне кратко изложил Вилфрид, — добавил Людвиг, перевернув еще один желтый листок своего блокнота. — С одной стороны, ваши сновидения записываются на протяжении длительного времени. Ведь вы ведете онейротеку, если я не ошибаюсь, уже более десятка лет.

— Почти тридцать...

— Поскольку они перефотографировали или пересканировали несколько сотен записей ваших снов, то смогли бы определить, если бы введения GB169 стали менять структуру запомнившихся снов, так как вы продолжали их записывать и в Монтегротто, и эти записи было также легко переснять. Этим и занималась Наташа, пока вы катались на вапоретто.

С другой стороны, профиль вашей личности хорошо известен. Ганс Д., которого можно назвать вдохновителем этого опыта, породил идею, которая кажется мне просто гениальной: мы знаем, говорил Ганс, что наш профессор очень верит в свою теорию программирования личности, до такой степени, что почти идентифицирует себя с ней. Если опыт по «депрограммированию» сработает, он перестанет в нее верить. И чем меньше он станет в нее верить, тем сильнее мы убедимся в том, что его гипотеза на самом деле верна. Другими словами, если наш проект удастся, то профессор станет полностью отрицать, что такой проект вообще может существовать, поскольку он станет другой личностью. Ганс Л. предложил и кодовое название для этой операции — так называемое «Альтер эго», «Второе я». На самом деле, — добавил Людвиг Манн, — эта гениальная операция основана на так называемом «парадоксе лжеца»: все жители Крита — лжецы, говорит житель Крита. Если он лжет, он говорит правду. Если он говорит правду, он лжет. Таким образом, вся эта команда договорилась о главном, и оставалось только согласовать некоторые тактические детали.

— Дорогой коллега, я основательно знаком с техникой дезинформации и могу смело сказать, что в этом деле вы — чемпион. Но меня мучает вопрос — почему вы мне ничего не рассказываете о Муранелле? Какое она-то имеет отношение ко всему этому? — с нетерпением спросил я.

— Терпение, дорогой коллега, только терпение! Даже если вы мне не верите, дайте же мне раскрыть перед вами всю тактику этой операции «Альтер эго», хоть она вам и кажется плодом моего воображения.

Совершенно очевидно, что ее нельзя было провести в Лионе. Нужно было выбрать такую ситуацию, чтобы обеспечить постоянное наблюдение за вами и, что особенно важно, проводить регистрацию электрической активности мозга во время сна с целью проверки возможных изменений вашего тета-ритма. Вот почему ваши письма, факсы и электронная почта в Лионе — все это было взято под контроль, что сделать совсем нетрудно. Ваше предстоящее пребывание в отеле «Теодорих», приглашение написать статью в «Philosophical Transactions», а также участие в Венецианском конгрессе, предопределили наиболее подходящий период для проведения операции — месяц сентябрь.

Эту Наташу на самом деле зовут Нина Петровна. Ей была поручена разработка операции в Монтегротто: как вам давать препарат и, главное, как регистрировать его воздействие.

Наташа приехала в гостиницу «Теодорих» еще в середине июля и все блестяще организовала: и столик в ресторане, и резервирование нужной

комнаты. Следовало сделать так, чтобы вы ходили на фанго именно в три часа ночи, так как препарат вам могли вводить около восьми вечера и его воздействие на вас должно было происходить во время сна, между четырьмя и семью часами утра. Не представляло также труда проникнуть в вашу комнату в половине четвертого утра, так как в это время в коридорах пусто. Пользуясь тем, что сон после сеанса грязевых ванн очень крепок, Наташа помещала вам на висок и затылок электроды. Были некоторые трудности при их закреплении из-за сильного потоотделения после фанго. Наташе пришлось использовать разные типы клея на основе бентонита или коллодия, что вызвало местные аллергические реакции, ответственные за макулы и папулы, которые вас так донимали... Вы следите за моей мыслью? Самый деликатный момент операции — это снятие электродов около семи часов утра. В это время в коридорах уже появлялась публика. Однако Наташа легко проникала к вам через вашу общую террасу. Если бы в этот момент вы проснулись, то она стала бы вам молоть всякую чепуху насчет того, что ей якобы приснился кошмар, который так ее напугал, что она прибежала к вам искать защиты. А ее голенький животик, выступающий из-под пижамы, довершил бы все остальное... К счастью или к несчастью для вас, вы ни разу не проснулись. Очевидно, потому, что ваш GB169 в самом деле обладает снотворными свойствами, не так ли?

— Очень может быть, это зависит от дозы. Но вообще все это — вздор! — воскликнул я, и хлопнул рукой по столу так сильно, что мой стакан опрокинулся.

— Сохраняйте спокойствие, дорогой коллега... Итак, вся операция координировалась из Падуи, — продолжал Людвиг. — Каждое утро Наташа отвозила электроды с памятью, или чипы, Гансу Л., который вместе с Вилфридом снимал там квартирку. Таким образом, Ганс мог на своем компьютере анализировать спектры электрической активности вашего мозга, записанной во время сна. И он заметил, что, начиная с третьих суток, тета-активность во время сна стала меняться.

На ваше счастье, благодаря этой пьянке на Эвганейских холмах воскресным вечером и последующей ночной поездке на гору Граппа вы пропустили регистрацию на восьмые сутки! Однако я уверен, что Наташа добавила GB169 вам в вино во время ужина на холмах. Таким образом, вы, помимо вашей воли, подвергались воздействию сильнодействующего психотропного вещества в течение семи суток, что немало. Не думаете ли вы, что длительный прием GB169 может вызвать эффект чрезвычайной продолжительности — месяцы и даже годы?

— Я не верю ни одному слову во всей этой истории, это какой-то

дурной шпионский роман! Но, все-таки, что же Муранелла? — вновь спросил я.

— Я к этому подхожу. Гениальная идея Ганса Д., который всегда оставался на высоте, была следующей: вас должна очень привлечь такая загадка, как парадоксальное появление во времени и в пространстве одной и той же хорошенькой девушки. Это так называемая «загадка в загадке», старый классический прием КГБ. Ваш интерес к таинственной Муранелле должен был направить все ваши мысли на Венецию и отвлечь их от оси Лион — Санкт-Петербург. Если бы вы встретили только одну из двойняшек, то вся история быстро закончилась бы. Вы бы не возвращались на сорок первый, чтобы попытаться ее вновь увидеть!

Близнецы Ольга и Татьяна — агенты КГБ. Сейчас эта организация называется ФСБ. Вы их никогда не должны были видеть вместе. Им не следовало ни смотреть на вас, ни узнавать вас, ни отвечать на ваши заигрывания. Вилфрид предупреждал Ольгу о вашем предстоящем приезде в Мурано, а та, в свою очередь, предупреждала сестру по телефону, выходя у «Мадонны дель'Орто». Ганс А. предвидел, что тайна появления (или появлений) Муранеллы заставит вас в течение нескольких дней совершать путешествия на сорок первом, поскольку, еще когда вы были в Санкт-Петербурге, он успел изучить ваш вкус на хорошеньких девушек. Таким образом, оказывается, вами можно легко управлять...

— Да, да, близнецы, конечно, я так и думал. Что с ними стало?

— Вернулись в Москву. Татьяна улетела вчера вечером транзитом через Прагу, а Ольга — сегодня утром прямым рейсом Аэрофлота.

— А Бьянка?

— Бьянка никакого отношения к вашей истории не имеет, — заверил Людвиг. — О Бьянке и конгрессе в Венеции стало известно из вашего факса. Я сопровождал Вилфрида на вашей лекции. Это он задавал вам вопросы насчет функций парадоксального сна. Должен вам сказать, что если сравнить вашу теперешнюю лекцию в Венеции и прошлогоднюю на Капри, то изменения парадигмы, чтобы не сказать личности докладчика, просто поразительны. Эти записи электрической активности вашего мозга во время сна станут классическими во всех школах по «промывке мозгов»...

— Ну, здесь вы ошибаетесь. Это на Капри я рассказывал байки, а не в Венеции. Я не отрекусь ни от одного слова, ни от одной запятой, ни от явного, ни от скрытого смысла моей лекции в Венеции! А это происшествие на площади Сан-Марко, кто его организовал? ФСБ, австрийские секретные службы или ЦРУ?

— Ни они, ни я, ни папа римский — ответил Людвиг. — Эта кража у вас документов и денег никоим образом не была предусмотрена. В среду вечером Вилфрид следовал за вами до тех пор, пока вы с Бьянкой не укрылись в маленькой гостинице. Надеюсь, вы хорошо провели ночь! А в четверг после полудня он проводил вас до музея Гуггенхейм. И был уверен, что вы вернетесь в Монтегротто тем же вечером. Он известил меня о вашем исчезновении и случайно обнаружил вас в пятницу утром в тот момент, когда полиция арестовала вас вместе с вашими двумя друзьями... Слишком уж колоритными для случайного знакомства!

— Это был счастливейший случай, ниспосланный мне самой судьбой! Я наконец-то обменял свои тесные туфли на разношенные кроссовки, но не смог в этом убедить полицейских, — ответил я, пожимая плечами.

— Ну и наконец, как только ваши ангелы-хранители узнали, что вы находитесь в руках полиции, вся команда тут же разбежалась. Наташа вернулась в Москву, Ганс и Вилфрид — в Санкт-Петербург... По счастью, я смог вступить в контакт с венецианской полицией. Уж не знаю, поверили ли они в историю, которую я им рассказал. Вот почему в больнице к вам отнеслись столь благосклонно. А если бы не это, вы были бы потеряны, мой дорогой! Этот психиатр, обследовавший вас в полицейском участке, был направлен одним профессором из Венеции. Это мой друг, большой оригинал, который на короткой ноге с шефом полиции.

— Еще раз спасибо вам за вашу помощь. Если бы не вы, я бы гнил в тюрьме... Конец вашей истории выглядит вполне убедительно, я в него верю, но в целом весь этот шпионский роман представляется крайне сомнительным.

— Я вам повторяю то, что заявил Ганс: если проект «Альтер эго» будет успешным, наш профессор станет начисто отрицать, что такой проект вообще мог иметь место, так как полностью потеряет веру в собственную теорию... Я думаю, вам потребуется еще несколько недель, а может, месяцев и даже лет, чтобы увидеть свет в конце туннеля. Так или иначе, но блестящий успех операции будет значительно способствовать молниеносному и загадочному взлету Владимира Владимировича.

— Но кто это?

Людвиг Манн не ответил и прижал палец к губам, чтобы я замолкнул. К нам подбежал посыльный.

— Professore, вас к телефону в холле.

Это была Бьянка. Она звонила из Турина. Я быстренько рассказал ей о том, почему не явился на свидание, о ночи, проведенной мною на лестничном пролете, о мессе для кошек, о полиции, психиатрической

лечебнице и возвращении в Монтегротто. Бьянка, которая не имела никакого отношения к так называемой операции «Альтер эго», казалось, не слишком была удивлена моим похождениям.

— Бьянка, — сказал я, — случайность всегда разделяла нас в последний момент. Я жажду вас увидеть. Может, в Турине? Я вам напишу из Лиона, как только раскрою секрет этой «чертовой пилюльницы».

— Итак, вы возвращаетесь в Лион. И что вы намереваетесь теперь делать, после того, как потеряли веру в физиологию?

— Еще не знаю. Следует, пожалуй, изучить серафическую арифметику сновидений. Как в той сарагосской книге. Вот это, несомненно, поможет познать истину.

— *Chi lo sa?* — ответила она. — Тогда до скорого. *Arrivederci, Professore.*

Когда я вернулся в парк, Людвиг Манн исчез.

Я заказал еще лимонаду и внимательно просмотрел те записи, которые делал по ходу его рассказа. Кто же он такой, Людвиг Манн?

Нейропсихиатр — наверняка, геронтолог — конечно же, нет! Он сам в этом признался, но я и раньше догадался, когда он мне рассказывал эту научно-фантастическую басню о людях, которые могут жить тысячу лет... Тем не менее нет никакого доказательства тому, что Людвиг — секретный австрийский агент. Он просто придумал всю эту историю, основываясь на наших ночных разговорах, в особенности на том, который у нас был в понедельник вечером, когда он заставил меня выпить слишком много крепкого австрийского пива. Не верю я и в его «осведомителя», который якобы разоблачил этого псевдошпиона, Вилфрида. Я действительно заметил одного и того же туриста сначала в сорок первом вапоретто, а затем в пятницу утром, когда меня арестовывала венецианская полиция. Но это, несомненно, простое совпадение. Ведь в Венеции столько туристов, и нет ни одного доказательства тому, что это был именно русский шпион.

А эта версия Людвига насчет кражи в моем доме, что ее целью было похищение GB169, — просто вздор. Мне тогда в полиции вполне убедительно объяснили, что меня обворовали цыгане, которые на той неделе уже залезли в несколько других домов. Наконец, я был уверен в том, что если Людвигу и удалось вытащить меня из когтей венецианской полиции, то не потому, что он является шефом австрийских секретных агентов, а из-за знакомства с этим профессором-психиатром, другом начальника полиции.

Но кто такая Наташа? Можно спросить об этом метрдотеля, но ведь Людвиг мог его подкупить. Если даже допустить, что Наташа хотела

действительно обсудить со мной свои проблемы, связанные с бессонницей, чего она, кстати, не делала, она не могла сыграть никакой роли в моем выборе комнаты и времени фанго. Просто на этаже это — единственные одиночные номера. Они соседние. Ну и наконец, нет ничего странного в том, что мои фанги приходились на столь поздний час, поскольку я с опозданием их заказывал, когда уже все более удобные часы расхватали, ведь отель был переполнен.

А эта история с ручкой вообще кажется заимствованной из какого-то плохого шпионского фильма. Заставить меня принимать GB169! Нужно, как минимум, чтобы это вещество у Наташи было, и при этом обладало каким-то действием на человека! Но если даже предположить, что Наташа действительно мне подмешивала GB169, то совершенно очевидно, что оно не оказало на меня никакого воздействия. Ведь единственное нарушение, которое я заметил, это эпизодические ощущения дежа вю, которые определенно были вызваны сеансами фанго. Эти ощущения возникли после трех-четырёх процедур, а теперь, спустя четыре дня после их завершения, практически исчезли.

Это я-то изменился, я? Да это просто идиотизм! Я наконец-то обрел полную свободу суждений. Вот почему я не погружаюсь больше в узко редуccionистский бред и не задаюсь проблемой «зачем нужны сновидения?».

А что имел в виду этот лжец Людвиг, когда сравнил мои доклады на Капри и в Венеции? В прошлом году на Капри я вынужденно поставил себя в карикатурное положение, так как любой ценой должен был защитить эту дурацкую гипотезу о программировании. Я это делал шутки ради, критикуя психологов римской школы. В Венеции же, наоборот, я наконец-то смог раскрыть свою истинную натуру — исследователя, который сомневается, и верит в таинства души, в гороскопы, вещие сны, и больше интересуется искусством, чем наукой. Это тот мир сверхъестественного, где и книга из Сарагосы, которую мы с Бьянкой тогда изучали, и последующая история с мессой, может быть, и для кошек, поскольку, разумеется, у кошек тоже есть душа...

И затем, у меня в кармане находится эта «чертова пилюльница». Я попытаюсь раскрыть ее тайну у себя в Лионе. Я ее не показывал Людвигу. Ведь он мог отобрать ее у меня и испортить.

А что можно сказать об этой истории с установкой электродов на мой висок и затылок? Странное отведение для записи тета-ритма! Да и как можно их приклеить и, главное, отклеить, чтобы я при этом не проснулся?

Наконец, я ни секунды не поверю в связь «таинственных электродов»

с моими папулами. Если бы я сам не рассказал об этих припухлостях Людвигу, то, я уверен, ему никогда бы не пришло в голову настаивать на этом предполагаемом доказательстве присутствия электродов во время моего сна.

Итак, я продолжаю считать, что Наташа — нештатная журналистка. Из-за своего русского происхождения она ненавидит НАТО, что и объясняет ее поведение во время нашего возвращения с горы Граппа. Я сам снабдил вруна Людвигу всеми элементами шпионского романа. Это правда, когда я выпью, то становлюсь ужасно болтливым. «Слишком уж вы много болтаете, Professore», — посмеивалась милая Бьянка после ночи, проведенной с моим близнецом. Вот чертовка Бьянка!

Я в деталях описал Людвигу мои встречи в Санкт-Петербурге с Сергеем и Гансом Л. И именно тогда, тем самым утром, я и произнес это заветное слово: «GB169»! И он так за него ухватился, как будто уже знал всю предшествующую историю... для какого предположения есть некоторые реальные основания. Ведь кто угодно мог разыскать Сергея в России и Ганса в Германии... А эта парадигма, которую Людвиг придумал для так называемой операции «Альтер эго», практически непогрешима: либо я поверю в эту басню, и тогда операция или не проводилась, или провалилась, поскольку моя личность не изменилась, либо я наотрез отказываюсь поверить в нее, что означает, что операция удалась, поскольку я стал другой личностью.

И потом, кто такая Муранелла? Или кто такие Муранеллы?

Я рассказал Людвигу о загадке Муранеллы (или близнецов) чуть ли не в первую же нашу встречу. А Людвиг тут же придумал, что это русские двойняшки, да еще и сотрудницы ФСБ. Хотелось бы проверить, действительно ли они отбыли в Москву, но ведь я же не знал их фамилии. Да и Людвиг всегда может сказать, что они путешествуют по поддельным паспортам.

Надо отметить, что мысль использовать Муранеллу — это гениальная находка Людвигу, который хорошо знает мою слабость к хорошеньким девушкам. Но нет никаких доказательств тому, что двойняшки — русские. Жаль, что вечером я уезжаю, иначе, уверен, завтра вновь мог бы встретить Муранеллу на сорок первом.

Ну, и последнее. Зачем Людвиг придумал всю эту невообразимую сказку? Вероятно, просто чтобы скрасить свое пребывание в этом отеле в полном одиночестве, без друзей, не считая меня. Людвиг любит потрепаться; его обидело, что я не выразил никакого сожаления из-за того, что мы оказались за разными столиками в ресторане. И он приревновал

Наташу. Делать ему было нечего, и он собирал все, что я ему рассказывал, чтобы написать шпионский рассказ или даже роман. Он, разумеется, не гений, как его однофамилец Томас Манн, но гостиница «Теодорих» отдаленно напоминает международный санаторий «Бергхоф» из «Волшебной горы»... Волшебная гора и смерть в Венеции! Надо не забыть на прощание оставить у портье записку для Людвига: «Удачи Вам, дорогой Людвиг, с вашим новым романом „*Волшебные грязи*“».

## Глава 16. Загадка «чертовой пилюльницы» Лион, четверг, 23 декабря 1999 года

Сага<sup>[118]</sup> Бьянка, Как вы и предполагали, мне потребовалось несколько недель, чтобы реакклиматизироваться и быть вновь принятым лионским «истеблишментом». По возвращении из Венеции моя короткая стрижка и двухнедельная борода (по счастью, бриллианта в ухе уже не было) вызвали скандал в моей семье, которая, опять же к счастью, не была в курсе моих походов. (Polizia di Venezia и персонал гостиницы «Теодорих» сохранили полную секретность). Меня уговорили провести десять дней под солнцем Корсики, где мои волосы отросли, а бороду я сбрил. Хотя я сейчас и на пенсии, но, вернувшись, я отправился в свою лабораторию. Теплый прием, оказанный моими учениками, согрел мое сердце, но теперь их физиологический подход стал меня огорчать. Ведь он остается чисто механистическим. Они думают, что, регистрируя нейронную активность микроэлектродами, могут выявить структуры, ответственные за сновидения. Все та же старая редукционистская и локационистская ересь, которую я уже подверг сокрушительной критике на лекции в Венеции. В моей лаборатории появилась и другая ересь: идентификация онейрогенных факторов методами молекулярной биологии с использованием знаменитых молекулярных чипов и, наконец, мода на записи *in vitro* — все это захватило моих лучших сотрудников. Искать отпечатки живых корпускул онейрической души на срезах мозга толщиной в одну десятую миллиметра — какая глупость!

Чтобы показать моим ученикам, в какой тупик они направляются, я прочитал импровизированную лекцию, на которой подвел итог моей великой теории вещей снов (вы ее уже знаете, сага Бьянка). Обратимость стрелы времени вызывается воздействием «оживших» частиц, высвобождаемых душой во время сновидений. Их воздействие должно быть подобно антигравитонам, поскольку еще никому не удавалось взвесить душу. К сожалению, я не обнаружил у моей аудитории того энтузиазма, на который так рассчитывал... Только необоснованную и несправедливую критику, с чем я был вынужден смириться ради великих целей моего экспериментального проекта, идея которого заключается в следующем. В туннеле Фрежюс находится нейтринная лаборатория, где итальянские физики пытаются поймать один-два нейтрино в неделю; если

бы удалось заручиться их сотрудничеством, то можно было бы поискать доказательства появления антигравитонов вокруг спящего в периоды его сновидений.

Однако ни INSERM<sup>[119]</sup>, ни CNRS<sup>[120]</sup>, ни другие организации даже не ответили на мой запрос о финансировании. Я получил также отказ (правда, в весьма вежливой форме) со стороны Ватикана, когда выдвинул собственную кандидатуру на премию папы Пия XI (в тот год она присуждалась за исследования мозга).

Как же это трудно, сага mia, быть предсказателем и противопоставить себя всем этим педантам научного «истеблишмента»! Желание объективно изучать душу теперь рассматривается как что-то неприличное даже в Ватикане.

К счастью, теория, представленная мною в начале ноября на конгрессе «Архетипы Рейки» в Шамбале, привлекла совсем другую публику, полную энтузиазма, и, мало-помалу, благодаря связям, которыми я обзавелся на этом конгрессе, передо мной открылся целый новый мир. Una terra incognita, сага Bianca, такая же неведомая, как микропсихоанализ, о котором вы мне рассказывали в Венеции. Слышали ли вы, сага mia, о шиацу и ее меридианах? А об аюрведе? Это настоящая наука, основанная на ведической астрологии (в которой я почти ничего не смыслю). А месяц тому назад я был приглашен в замок Божоле на семинар по психогенеалогии. Там я научился составлять гено-социограмму, а также, вместе с несколькими наставниками преклонного возраста, был участником психодрамы, разыгранной по методу Морено. Я боялся, что психогенеалогия позаимствовала некоторые мысли из моей дурацкой теории генетического онейрического программирования, но, слава богу, оказалось, что это не так, поскольку никто моих старых статей не читал.

Теперь мое реноме признано и другими школами в психологии, психоанализе и психосинтезе, где меня представляют ренегатом «чистой» науки. Так, в начале этого месяца я был приглашен в роскошный отель на берегу Цюрихского озера. Там я участвовал в европейском семинаре по «кайседианской софрологии». Это такая новая наука, основанная Альфонсо Кайседо, которая меня живо заинтересовала. Вы, должно быть, знаете, сага Бьянка, что «вивантистский<sup>[121]</sup> софроанализ» Кайседо позволяет так называемым «софрологам-кайседианцам» (главным образом цюрихской школы) практиковать «фроническую виванцию» в определенной позе для достижения «сознания ясного, интегрированного, бодрого, свободного и бдительного», что позволяет постоянно сохранять чувство ответственности

и самоконтроль. Проявив определенное любопытство, я узнал, что некоторые широко известные политики и даже руководители европейских и африканских государств действительно изучают кайседрианство!

К сожалению, боли в суставах не позволили мне оставаться в необходимой позе дольше нескольких секунд, несмотря на упорство моей инструкторши, огромной и здоровенной жительницы Цюриха. Вот почему я не могу пока считать себя настоящим кайседрианцем, но и новичком тоже вряд ли являюсь, поскольку уже заплатил им пять тысяч швейцарских франков...

Там, на берегу Цюрихского озера, я встретил нескольких психологов-юнгианцев, сбегавших из Института Юнга в Кюсснахте. Они рассказали мне о новой ветви юнгианского психоанализа — астропсихологии, разработанной Лизой Грин в рамках школы «Сердцевина небес» (или, по-английски, Mid-Heaven).

Эта школа использует некоторые концепции, подобные тем, на которых основана моя астроонейрология, или, точнее, онейроастрология. Однако, тiа сага Бьянка, чтобы внести ясность в эти мои идеи, необходимо еще раз проанализировать 6500 сновидений из моей онейротеки. Я надеюсь, что найдется такой ученик или ученица, который мне поможет сделать на основе каждой записи краткое резюме и перевести его в цифровой код, чтобы затем изложить на языке серафической арифметики, согласно сарагосской книге, чтение которой нас так раззадорило, сага Бьянка, во время нашей прогулки по Венеции. Я решил даже перенести эту арифметику в мой компьютер. Для этого я пошел учиться на факультет информатики в нашем университете. К сожалению, я был вынужден покинуть занятия уже через неделю, так как мой семидесятилетний мозг не способен усвоить эти странные рефлексы чемпионов по программированию, двадцатилетних мальчишек!

Однако время этой стажировки не было полностью потеряно для меня, поскольку я встретил там одного адепта нового метода, вышедшего из старой механистической физиологии сновидений. Речь идет о методе, называемом EMDR, или «Eye Movement Desensitization and Reprocessing», или «нейро-эмоциональной интеграции». Эта недавно возникшая школа учит произвольно выполнять во время бодрствования быстрые движения глаз, подобные или сопоставимые с теми, что развиваются во время сновидений, то есть во время REM-sleep, или парадоксального сна. Такой метод позволяет ускорить процессы освобождения от синдрома посттравматического стресса. Я написал своим друзьям в Гарварде, разработавшим этот метод, и попросил их детально объяснить мне его

психофизиологические основы, но пока не получил от них ответа...

Наконец, сага Бьянка, как я вам и обещал, я смог разгадать тайну этой «чертовой шкатулки для пиллюль». По возвращении в Дион я связался с директором одной замечательной лаборатории CNRS в области физики сжатия материалов. И только что получил его отчет об экспертизе, пока что конфиденциальный. Объяснение следующее: внутренние и наружные бортики самой шкатулки и ее крышки продублированы слоем тончайшей зубчатой ленты, выполненной из сплава золота, серебра и никеля. Считалось, что такой сплав впервые изготовили лишь в конце девятнадцатого века, но, оказывается, он был известен уже в восемнадцатом. Эти ленты, весьма чувствительные к изменениям температуры, выполнены в виде геометрических фигур — циклоромбоидов, располагающихся в соответствии с уравнением Вентури-Кастальди. (Тот самый знаменитый Вентури, открывший закон, носящий его имя, на основе которого создаются реакторы и ракеты.)

Любые снижения температуры, даже не превышающие одну-две десятых градуса, достаточны для смещения зубцов, так что шкатулку становится невозможно открыть. Наоборот, соответствующее повышение температуры немедленно высвобождает последовательность циклоромбоидов и позволяет открыть пиллюльницу.

В то же время, сага Бьянка, вы наверняка изучали в курсе физиологии на вашем знаменитейшем медицинском факультете университета в Тогино, что температура руки является прекрасным показателем нашего психического состояния, я бы даже сказал, нашей души.

Любое удовольствие или даже просто приятная мысль, то есть воображаемое удовольствие, немедленно вызывает повышение температуры ладони и пальцев вследствие парасимпатической активации (эрекция эректильных тканей носа, расширение пальцевых артерий). Наоборот, всякое неприятное ощущение или стресс, в том числе мысль дать яд или совершить самоубийство, приводит в действие систему симпатических вазоконстрикторов, и, таким образом, рука охлаждается. Тот же самый механизм, только переоткрытый и усовершенствованный лет шестьдесят назад, лежит в основе разработанного в США «детектора лжи».

Я храню эту пиллюльницу надежно упрятанной в деревянную коробку в ящике моего стола. Она — единственный свидетель моего приключения, чтобы не сказать, сага Бьянка, *наших* венецианских приключений, которые начались на сорок первом вапоретто и должны были привести нас к отелю, куда вы меня пригласили, сага Бьянка, а на самом деле завершились, увы, моим исчезновением.

Когда ж я вновь увижу вас? Почему бы не в Torino в начале февраля? Оставаясь в ожидании, mia cara, я желаю вам un allegro Natale<sup>[122]</sup> и надеюсь, что новый 2000 год поможет вам открыть ваше сердце и ваш дух тем посланиям, которые им ниспосылает божественная душа во время сновидений.

# **Глава 17. Владимир Владимирович Понедельник 20 — понедельник 27 марта 2000 года На борту парома «Вестерален» между Бергеном и Киркенесом (Норвегия)**

*Берген, понедельник 20 марта 2000 года*

Чтобы не стерлись воспоминания о тебе, carissima Бьянка, я решил вести для тебя хронологический дневник моего плавания. Воспоминания о тебе или о нас обоих? Скажем, меня не покидают воспоминания о нашей ночи 10 февраля в отеле «Мажестик» в Тогино, и этим вечером внезапно в моей памяти всплыла наша долгая дискуссия в постели, освещенной восходящим солнцем. Ты прочитала мне несколько страниц из книги Примо Леви. Когда он был в концлагере, куда был депортирован как еврей в годы минувшей войны, ему однажды пришлось ради утоления жажды сосать упавшую с крыши сосульку. Немецкий охранник вырвал ее и швырнул на землю. «Но почему?» — спросил Примо Леви. «Здесь нет слова „почему“», — ответил охранник.

Тогда ты мне сказала, полушутя-полусерьезно: «Нет слова „почему“, как в твоей физиологии. Твоя физиология пребывает в концлагере, где никакие „почему“ не разрешены, только „как“». И я хорошо помню, что ты добавила: «Ты точно так же не хочешь больше изучать „почему“ сновидений, зачем они нужны, как тогда, когда ты пытался обосновать свою теорию генетического программирования личности, так как решил, что все это относится к области метафизики. Но твоя курьезная теория оживших частиц духа, которые выделяет душа во время сновидений, тоже относится к области метафизики, как и все, что связано с душой, этой абстракцией, которой не существует».

Но нет, carissima, это я — первый натурализовал душу и сделал ее двигателем вещей снов. Это я, напротив, освободил душу из области метафизики, куда ее упрятал Декарт, освободил, чтобы пригласить ее ступить в область физики. И кто посмеет сказать, что эти мои усилия, пусть

пока, увы, и напрасные, мои попытки показать, что именно антигравитоны вокруг спящих ответственны за вещие сны, не релевантны самой современной физике — квантовой механике и теории великого объединения?

Теперь нужно объяснить тебе, как некое онейрическое послание привело меня этим вечером в Берген, где я погрузил свою морскую сумку на борт парома «Вестерален».

Помнишь, в сентябре 1999 года, в Венеции, я заметил изменение в содержании моих сновидений. Появилось много снов-ребусов, таких, как «стена с кольцами» (*mur a anneaux*) — означающая «Мурано», или как «царь ребятишек» (*tsar á gosses*) — сон-предвестник появления сарагосской книги, содержание которой нас весьма удивило, а также тот эротический сон, о котором я тебе рассказывал во время нашей ночи в Torino. Это сон о женщине, обнаженной, совершенно белой и очень красивой. Совершенно белая — это ты, *carissima* Бьянка. После возвращения в Лион я обратил внимание на серию снов с одинаковым содержанием. Эта серия сновидений привела меня к настоящему сну-ребусу. Сначала это были пять-шесть обрывков снов о фонтанах и воде. Огромные позолоченные фонтаны, рождающие могучие струи воды, подкрашенной красным и оранжевым; или еще — потоки горной воды, белой и голубой, разделяющиеся на ручьи и ручейки и переходящие потом во множество фонтанов. Наконец, мой последний сон был освещен водой фонтанов, окрашенной во все цвета радуги, бьющих ночью посреди большого парка. В конце этого сна «онейрический голос» очень отчетливо вдул в мое правое ухо два слова, которые я не могу забыть: «вода» и «фонтан». Это ребус был мною получен 20 февраля 2000 года; вначале я не смог его расшифровать, а потом разгадка пришла ко мне сама; это величайшая из всех возможных случайностей, если вообще уместно говорить о случайности в этой области.

Дело в том, что после своего возвращения в Дион, поскольку у меня оказалось свободное время, я занялся классификацией тысяч моих диапозитивов. Нужно было также навести порядок в кляссерах с научными и туристическими фотографиями, привезенными из сотен моих поездок по всему миру за более чем полувековой период. Утром 1 марта я наткнулся на альбом с фотографиями одной из моих поездок в Норвегию в 1986 году. Мы с приятелем отправились тогда на маленьком буксире половить треску в открытом море неподалеку от норвежских берегов, и я привез оттуда несколько десятков снимков Белого моря в тумане, утесов, покрытых снегом, трески, пойманной на голые крючки без наживки. Вновь всплыл в

моей памяти вкус тресковых язычков, сваренных на морской воде, под скандинавскую водочку... Вновь увидел я маленький живописный порт на одном из островов, где мы причаливали и где я встретил седобородого кузнеца, который работал с поднятыми со дна моря обломками немецкого крейсера «Тирпиц», потопленного в этом месте французскими военными самолетами в 1944 году. Эти бесформенные куски железа в его руках превращались в прекрасные скульптуры всевозможных морских птиц.

Лофотен! Внезапно это слово всплыло в моей памяти. Это были острова Лофотен, куда мы причаливали и где ловили треску. Лофотен — воды фонтан!<sup>[123]</sup> Почему возник этот сон-ребус о Лофотенских островах? Нужно как можно скорее вернуться туда и, быть может, встретить этого бородатого кузнеца, который в моем воображении постепенно принимал облик одного из богов нордической мифологии — Тора.

Вот почему, *carissima*<sup>[124]</sup>, этим вечером я и очутился в Бергене. Рейсы Париж — Осло и Осло — Берген были выполнены вовремя, несмотря на плохую погоду. Сейчас «Вестерален» поднимает якорь. Мы отчаливаем безлунной ночью. До завтра.

### ***Вторник, 21 марта***

Меня разбудила качка. Я люблю волны и никогда не страдаю морской болезнью. Но, правда, ненавижу ощущение, когда земля уходит из-под ног; у меня возникает «морская болезнь на твердой почве». Это странное ощущение появлялось у меня после грязевых ванн в Монтегратто.

Мы вышли в открытое море, чтобы обогнуть мыс Весткап, самую восточную точку Норвегии. Поскольку здесь море больше не защищено островами, ветер поднял барашки на волнах, и они при самых сильных порывах ветра ниспадали диковинным плюмажем. Я спустился в бар-ресторан и взял попробовать *Geistost* на завтрак. Это козий сыр, превращенный в нечто, похожее на плитку шоколада, в который добавляется сметана. Нужно проявить должную сноровку, чтобы настрогать его на тонкие ломтики с помощью специальной лопаточки — как для торта, но с прорезью посередине. Оказалось вкусно; уверен, что тебе бы понравилось, *carissima*.

### ***22 марта***

Прости, что не описываю заход в порты Торвик, Алезунд и Кристианзунд. Группа школьников поднялась на борт в Торвике и сошла в Алезунде. Я был так измучен их шумом, что, когда они сошли, заснул прямо в салоне для обозрения.

**23 марта**

Заход в Тронхейм. Краткая экскурсия в готический собор. У меня такое впечатление, что цены на свитера ручной вязки опускаются по мере продвижения на север. Так что, когда мы достигнем Северного полюса, я, пожалуй, куплю себе один, carissima.

**24 марта**

Мы только что пересекли полярный круг неподалеку от Свартисена, второго по величине ледника в Норвегии, сделали короткий заход в порт Боло и за четыре часа пересекли весь Вестфьорд. Мы наконец прибыли по тому адресу, который мне нашептали онейрические уста в моем последнем сне-ребусе...

...Завершаю этот день. Уже очень поздно, и я ощущаю некоторую растерянность. В середине ночи, часам к четверем, корабль подошел к Лофотенским островам; такое впечатление, что мы оказались у стены тысячеметровой высоты, покрытой снегом, сверкавшим в огнях Свольвера, главного города Лофотен. Я не нашел того старого седобородого кузнеца, и кузница его тоже исчезла. Я обнаружил только весьма посредственную коллекцию маленьких бакланов, изготовленных, я уверен, на станке... Ведь мое последнее путешествие сюда было двадцать лет назад, так что я больше не узнаю ни самого городка, ни его порта, не вижу тех деревянных домиков, раскрашенных во все цвета радуги... Carissima Бьянка, мне очень нужно было плыть на острова Лофотен, и вот я здесь и не получаю никакого ответа на мой сон. И что же делать дальше? Сидеть здесь и ждать два дня, чтобы сесть на прибрежный экспресс «Полярлис», который вернется обратно в Берген, или же продолжать идти на «Вестералене» до его конечного пункта, Киркенеса, на русской границе? Пожалуй, лучше все же подняться к северу. Chi lo sa? Может, не обязательно причаливать к Лофотенам, чтобы раскрыть секрет «воды фонтанов»? Buona notte, carissima<sup>[125]</sup>.

### ***Суббота, 25 марта***

Мы прошли по узкому проливу между материком с правого борта и островами — с левого. Местность повсюду холмистая, фермы с прямоугольными полями чередуются с березовыми рощами. Казалось, что мы плывем по озеру, настолько вода была гладкая и такая прозрачная, что видны медузы.

В полдень прибыли в Тромсё. Наше судно прошло перед арктическим собором, в котором находится самый большой витраж в Европе. Тромсё — это «остров в полярном море», откуда отправлялись многочисленные экспедиции, включая экспедицию Амундсена, чья статуя возвышается над портом. Под мелким холодным дождем я вышел отдать дань памяти этого величайшего исследователя Арктики. Потом пришлось выпить большую порцию грога с ромом, чтобы согреться.

### ***Воскресенье, 26 марта***

Краткая стоянка в Хоннигсваге, после чего мы пошли к мысу Норд. Нет уже деревьев на изрезанном берегу, но нет еще и северных оленей. Весной лопари вывозят их отсюда на лодках, а осенью они сами возвращаются по заснеженному льду.

Впервые небо очень ясное, и я предпочел остаться на палубе, закутавшись в спальный мешок, так как было очень холодно. К полуночи появилось очень блеклое северное сияние. Порой оно усиливалось этой безлунной ночью и походило на извивающихся небесных змей. Увидев первые падающие звезды, я сразу же загадал желание — угадай какое?

### ***Понедельник 27 марта***

Сегодня мы дошли до Бокфьордена к югу, чтобы достичь Киркенеса, конечной точки нашего маршрута, расположенного километрах в десяти от русской границы. Киркенес — город уродливый и тоскливый, покрытый грязным снегом, тающим под ледяным дождем. Большая часть его жителей занята на железорудных карьерах. Но большинство работающих там и мужчин, и женщин — русские, они каждое утро на автобусе приезжают из России, а вечером возвращаются обратно.

Со своей дорожной сумкой я укрылся в грустном кафе, полным едкого дыма от русских сигарет, и здесь заканчиваю письмо, которое сразу же и пошлю. Не знаю, что делать в этой удручающей атмосфере. Ждать некое знамение ответа на сон-ребус? Но «Вестерален» через час поднимет якорь и уйдет на Берген. Эта стоянка слишком коротка, чтобы уловить такое знамение.

Придется мне, видно, остаться здесь на несколько дней, а потом улететь прямым рейсом на Осло. Сейчас полдень, день дождливый и печальный, на улицах грязно. Я заказал еще пива, и норвежская официантка, приняв меня за русского, принесла мне еще и русскую газету. Это была «Правда», с огромным заголовком через всю первую полосу. Мне удалось разобраться в кириллице, и я понял, что некий Владимир Владимирович Путин вчера, 26 марта, выиграл президентские выборы в России. На фотографии Путин выглядит довольно молодым человеком, до пятидесяти лет, с печальными глазами, удлинённым носом и маленьким подбородком, без усов и бороды. Этот абсолютно неизвестный человек пришел на смену старому пьянице Ельцину...

Уже пять часов вечера, пора покинуть это кошмарное кафе и отнести сумку в соседнюю гостиницу.

Сейчас одиннадцать часов вечера; тщетно бродил я по пустынным улицам Киркенеса в поисках какого-либо предзнаменования и спрашивал себя, что мне теперь делать? Вернуться завтра в Осло самолетом, если будет место, или же (а почему бы и нет?) вернуться через Россию, при условии, что завтра в консульстве мне дадут визу. Ведь сюда каждый день из Санкт-Петербурга через Финляндию ходит автобус.

Я тебе напишу завтра, *carissima* Бьянка, и сообщу, куда я еду. Но все дороги ведут в Torino. 15 апреля я тебя увижу. На этот раз я приеду на машине, и мы поедem в Валле д'Аоста, а оттуда, если не возражаешь, в туннель Фрежюс на ловлю антигравитонов.

Обнимаю тебя, *carissima*.

В завершение этого длинного письма — всего лишь пара слов. Какое, в самом деле, смешное совпадение! Я насчет этого Владимира Владимировича! Не помню, рассказывал ли я тебе об этом в Венеции? Ведь Людвиг Манн и вправду как-то говорил мне о некоем Владимире Владимировиче...

---

**notes**

## **Примечания**

Гуго Ласэв — придуманный М. Жуве гениальный французский ученый XVIII века, медик по образованию, философ и натуралист, испытывавший особый интерес к загадке сна и сновидений. Анализируя полторы тысячи своих снов, которые он записывал тотчас после пробуждения на протяжении шести лет, Ласэв обнаружил, что определенные картины и сюжеты время от времени повторяются, подчиняясь строгой математической закономерности. Располагая лишь примитивными механическими и оптическими приборами своего времени, он сделал открытия, которые составляют гордость нейрофизиологии второй половины XX века. Он догадался о существовании в головном мозге центра сна, о наличии в организме особых веществ, регулирующих сон, сформулировал гипотезу о функции сновидений и т. д.

Неутомимый путешественник, Ласэв бесследно исчез в одной из экспедиций Лаперуза к далеким островам Рюкю в западной части Тихого океана. К счастью, спустя двести лет дневники Ласэва якобы были случайно обнаружены в сундуке, купленном на распродаже антикварных изделий, и легли в основу романа М. Жуве «Замок снов», недавно опубликованного и в России (серия «Наука для всех», пер. с фр. В. М. Ковальзона. «Век 2», Фрязино, 2006).

В мире науки. М.: Мир, 1983. № 6. С. 62–71.

*Ковальзон В. М.* Стресс, сон и нейропептиды // «Природа». 1999. № 5.  
С. 63.

4

Vaporetto — большой катер, морской трамвай (*итал.*).

5

Сновидческие.

В 500 году король Теодорих провозгласил, что эта вода обладает божественной целебной силой (*итал.*).

Prego — пожалуйста (*итал.*).

Vitello alia romana — телятина по-римски (*итал.*).

Pescheria — рыбный рынок (*итал.*).

**10**

Troppo freddo! — Слишком холодная! (*итал.*)

**11**

No. Troppo caldo. — Нет. Слишком горячая (*итал.*).

**12**

Хорошо? (*итал.*).

A domani... grazie — до завтра... спасибо (*итал.*).

Так у автора. В действительности это два острова — Рива и Альто, которые принято считать единой территорией Риальто.

В Венеции *gio* (итал.) — небольшой канал или улочка: *gio terra* (примеч. ред.).

Русское соответствие: REM-сон. Сон с быстрыми движениями глаз.  
Синонимы: парадоксальный сон, быстрый сон, активированный сон, десинхронизированный сон, сон со сновидениями и проч. (*примеч. В. К.*).

REM — англ. Rapid Eye Movement (*прим. верст.*).

Ради бога! И что? (*итал., англ.*)

Все, все, все (*итал.*).

Девушка (*итал.*).

Зачем? — Просто так (*итал.*).

Как приятно встретить вас здесь! *(англ.)*

Могу я задать вам профессиональный вопрос, Джим? *(англ.)*.

Конечно. Я буду рад ответить на него... Если смогу (*англ.*).

Совершенно верно (*англ.*).

25

Это трудная проблема. Как вы полагаете ее решать? (*англ.*).

Понимаю. Вы делали это? *(англ.)*.

Это ваша проблема, профессор (*англ.*).

Поразительная (англ.).

Краткое сообщение *(англ.)*.

Вы все еще работаете над этой проблемой? *(англ.)*

Между прочим, она очень милая, очень привлекательная! (англ.)

Как вы это называете? (англ.)

Маленькие человечки (*итал.*).

От rio.

Как знать? *(итал.)*

Пожалуйста, сеанс грязей закончен. — Прошу вас, Джулио, сегодня двадцать минут. — Хорошо, профессор (*итал.*).

Мыши, как и большинство млекопитающих, ночью, в темноте, преимущественно бодрствуют, а днем спят. Однако лабораторных мышей обычно содержат в условиях реверсивного светового режима: с 8 до 20 часов — слабый красный свет, с 20 до 8 утра — яркий белый (*примеч. В. К.*).

Пожалуйста, профессор, сейчас же заканчивайте грязевую процедуру  
(итал.).

На самом деле — напротив Военно-медицинской академии, где проходил симпозиум по сну, организованный М. Жуве и А. М. Мухаметовым в рамках Всемирного физиологического конгресса (*примеч. В. К.*).

Курортное местечко в Калифорнии.

Соответственно: один из Гавайских островов и курортное место в окрестностях Рио-де-Жанейро.

В реальности эта работа была выполнена отечественным исследователем И. Н. Пигаревым (*примеч. В. К.*).

Конференция («Саморегуляция процесса сна»), на которую был приглашен М. Жуве, проходила в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде (*примеч. В. К.*).

Такая статья в ЛГ действительно была опубликована, но раньше, чем проходила конференция, и была написана в достаточно корректном тоне, без навешивания ярлыков — иначе в те годы никто бы Жуве в СССР не пригласил! (*примеч. В. К.*)

Ганс очень толковый ученый (*англ.*).

Разумеется, Сергей лукавил. Все участники Конгресса были в курсе скандала, от которого пострадал и сам Жуве. Часть средств (в размере не менее ста тысяч долларов), направленная Международным комитетом по подготовке конгресса в адрес петербургских организаторов и предназначенная для раздачи руководителям симпозиумов с целью компенсации их расходов, бесследно исчезла вместе с теми людьми, которые должны были их распределять! Однако по причинам, о которых можно только догадываться, Международный комитет предпочел его замять... *(Примеч. В. К.)*

До свидания, до свидания, завтра, завтра (*итал.*).

Для вашего здоровья, для вашей сексуальной силы (*англ.*).

Джулио, сегодня, только 12 минут, пожалуйста (*итал.*).

«ЧУВСТВО», 1954 г.

Настоящее имя Анна Мария Альтенбургер, итальянская актриса (1921–2006). Сыграла сотни ролей в кино и театре, в том числе в фильмах Висконти, Антониони и Бертолуччи (*примеч. В. К.*).

Алло, алло, это профессор Жуве. Я так рад говорить с вами (*итал., англ.*).

«Толкование сновидений» (нем.).

Примерно 20 долларов США.

Motoscafo — небольшой катер (*итал.*).

Всё начинается от двери (*лат.*).

Здесь: предмет рассуждений (*филос.*).

Panetti — булочки.

Prosciutto — свиной окорок; zamrone — фаршированная (передняя) свиная ножка (*итал.*).

Национальный исследовательский центр (*итал.*).

Сон с подергиваниями у новорожденных, открытый первой женой М. Жуве, ныне покойной Д. Жуве-Мунье, а также парижской исследовательницей Ш. Дрейфус-Бризак в начале 1960-х.

Считается, что этот сон является предшественником парадоксального сна у взрослых (*примеч. В. К.*).

«Оно», или бессознательное во фрейдистской психологии (*примеч. В. К.*).

Сисмический сон (*итал.*).

Благодарю вас за внимание (*итал.*).

«Я не выдумываю гипотез» — выражение Исаака Ньютона (*примеч. В. К.*).

Римская академия, одна из старейших в мире, объединяет ученых различных направлений (*примеч. ред.*).

Доктор вас примет сразу (*итал.*).

Добрый вечер, профессор! Знаменитый профессор по кошачьим снам!  
(итал.)

1800 франков — около 300 долларов (*примеч. В. К.*).

Так у автора. Вероятно, речь идет о Павловске (*примеч. ред.*).

Некоторые книги изданы в России: «Глаз разума: Фантазии и размышления о самосознании и о душе» (сост., обр. Хофштадтер Д. Р., Деннетт Д. К.), М., 2003; Крик Ф. «Безумный поиск: личный взгляд на научное открытие», М., 2002; Крик Ф. «Жизнь как она есть: ее зарождение и сущность», М., 2004 (*примеч. В. К.*).

Закуски (*итал.*).

Немец? — Нет, я француз (*итал.*).

Вы сказали, что в 1944 году служили в альпийской дивизии, где? — В Кейрасе, возле Сен-Верана. Была чертовки холодная зима. — Вы были офицером? — Конечно, нет. Я был слишком молод. Всего лишь капрал. А вы? — Фельдфебель. В том же районе. В лыжном патруле. Да, зима была очень, очень холодная. Поначалу французские войска не имели достаточно хорошего обмундирования (*англ., нем.*).

Кто знает? *(итал.)*

Вид (англ.).

Около 30 тысяч долларов США.

Клецки из свежеприготовленной пасты с рагу из белых грибов и рыбы под кукурузным соусом (*итал.*).

Маленький, крошечный (*итал.*).

Чистая шерсть супер 150, в темно-серую полосу (*итал., англ.*).

Пожалуйста (яп.).

Примерно 300 долларов.

Нет паспорта? ОК. Нет идентификационной карточки? ОК. На получение новой карточки может потребоваться несколько дней. Знаете ли, необходимо много проверок! — Я знаю, спасибо (*англ.*).

Судьба (араб.).

Пожалуйста, фото с голубями (*яп., англ.*).

До свидания, до свидания (яп.).

Пьяцетта, нет, извините. Слишком далеко (*итал., англ.*).

Кот знает (*итал.*).

Он в отеле? (англ.)

Добрый вечер, доктор. Профессор Мишель Жуве ожидает вас в вашем номере (*итал.*).

До завтра. Спокойной ночи (*итал.*).

Чертова пилюльница (*итал.*).

По-французски — *tsar à gosses*.

Современная сомнология проводит четкое различие между эмоционально-насыщенными сновидениями, происходящими во время парадоксальной фазы сна, и неэмоциональными гипногагическими галлюцинациями, возникающими при засыпании (*примеч. В. К.*).

Автор, видимо, ошибся — в Венеции есть университет, в Западном Дорсодуро, возле церкви Св. Себастьяна (*примеч. В. К.*).

Арифметика ангела (*лат.*).

Паромы (*англ.*).

Здесь: сок акации, применяемый в медицине (*примеч. В. К.*).

Нет, гостиница дель и Ассасини (*итал.*).

**100**

Ваша дама вас «продинамила» (*итал.*).

**101**

Спать и увидеть приятный сон (*англ.*).

Месса для кошек (*итал.*).

Французский писатель XIX века.

У итальянцев аналог русского «кис-кис».

Муниципальная полиция (*итал.*).

Элита (*англ.*).

Совершенно сумасшедший (*итал.*).

Наиболее распространенные снотворные и успокоительные средства, типа элениума и проч.

Дедуля, сейчас мы будем долго-долго спать! (*итал.*).

Мертвая петля (*англ.*).

Дедуля, вы прямо как черт в табакерке (*итал.*).

До свидания (*итал.*).

Извините (*итал.*).

**114**

Причина неизвестная (*лат.*).

Такой красивый! Такой эротичный! (*итал.*)

Триста первая палата (*итал.*).

В лаборатории Жуве всегда было гораздо больше ученых из Японии, чем из стран Восточной Европы (*примеч. В. К.*).

Дорогая (*итал.*).

Аналог Академии медицинских наук.

Аналог Академии наук.

Неологизм, от испанского *vivancia* (пережитое). Термин, означающий, по А. Кайседо, интегрированное чисто эмоциональное воздействие от пережитого (*примеч. В. К.*).

Веселое Рождество (*итал.*).

Игра слов: Lofoten — l'eau-fontaine (*фр.*).

Дражайшая (*итал.*).

Доброй ночи, дражайшая (*итал.*).